Александр Шмаков

На литературных тропах

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«На литературных тропах» А. Шмакова представляет собой историко-литературные очерки о Радищеве и Акмулле, Сейфуллиной и Завалишине, Серафимовиче и Фадееве и о других писателях, связанных с историей нашего края.

Значительное место в книге занимают обзорные очерки «Уральские писатели о Ленине», «Дооктябрьская «Правда» и литературная жизнь Урала».

Сборник «Литературные тропы» представляет интерес для литературоведов, учителей, библиотекарей, краеведов и любителей литературы.

- На литературных тропах
  -
  - Уральские писатели о Ленине
  - Дооктябрьская «Правда» и литературная жизнь Урала{29}
  - Поэт революционного Челябинска{42}
  - Рабочий поэт
  - «Вытянут и литературу»{56}
  - На литературных тропах{67}
    - 1. В домике старого Масалима
    - 2. Троицкое литературное гнездо
    - 3. Забытый поэт Троицка
    - 4. Культурный очаг Челябинска
    - 5. Челябинское литературное гнездо
  - Связи А. Серафимовича с Уралом
  - Федор Панферов и уральцы
  - Рождение таланта
  - Энтузиаст русской литературы
  - Выдающийся книговед{104}
  - Певец двух краев{119}
  - Знакомство с земляком{135}
  - Добрый друг уральцев
  - Записи Радищева об Урале{164}
- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

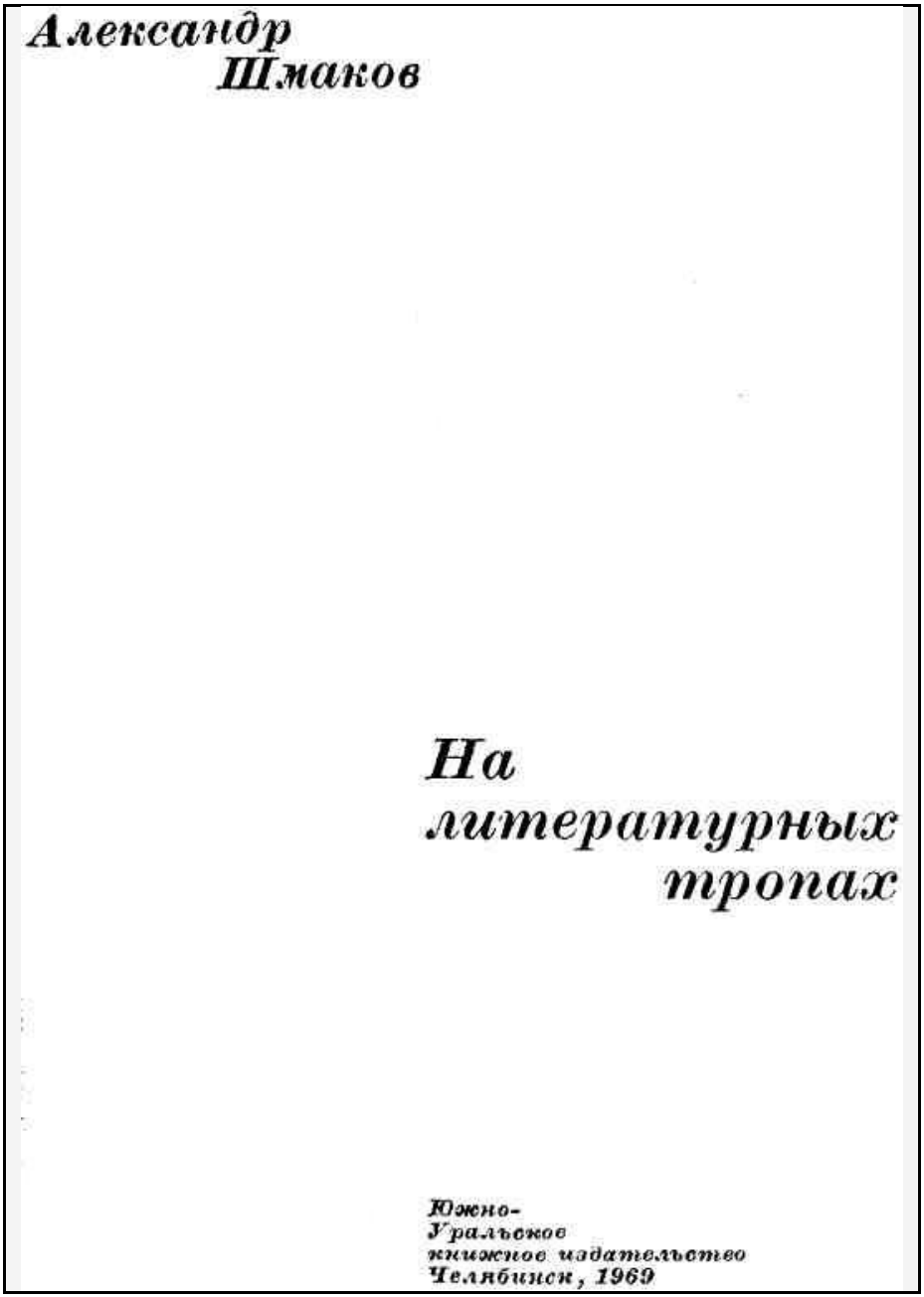
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50

- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94

- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138

- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182

На литературных тропах



Уральские писатели о Ленине

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами.
Никогда, никогда.
Никогда! Никогда!
Коммунары не будут рабами.

Эти мятежные и мужественные строки любил Ленин. Их читала Владимиру Ильичу Н. К. Крупская и, вспоминая об этом позднее, писала:

> «Читаешь, точно клятву Ильичу повторяешь, — никогда, никогда не отдадим ни одного завоевания революции!»{1}

Автор стихотворных строк уралец Василий Князев. Путь его в революцию начался 9 января 1905 года, когда он появился в рядах демонстрантов на площади у Зимнего дворца. Как участник «кровавого воскресения», Василий Князев был сослан в Екатеринбург, где начал писать стихи, публикуя их в местных газетах под псевдонимами: «Дед Нефед», «Гриша Полевой», «Красный петух». Под «Песней коммуны», написанной в 1918 году и полюбившейся В. И. Ленину, стояла подпись «Красный звонарь». Стихотворение это помещено в сборнике Василия Князева «О чем пел колокол», изданном в 1920 году в Петрограде, и сейчас хранится в Кремлевской библиотеке В. И. Ленина{2}.

Первую страницу в книгу о вожде высекла как на граните Л. Сейфуллина своим «Мужицким сказом о Ленине», написанном в 1924 году.

> «Это — первая легенда о человеке с именем Ленин в бедном легендами уезде, где сгасала яркость многих имен, — пишет Л. Сейфуллина. — И для меня она — убедительное свидетельство: дана была Ленину вера тугой мужицкой души. Только о том мужик рассказывает сказы, что вошло в его сердце и память в живых образах, чему он поверил. Оттого в печальный час я не боюсь смешных слов простой его сказки. Этими сказками входил Ленин в душу к мужику»{3}.

И, действительно, в сказе Л. Сейфуллиной Ленин видится мужицкими глазами как «всем наукам обученный дотошный человек», угадывающий заветные народные думы — крестьян и фабричных, и делающий для них все, о чем им только подумалось. В уста рассказчика вкладываются удивительно емкие, полные глубокого социального смысла слова о рабочем люде и его подлинном вожаке — Ленине.

В сказе подчеркивается обаятельная простота Ленина. К нему тянутся все «добытчики», готовые «идти под его руку» против «прожитчиков». Сейфуллина показала убедительность ленинской логики, ораторский дар, покоряющий народ. Классовый характер сказа подчеркивается выразительными народными эпитетами: «добытчики» и «прожитчики».

Лидии Сейфуллиной удалось в сказовой манере рассказать о вожде пролетарской революции, организаторе большевистской партии. Ленин в сказе похож на народных героев-победителей, сталкивающихся с враждебными силами. Образ Ленина вызывает искренние симпатии.

Собственно мужицкий сказ, услышанный писательницей в поселке Карагай, все время перемежается авторскими эмоциональными отступлениями. Л. Сейфуллина старается всячески подчеркнуть главную мысль, что в народе интересуются Лениным, как своим кровным родственником, и все время расспрашивают о нем. Так своеобразно выражается ею единство и слитность вождя и трудовых масс.

25 июня 1924 года «Мужицкий сказ о Ленине» был напечатан в златоустовском журнале «Маховик»{4}. Это одна из самых ранних уральских публикаций произведения Л. Сейфуллиной. Позднее сказ в сокращенном варианте под названием «Как Ленин с царем народ поделили» печатался в челябинской газете «Советская правда»{5}.

«Мужицкий сказ о Ленине» стал подлинно народным произведением. Он долгие годы не сходил со страниц центральных и местных газет и журналов, многократно переиздавался отдельной книгой, переводился на языки братских народов нашей страны и за рубежами отчизны.

Сказ этот — не единственное произведение писательницы о вожде. Образ Ленина продолжал волновать Лидию Николаевну всю жизнь, начиная с первых дней, когда она услышала имя вождя в глухой уральской степи, затем видела его на третьем Всероссийском совещании заведующих внешкольными подотделами Губотнаробразов, в феврале 1920 года, и когда провожала в последний путь в тяжелые январские дни.

Ленин вошел в сердце писательницы, как самое светлое и

дорогое, что дала ей обновленная жизнь. Недаром она, вспоминая первую и живую встречу с Лениным, писала:

«Для меня этот день стал жизненным откровением. Он определил мое трудовое место в стране, весь мой дальнейший рабочий путь — внешкольного работника, позднее — литератора»{6}.

Не сохранилось упоминаний Л. Сейфуллиной, но надо думать, что именно по ее желанию редакция «Сибирских огней», где появилась ее первая повесть, послала номер журнала В. И. Ленину с надписью: «Ильичу от редакции. 26.1.23 г.». Второй экземпляр журнала редакция направила Н. К. Крупской. Сейчас оба эти экземпляра хранятся в кремлевской библиотеке В. И. Ленина{7}.

В тяжелую годину смерти вождя, кроме «Мужицкого сказа о Ленине», Л. Сейфуллина написала еще одно слово-раздумье «Верность», опубликованное в однодневной литературной газете «Ленин», посвященной памяти В. И. Ленина (Ульянова). Это слово-раздумье по своей внутренней мелодичности и поэтическому настроению напоминает стихотворение в прозе. Оно написано на одном дыхании. Его почти невозможно цитировать, не нарушив органическую ткань всего произведения. «Верность» звучит как минорный аккорд, но полный жизнеутверждающей силы и веры.

Великолепен не только запев, но и концовка этого самого короткого и вдохновенного произведения Л. Сейфуллиной. В нем образ Ильича неотъемлем от образа Н. К. Крупской.

> «Тихая женщина осталась тихонько стоять за плечом победителя. Без шума, без возгласов поддержала тяжелое плечо героя. Не склонилась, не устала до самого этого красного гроба. И теперь стоит и дни, и в шумливые траурные ночи. Стоит молчаливая на последних дежурных часах. Имя женщины — Надежда. Потомки дадут ей другое — Верность.
>
> И живое изваяние редчайшей верности у великого гроба каждый день призывает к этой верности Ленину и шумливый прощальный людской приток»{8}.

Вновь к образу Ленина писательница возвращается в 1934 году в очерке «Ленинский декрет», когда, вспоминает, как она, будучи в Челябинске, претворяла в жизнь ленинский «Декрет о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», проводила занятия по ликбезу среди женщин, молодежи и красноармейцев боевых частей Пятой армии.

> «Каждый стремился осмыслить перемену в своей личной судьбе, принесенной новым государственным строем, вернее и глубже понять новую жизнь и, по призыву Ленина, — научиться строить ее»{9}.

В своих воспоминаниях «О Ленине», написанных Л. Сейфуллиной в 1948 году, она воскрешает далекое и дорогое для нее событие — участие в работе третьего Всероссийского совещания, на которое ее делегировал Челябинский губотнаробраз.

Что важно в воспоминаниях, так это непосредственное восприятие облика Ленина в момент его появления на совещании, когда «этот небольшого роста человек, как великан, как некая громада, занял собой все вокруг».

Писательницу потрясла услышанная речь вождя.

> «Ленин говорил, в зале стояла та изумительная тишина, при которой кажется, что и дышит здесь один — тот, который говорит. И смотрели мы на него всепоглощенным зрением, чтобы сохранить его образ в себе, унести с собой навсегда в свою отдельную человеческую жизнь. И слышали так же, чтобы донести в свою жизнь каждое ленинское слово во всей его полноценности»{10}.

Определив свое «трудовое место в стране» после прослушанной речи Ленина, писательница стремилась к тому, чтобы ее дальнейший путь и дальнейшая работа были отданы и посвящены народу. Здесь, на Урале, на посту внешкольного работника и библиотекаря Челябинска, она вторгалась в жизнь, была ее созидателем.

В годы Великой Отечественной войны имя Ленина вдохновило П. Бажова на создание сказов «Орлиное перо», «Солнечный камень» и «Богатырева рукавица», которые по образному выражению самого писателя помогли читателю «вперед дорогу дальше разглядеть». Владимир Ильич предстает в сказах как провидец правды, зеркало мудрости трудового народа, как человек, принесший свет и счастье, ибо в его руках оказался «верный ключ».

Читателю Ленин видится как воплощение народного разума, его лучших устремлений, «как всей земли заботливый хозяин». И когда в сказе «Орлиное перо» Мишунька говорит, что дедку посетил Ленин, дедко отвечает:

> «— Верно, Мишунька, он. Не зря люди сказывают —

ходит он по нашим местам. Ходит! Уму-разуму учит. Чтоб не больно гордились своими крылышками, а к высокому свету тянулись, к орлиному, значит, перу»{11}.

В своих поэтических сказах писатель подчеркивает главную мысль: каждому трудовому человеку близок Ленин, его слово «уму-разуму учит» и открывает перед людьми широкие просторы и новые пути в жизни. В его произведениях органично переплелись сказовые элементы с подлинными фактами. Это придает сказам особую художественную ценность.

В такой же творческой манере решает ленинскую тему в сказе «Клады Хрусталь-горы» С. Власова. Она касается революционных событий на Урале 1905 года. Двое рабочих-подростков Петьша и Федьша повстречались возле Хрусталь-горы с незнакомцем, назвавшимся Спиридоном. Они доверчиво рассказали ему о своем тяжелом житье-бытье, а он поведал в назидание сказ о великом кладе Хрусталь-горы, хранящем мудрые советы.

Подросли ребята, в революцию пятого года на трудную и светлую дорогу борьбы за свободу вступили. И вот на сходке снова повстречался им старый знакомый Спиридон, который теперь стал партийным вожаком. Напомнили ему ребята про сказ о кладе Хрусталь-горы. Позвал Спиридон их к той горе и доверил свою тайну: в пещере хранился сундучок с книгами Ленина и большевистскими листовками.

— Береги, Петр, это драгоценный клад, неси его людям, — напутствовал Спиридон{12}.

И много раз Петр пробирался к пещере Хрусталь-горы, выносил листовки, воззвания, которые были для людей самым великим кладом, ибо в них всегда жило и билось родное ленинское слово.

Совершенно в реалистической манере рассказывает о В. И. Ленине Юрий Либединский в повестях «Неделя», «Комиссары» и, особенно, «Воспитание души». Образ вождя пронизывает его произведения, читатель все время ощущает присутствие Ленина. То кто-нибудь из героев скажет о выступлении Ильича на съезде комсомола об учебе молодежи, то они заведут разговор о продналоге, обсуждавшемся на десятом съезде партии, то заспорят о диктатуре пролетариата и невольно затронут основы ленинского учения по этому вопросу, то, наконец, углубятся в книги «Аграрная программа» или «Развитие капитализма в России». Ленинской мыслью живут герои произведений Юрия Либединского и стремятся быть похожими на Ильича.

В «Воспитании души» писатель возвращается к своим детским

и юношеским впечатлениям и рассказывает, как он впервые познакомился с «Коммунистическим манифестом», услышал правду о большевиках и их вожде Ленине.

В книжке Ольги Марковой «На покое»{13} два рассказа о Ленине, казалось бы, только два небольших эпизода из огромнейшей жизни, но взволнованность, теплота, с какой об этом говорит автор, не оставляет читателя равнодушным. Как в капле воды, в них ярко отражены черты характера Владимира Ильича, виден неповторимый образ Ленина.

В рассказе «На покое» Ольга Маркова повествует всего лишь о первом дне пребывания Ильича в Горках на отдыхе, описывает встречу Ленина с местными крестьянами, находившимися в этот момент здесь, немного смешные и курьезные эпизоды с растопкой камина, неработающим телефонным аппаратом. Читатель, введенный в узкий семейный круг, чувствует заботу Крупской, Марии Ильинишны и других людей о дорогом им человеке, ощущает их душевность.

Ленин приехал в Горки — в тихое имение бывшего градоначальника Москвы Рейнбота, чтобы отдохнуть; вместе с Ильичем сюда вошла большая и напряженная жизнь страны.

Весь рассказ Ольги Марковой соткан из эпизодов, живыми нитями связывающими Ленина с народом, и здесь, в Горках чувствуется пульс жизни всей страны.

В «Особом задании» поводом для рассказа послужил также один небольшой эпизод — поездка Ильича в Петроград на конгресс Коминтерна. Читатель, видящий перед собой только Федора — молодого комиссара, ожидающего у вагона Ленина, — невольно оказывается втянутым в орбиту текущих событий. Ильич появляется на вокзале перед отходом поезда, но чувство ожидания, охватившее Федора, сознание высокой ответственности, картины толкучки пассажиров и мешочников, их разговоры, — все это создает напряженность повествования, придает правдивость описанию обстановки тех лет.

Читатель воспринимает Ильича глазами Федора, вместе с ним ощущает благородство, простоту вождя.

Драгоценными крупицами рассыпаны высказывания большевика Точисского о Ленине по страницам романа Е. Федорова «Вдоль голубых Уральских гор». Сподвижник Владимира Ильича Точисский рассказывает верхнеуральским казакам об учении Ленина, называет его «великим умом», у которого и военным надо поучиться.

В главе о посещении Ленина оренбургскими железнодорожниками, писатель дает живые черточки Ильича.

Но чаще всего Е. Федоров использует не прямой показ образа

Ленина, а дает его в восприятии своих героев. Так, казак Тяжельников читает на фронте «Окопную правду» и впервые проникается доверием к Ленину, призывает солдат бороться за ленинскую правду, в которой всей душой уверился сам. Раненный в схватке с белогвардейцем, он умирает с возгласом: «Да здравствует Ленин!»

Этот прием писатель повторяет, когда заставляет революционерку Таню в колчаковской контрразведке при объявлении ей смертного приговора, бросить в лицо врагам гордые слова: «Я готова умереть за дело Ленина!»{14}

Для лучших произведений, написанных о Ленине, характерны мысли о слитности дум и действий Ильича с народом, о неугасимой любви народа к своему вождю, имя которого всегда вдохновляет на новые свершения.

Часто образ Ильича появляется в стихах уральских поэтов и осмысливается ими в самых различных аспектах и взаимосвязях. Через всю поэзию Бориса Ручьева — лауреата Государственной премии имени А. М. Горького — проходит тема Ленина, тема его идей. Огромность ленинского дела показывается в поэмах «Невидимка» и «Прощание с юностью». Со страниц «Любавы» перед читателем встает обаятельная и цельная фигура соратника Владимира Ильича — Серго Орджоникидзе, показанного на фоне индустриальной стройки, в тесном общении с рабочими — созидателями новой жизни.

Многие лучшие стихи Людмилы Татьяничевой также посвящены Ленину. В стихотворении «Наш Ильич»{15} поэтесса утверждает: Ленин «зоркой мыслью раздвигает горы, мир труда ведет он за собой», «Ленин — разум и душа народа, партии борец и рулевой». Последняя строфа заключает мысль всего этого стихотворения: «с годами все заметней в людях Ленина бессмертные черты».

В другом своем стихотворении «У каждого в сердце — Ленин» поэтесса говорит: народ, Родина и Ленин неразделимы{16}.

Чувство хозяина отчизны, которое дал народу Ленин, Л. Татьяничева верно передает в стихотворении «Государства хозяйка». В нем ведется разговор о лучшей доярке Урала, которой в актовом зале за самоотверженный труд вручается орден Ленина. Поэтесса венчает свой стих примечательными словами:

За всенародное наше счастье,
За справедливость и многодарность
Я объявляю Советской власти
Свою сердечную благодарность{17}.

Эта же тема — Ленин всегда с народом, он бессмертен в своем учении — ленинизме, звучит в стихах М. Гроссмана, Н. Агеева, Я. Вохменцева, А. Гольдберга.

А. Гольдберг в стихотворении, которое назвал фрагментами к поэме «С Лениным в сердце», от лица героя заявляет:

Ленин.
— Я!
— Ты!
— Он!
— Мы!
150 миллионов
Всероссийского населения{18}.

Несколько шире поэтическая мысль у М. Гроссмана. В стихотворении «Владимир Ильич Ленин» он передает чувство интернационализма через восприятие солдата, шагающего по «нерусской ниве», который видит и слышит, что имя Ленина дорого трудящимся и на земле, попранной германским фашизмом.

Раздумывая над величием ленинского учения, поэт говорит:

Будет время: — кумачу
Над землей гореть, как
пламя,
Будет жить по Ильичу
Вся планета вместе с нами{19}.

Эту уверенность поэту дает родство и близость народа к Ленину. В стихотворении «Наше знамя» утверждается, что людям всегда будет сиять «маяком живым и негасимым огневое сердце Ильича». Этот же лейтмотив повторяется в стихотворении М. Гроссмана «Черты бессмертные его»{20}, написанном в дни торжественного открытия монумента В. И. Ленину на площади Революции в Челябинске.

Для Константина Мурзиди, связавшего свое имя с легендарной Магниткой, образ Ильича воспринимается, прежде всего, в труде, претворении в жизнь грандиозных ленинских планов индустриализации родного края. Это звучит во многих стихах его сборника «Горная невеста».

Ленин зовет нас на труд и на
бой,

Ленин глядит страницей любой,
Ленин — на знамени и на стене,
Ленин в народе — в тебе и во
мне{21}.

Образ Ильича осмысливается многогранно и видится широко.

Молодая страна Советов!
На столе у него листы
Долгожданных твоих декретов
Революции мечты.

С именем вождя поэт связывает призыв всегда идти вперед, быть в авангарде строителей коммунизма.

Искренней интонацией и взволнованностью подкупают стихи М. Львова: «Россия», «В апреле», «Его портрет», «Ленинская сила», «Мавзолей», созданные в разное время. Некоторые из них вошли в поэтические антологии и сборники о Ленине, выпущенные в центральных издательствах.

В этих, как и других стихотворениях, написанных Михаилом Львовым, заметно стремление обобщить поэтическую мысль, отойти от конкретного факта биографии великого современника и показать его черты, уже воплощенными не только в делах, но и в характере советского человека в самые разные и напряженные моменты его жизни: в дни военной опасности, в дни сильных душевных потрясений и крутых поворотов в судьбах людей.

Философское утверждение поэта — естественный и логичный итог его размышлений. Вот стихотворение «Любимый образ». Сначала М. Львов рисует портрет Ильича, затем стремится обобщить свою главную мысль.

Но есть еще его портрет —
В деяньях наших лет.
В делах страны увидишь ты
Его черты{22}.

Эта же поэтическая мысль четко выражена в стихотворении «Актер играет Ленина на сцене»:

И мы, ревниво за игрой следя,
Сверяем образ Ленина на сцене
С живущим в сердце образом вождя{23}.

По-своему осмысливают ленинскую тему Лев Сорокин и Николай Мережников.

Вот стихотворение Льва Сорокина «Броневик». Он (броневик) в больших сраженьях не был, подвигов в огне не совершал», но только потому, что с него Ильич обратился с речью к восставшим питерским рабочим, теперь «навек под ленинградским небом поднят броневик на пьедестал». Поэт говорит, что броневик «стал трибуной мирной для вождя» и «планету обошел он, с места не сходя».

Или другое стихотворение «В Разливе». Здесь вынужден был скрываться Ленин от преследования и из своего подполья руководить подготовкой вооруженного восстания. Кто теперь не знает шалаш, где жил Ильич! И поэт вправе заявить: «…начинался от Разлива всей Революции разлив!»

По такому же принципу поэт строит стихи: «Целебная повязка», «На охоте», «Приказ», «Валенки» и несколько по-иному подходит к осмысливанию ленинской темы в стихотворениях «В восемнадцатом году», «И любовь и нежность», «Легенда», «Без вести пропавший на войне», «Комсомольский билет» и «Бакены», которым открывается его сборник «О Ленине». В этих стихах поэт видит дальше и больше, чем конкретный факт. Плывет пароход по Каме, и задумавшийся Ленин, следя за его кормой, за крутым движением волны, представляет себе таким пароходом всю Россию, что «вперед рвется полным ходом и поднимает бурную волну».

Сборник молодого поэта Н. Мережникова «Звездный гонец» тоже очень конкретен в фактуре стиха. Названия их говорят сами за себя: «В Шушенском», «У прямого провода», «В Совнаркоме», «Мирный герб», «У шалаша», «Апрель». Поэт как бы робеет еще, когда отрывается от конкретного факта. Но тем не менее, во всех стихотворениях сборника «Звездный гонец» читатель чувствует и угадывает голос поэта, желающего по-своему сказать о том, что его больше всего волнует.

Взгляните на портреты Ильича!
Высокий лоб морщинами иссечен.
Которой-то из них
Разлив отмечен,
И Брест,
И выстрелы из-за плеча.
Морщины эти — памятка любая
И не однажды считаны страной.
И не убавить их,

И не прибавить
К ним ни одной морщинки.
Ни одной!{24}

Поэт Николай Агеев в книге «Голубая стремнина» многократно касается ленинской темы. В стихотворении «Солнце» он проникновенно повторяет, что «Ленин — солнце, — говорят народы, — Ленин — человечества весна!»

Мысли о Ленине в стихах Н. Агеева встречаются часто.

Для поэта очень важно подметить, как шагает по Уралу коммунизм, в реальных делах осуществляются великие предначертанья Ленина. Он видит это в будничных трудовых делах уральцев и с восхищением сообщает читателю:

Новый цех — для всей бригады
праздник,
Это сделан в коммунизм шаг!

О преобразовании родного Урала, коренной перестройке сельского хозяйства на социалистических началах говорит Я. Вохменцев в стихотворении «Здесь Ленин был». Преобразования эти поэт связывает с волей Ленина, принесшей людям счастье. В раздумьях над преображенным краем ему видится, как наяву, посещение зауральских мест вождем.

Тут был Ильич. Я нынче по портретам
Его глаза живые узнаю,
Пускай нигде ни сказано об этом,
Но Ленин был в моем родном краю{25}.

И хотя Ленин не был на Урале, но тема «Ленин и Урал» родилась еще при жизни вождя, она прочно вошла в народное творчество. Поэт Я. Вохменцев удачно использует в своем стихотворении этот народный мотив.

Ты не ходи за справками в архивы,
Ступай в поля, — на месте камыша
Стоят по пояс человеку нивы,
Комбайны проплывают не спеша{26}.

Любовью к Ильичу окрашено лирическое стихотворение

С. Гершуни «Барельеф»:

Со скалы отвесной
Ленин ясным взором
Раньше всех встречает
Солнечный рассвет…
Улыбаясь, утро
Вниз идет по скалам
Наполняя светом
Голубой простор.
И отцовским взглядом
Землю обновленной
Видит мудрый Ленин
С наших древних гор{27}.

В другом своем стихотворении «Машинист» автор восстанавливает в памяти современников подвиг челябинских железнодорожников, которые из «омертвелого железа паровоз для жизни воскресили», чтобы машинист мог увезти эшелон пшеницы в подарок Ленину и москвичам.

В этом плане интересно стихотворение Н. Долгова «Подарок Ильичу», в котором взволнованно передается рассказ солдата-фронтовика, принесшего Ленину в подарок клинок своего убитого товарища.

И Ильич в костюме
штатском
Разобрав свои дела,
Положил клинок солдатский
Средь бумаг на край стола.
Друг мой был убит в
Сибири
И, пожалуй, знать не мог,
Что висел «Декрет о мире»
Над столом, где лег
клинок{28}.

Ленинской темы касаются Л. Преображенская, Вл. Машковцев, В. Сорокин, С. Мелешин, В. Кузнецов и другие поэты Урала. В их стихах отражены конкретные факты: открытие памятников вождю, присвоение имени Ленина улицам, площадям, заводам и совхозам. В стихах верно подмечены отдельные черточки Ильича, создающие живой и неповторимый

облик Ленина, чувства советских людей к вождю партии и народа. В уральской поэзии пока еще не созданы сильные и волнующие произведения об Ильиче.

Немеркнущий в веках образ Ленина, его учение — вечно живое, всегда будет служить новым и новым источником вдохновения для художников слова.

Дооктябрьская «Правда» и литературная жизнь Урала{29}

«Правда» сыграла большую роль в развитии литературного движения на Урале. Под воздействием газеты теснее становились связи литераторов с жизнью, поднимался художественный уровень их произведений.

«Правда» вдохновляла местную печать на борьбу за высокую идейность литературы, ее массовость и народность. В газете наряду с писателями центральной России широко печатались литераторы из далеких окраин. Активным сотрудником газеты с первых ее номеров являлся коренной уралец Павел Иванович Заякин-Уральский.

Впервые он выступил на страницах «Звезды» в начале 1911 года со статьей «К землеустройству на Урале». В ней автор рассказывал о предстоящем землеустройстве фабрично-заводских рабочих. Этот вопрос имел важное значение в жизни рабочих, и Заякин-Уральский поднимал его в связи с предстоящим съездом горнопромышленников Урала{30}.

Тема земли и отношения к ней заводских рабочих будет занимать и дальше П. Заякина-Уральского, только освещать ее писатель будет уже не в публицистических, а художественных произведениях.

В «Звезде» же он публикует свое первое стихотворение «Баюшки-баю» — подражание колыбельной песне. Содержание его связано с бытом горнозаводских рабочих.

Твой отец рабочий
На заводе был,
Но пришло несчастье —
Штык его убил.
Мы одни остались.
Я дни-ночи шью,
Ты мне — утешенье.
Баюшки-баю!{31}

В четвертом номере «Правды» печатается стихотворение П. Заякина-Уральского «Слово», потом «На заре», «У подножия холмов затерялось село», «На заводе», «Рабочий», «В мастерской» и др. Это песни труда и неволи, выражающие глубокое сочувствие поэта исстрадавшемуся рабочему. Затем у автора появляются в

газете очерки и рассказы из жизни и быта горнозаводского Урала.

Участие в «Правде» помогает поэту идейно окрепнуть, приобрести широкую популярность. Отныне произведения его целиком посвящаются жизни и борьбе уральских рабочих за свое лучшее будущее, за свободу.

В «Правде» у П. Заякина-Уральского был напечатан рассказ «Начало карьеры», изображающий мытарства начинающего автора{32}. Писатель смело обличает нравы, царящие в редакциях буржуазных газет и журналов, он развенчивает мнимую свободу буржуазной печати.

Из других значительных произведений П. Заякина, появившихся в «Правде», следует отметить очерки: «В плену у железа», «Кризис», рассказ «Переселенцы». Для этих произведений, как и всего творчества уральского писателя, характерен правдивый показ жизни рабочих, защита прав угнетенных. Публицистическая заостренность и реалистическое изображение действительности придавали выступлениям Заякина в газете высокую гражданственность.

В очерке «В плену у железа», опубликованном в восьми номерах газеты (июнь — июль 1912 г.), ярко раскрыта история одного из уральских заводов, показана жизнь рабочих этого предприятия, типичного для промышленности Урала с его отсталой техникой производства и пережитками крепостничества в экономике и быту. Очерк насыщен богатым фактическим материалом, усиливающим его изобличительную силу.

В основу очерка положены воспоминания писателя о Верхне-Синячихинском и Алапаевском заводах.

Показывая тяжелые условия труда горнозаводского рабочего, автор подводит читателя к выводу, что «строй никуда не годится, все прогнило и все безнадежно».

Рисуя мрак и невежество, царившие на заводе, П. Заякин, казалось бы, в беспросветной картине видит то светлое и радостное, к чему должен стремиться в борьбе рабочий. Очерк заканчивается бодрым призывом:

> «Нет, придет время, оно уже близко: мрак уступит свету, восторжествует братская солидарность в труде, и тогда взвод будет не чудовищем, выжимающим соки из рабочих, а источником сил для грядущих побед».

Очерк «Кризис» также посвящен теме индустриального Урала. С тех же реалистических позиций, что и «В плену у железа», П. Заякин правдиво изображает уральский завод, охваченный тисками экономического кризиса. Этот очерк П. Заякина — прекрасная иллюстрация к оценке В. И. Ленина

капиталистического Урала с его отсталой техникой.

Автор живо рисует портреты администраторов завода, обличает систему штрафов, тяжелое, рабское положение рабочих. Вывод, к которому приводит читателя П. Заякин, один: надо перестраивать жизнь, завоевывать ее в борьбе с угнетателями, рабочему становиться хозяином завода, строить свободную жизнь.

Этой же теме — революционной ломке существующего строя, борьбе за свободную жизнь — посвящен рассказ «Переселенцы». Перед читателем встают яркие картины тяжелого положения крестьянства, разоренного столыпинской реформой. Автор показывает, как тысячи переселенцев-крестьян, устремившихся в Сибирь и на Урал, окончательно разоряются.

> «Все богатства взаперти, — говорит писатель, — есть власть капитала и покорные ей рабочие».

Суров реализм П. Заякина, правдивы картины жизни уральского рабочего, нарисованные им. Произведения писателя свидетельствуют о том, что он жил одними чаяниями с рабочим классом Урала и призывал бороться за его великое будущее.

С дооктябрьской «Правдой» связано творчество С. Гусева-Оренбургского. Он начал сотрудничать в большевистской печати еще задолго до рождения «Правды». Его очерки и рассказы печатались в еженедельнике «Звезда», где он значился постоянным сотрудником. Такие из них, как «Цифра» и «На высотах», нашли широкий отзвук у массового читателя. В них правдиво изображалась окружающая действительность, автор изобличал беспорядки, господствовавшие в царской России, звал к лучшему и вселял в него веру.

Широко печатались на страницах дооктябрьской «Правды» поэты: И. Шувалов, Ф. Сыромолотов, И. Ерошин, К. Худяков, В. Юрезанский и другие.

Федор Федорович Сыромолотов — мастер Златоустовского завода, начал печататься еще в 900-е годы. Его стихи, басни, политические фельетоны и критические статьи сначала появились в екатеринбургской газете «Уральская жизнь», потом в «Самарской луке», затем в «Звезде» и, наконец, в «Правде».

Его стихотворные фельетоны: «Свои съезжаются», «Кубанский победитель», «Тучков возвращается», «Недоразумения», «На аэроплане», «Телеграмма» и другие — это острая политическая, сатира, живой отклик на злобу дня. Фельетоны помогали «Правде» громить и разоблачать идейных и политических врагов рабочего класса.

И хотя Ф. Сыромолотовым-поэтом не затронута конкретно уральская тема, — его стихи и фельетоны носили

общеполитический, изобличительный характер. Он одним из первых поднял вопрос о восстановлении забытых имен уральских писателей, о правильной оценке их литературного наследия в общерусской и национальной культуре.

В оценке творчества Ф. Решетникова и, в частности Д. Мамина-Сибиряка, Ф. Сыромолотов, как правдист-большевик, следовал установкам и оценкам, данным «Правдой». Газета в статье «Памяти Мамина-Сибиряка» писала:

> «Жизнь Дмитрия Наркисовича была — трудовая жизнь, вначале — газетного репортера, а потом известного писателя, прокладывающего путь не только своим талантом.
>
> Журнальная и газетная критика последнего времени, усердно занимавшаяся Арцыбашевыми и Кузьмиными, замалчивала этого яркого натуралиста-писателя, не уступающего во многом Э. Золя»{33}.

И далее «Правда» подчеркивала:

> «…Нарождается новый читатель и новый критик, которые с уважением поставят твое имя на то место, которое ты заслужил в истории русской общественности».

Накрепко связал себя с «Правдой» И. В. Шувалов, рабочий поэт. По почину газеты он был организатором рабочего литературного кружка на бумажной фабрике в Красном селе. Поэт говорил, что «Правда» явилась не только организатором, но и первым органом печати, призвавшим революционных рабочих в пролетарскую литературу{34}.

Стихи И. В. Шувалова, проникнутые духом революционной борьбы рабочих за свое счастье и освобождение, часто появлялись на страницах газеты в первые годы Советской власти. Как поэт революционного Петрограда, он был командирован на Урал с целью создания здесь литературных организаций, объединения местных писательских кадров.

С дооктябрьской «Правдой» связан был и курганский поэт Кондратий Худяков.

Участие в «Правде» помогло К. Худякову определиться как поэту.

В те годы в «Правде» печаталось много стихотворений, посвященных рабочим текстильщикам, металлистам, железнодорожникам, шахтерам, особенно кузнецам. К. Худяков написал стихотворение «Кузнец».

Неустрашим мне жизни холод…
Не затемнит мне душу тьма…
В моей руке не дрогнет молот…
Что значит пытка и тюрьма?!
Я день и ночь стою над горном
И жизни счастие кую!
В труде, докучном и упорном,
Молюсь, страдаю и пою…{35}

Поэт в это время еще четко не определил своих идейных позиций. Цель его несколько обща и неконкретна, но по настроению стихи были понятны широким народным массам.

В этот период В. И. Ленин убеждал сотрудников «Правды» всячески добиваться легальности газеты. И «Правда» 1912—1914 годов выработала свой условный иносказательный язык. Это прежде всего было заметно на публицистических статьях, но этой условности языка не избежали и поэтические выступления рабочих авторов. К. Худяков писал стихи о «маячных огнях», которые «зажигаются в далях». Поэт восклицал:

Но я иду… Пусть путь мой трудный! —
Дремучий лес, седые пни…
Меня влекут тропою людной
Вперед маячные огни!{36}

В 1916 году поэтом были написаны стихи, в которых политический мотив проступал более открыто и явственно. Вот стихотворение «Сибири»:

Страна колодников, я верю, ты воспрянешь
И сбросишь гнет томительного сна!
Моих надежд ты, верю, не обманешь,
Из края изгнанных — избранных краем станешь
Моих отцов суровая страна…{37}

К. Худяков отзывается поэтической строкой на важнейшие политические события, пытается идти в ногу с жизнью. В период организации III Интернационала поэт пишет большое стихотворение «Третий Интернационал». Он пытается осмыслить важность происходящего политического события.

Вот это стихотворение, напечатанное в сборнике «Пролетарские поэты».

…Дети мрака веками
Громыхали цепями
Под пятой капитала.
Но изломаны крепи,
Спали тяжкие цепи
В буре грозного шквала.
Реет гимн марсельезы —
Гимн огня и железа…{38}

Стихотворение заканчивается излюбленным поэтическим мотивом, являющимся как бы рефреном многих стихотворений тех лет.

Куй, кузнец!
Рдейте, знамена!
Свободы венец
Миру несет пролетарий.

Тема кузнеца и его труда в этом стихотворении звучит уже с новым для поэта смысловым оттенком, чем в том, с которого мы начали знакомство с творчеством К. Худякова.

«Правда» прививала своим читателям любовь к художественному слову, к песне, стихотворению, басне, очерку, воспитывала вкусы и понимание существа реалистической литературы и искусства.

В газете «Путь правды» появилась статья «Рабочая поэзия», посвященная рабочему фольклору. Большое место в статье отводилось частушкам и песням, собранным на заводах уральским самобытным писателем Г. Белорецким.

Печатая их, газета делала вывод, что рабочий в своих песнях «активно и резко протестует против чудовища-вампира», что в народных песнях не только раскрывается картина тяжелого положения рабочих, но их стремление бороться со своими поработителями:

> «Во многих коллективных стихотворениях и песнях громко звучат призывы к созданию, известными способами, светлой жизни на новых началах».

Останавливаясь на социально-политической оценке устнопоэтического творчества рабочих, газета писала:

> «Всякая народная, в том числе и рабочая, поэзия

складывается таким образом, что начатое одними дополняется другими, изменяется третьими и заканчивается четвертыми лицами».

Определив характер народного творчества, газета подчеркивала, что кем-то записанное коллективное сочинение становится достоянием печати, не утратившей и сегодня своего значения, и делала вывод:

> «Эти записи помимо художественного интереса, служат весьма ценным материалом для характеристики настроения масс и их отношения к различным вопросам окружающей жизни»{39}.

На анализе песенного материала, собранного Г. Белорецким, «Правда» раскрывала характер народного творчества и показывала, как правдиво отражает оно настроение рабочих.

Из поэтов-уральцев с «Правдой» был связан В. Юрезанский (В. Нос). У него появилось стихотворение без заглавия:

Ободритесь, в печалях
усталые,
И зажгите огнями мечты:
Голубые, лиловые, алые
Расцветают уж в жизни цветы!
Расцветут — и венками
душистыми
Обовьют нам больные
сердца…
Будем думами светлыми,
чистыми
Ждать насильям и мукам
конца.
Мы дождемся. О, верьте,
любимые!
Сгинут тени загубленных лет!
Выйдут всходы, землею
хранимые, —
Уж забрезжил предутренний
свет!{40}

Выход на страницы столичной партийной газеты, где печатались широко известные в то время поэты Ф. Шкулев и С. Ганьшин, творчество которых было близко В. Носу, окрылило

молодого челябинского автора, вселило в него надежду и уверенность в себе.

У В. Носа появляется в «Правде» стихотворение «Болото» за подписью «Вл. Юс-кий», до сих пор значащееся в сборнике «Революционная поэзия, как стихотворение неизвестного автора. В стихотворении наиболее ярко и выразительно чувствуется иносказательность, так присущая языку «Правды» тех лет.

Говоря о болоте, его затхлости, зловонной тине, где «царствует смерть», поэт патетически восклицает:

Но и в топях болота,
Я знаю, свершается дружно
работа,
Работают дружно ключи!
Настанет пора — и на смену
трясине
Заблещет лазурью в цветущей
долине
Зеркального озера гладь:
Дружней же, ключи, совершайте
работу!
Зловонной трясине, гнилому
болоту
Недолго уж гибели ждать{41}.

Стихотворение очень близко перекликается по своему настроению и смысловой нагрузке с такими его лучшими стихами, как «Люди-звезды», «Моя душа» и другими, появившимися в это же время в Челябинской газете «Голос Приуралья».

Уральские литераторы, связавшие себя с «Правдой», в меру сил и таланта помогали пропаганде идеей пролетарской революции, содействовали пробуждению в широких массах трудящихся классового самосознания.

Поэт революционного Челябинска{42}

Его стихи заучивали наизусть, пели на молодежных сходках, с ними шли по этапу в ссылку. Они печатались тогда лишь на страницах местных газет. Старые подшивки донесли до нас пламенное сердце поэта.

Павел Николаевич Второв родился 1 января 1874 года в Ветлуге. В родном городе он получил образование, работал учителем, Начало литературного пути связано с известным русским писателем Ф. Д. Нефедовым. Имя этого литератора было особенно популярно среди широких кругов тогдашней интеллигенции, как человека подвергавшегося аресту по делу А. И. Желябова и изображавшего в своих произведениях жизнь рабочих и крестьян. Творчество Ф. Д. Нефедова оказало заметное влияние и на Павла Второва. Он послал писателю на отзыв стихи в марте 1895 года, сохранившиеся в отделе рукописей Всесоюзной государственной публичной библиотеки имени В. И. Ленина{43}. Название стихов: «Не за себя молюсь, за вас», «Женщине — дорогу» и «Деревенское горе», говорят о настроении и политических интересах молодого автора, так характерных и для последующего творчества П. Второва. Однако первые публикации появились лишь в 1898 году в «Костромском листке».

П. Второв принимает живейшее участие в движении 1905 года и, высланный из Уржума за принадлежность к РСДРП, сначала останавливается в Екатеринбурге, а потом переезжает в Челябинск по приглашению В. А. Весновского — редактора вновь созданной городской газеты «Голос Приуралья».

С 1905 года лирические стихи и стихотворные, политически заостренные фельетоны Павла Второва, написанные на злобу дня, появляются почти в каждом номере «Голос Приуралья». Поэт смело поднимает голос в защиту угнетенных. Он высказывает сочувствие крестьянам, особенно башкирам, показывая их полуголодное и жалкое существование.

О край мой, край, забытый
всеми.
Когда же цепи сбросишь ты?!{44}

Поэт верит в неизбежность победы восставшего народа и свою веру вселяет в других, говоря, что день победы близок и

«народ разрушит свою проржавленную цепь».

Павел Второв прославляет борцов за свободу, требует немедленной амнистии политическим заключенным, защищает народных учителей, поэтической строкой разоблачает попытку городских властей путем махинаций отстранить от выборов во вторую государственную Думу революционно настроенных избирателей.

Поэт-публицист не останавливается на этом. Он откликается на открытие второй Думы, призывает часть депутатов — избранников трудящихся, использовать государственную трибуну в интересах народа, готового «вести упорную борьбу» с самодержавием до победного конца. Он строго заявляет: «Имени героя недостоин тот, кто в безумной схватке кровь напрасно льет».

Но вот первая русская революция подавлена царизмом, лучшие надежды народа оказались затопленными в крови. Наступила полоса жесточайшей реакции и расправы с теми, кто поднимал красное знамя революции, с оружием в руках боролся на ее баррикадах. Поэт не разоружен, не бежит с поля брани, а продолжает борьбу с реакцией, изобличая врагов революции.

Правда, ему очень трудно сразу разобраться в сложнейшей политической обстановке, правильно понять происходящие события. В его стихах той поры нет-нет да и промелькнет строчка, из которой видно, что поэт еще не успел до конца уяснить собственные, явно противоречивые взгляды на Думу.

До Челябинска доходят отзвуки Лондонского съезда РСДРП, определившего непригодность Думы, как средства осуществления требований пролетариата. Это помогает поэту прояснить свои взгляды на Думу, как трибуну, с которой можно было бы продолжать борьбу за свободу. П. Второв зло бросает: «для защитников народа, нынче вовсе ходу нет». И он пишет в «Современных мелодиях»:

Наступила вновь глухая,
Беспросветная пора.
Как нам выбрать
кандидатов,
На кого нам указать,
Коль нельзя подчас и слово
Безбоязненно сказать?{45}

Павел Второв задумывается над свершившимися событиями. Поэт по-прежнему в строю активных борцов, готов идти на любые жертвы, отдать жизнь, если этого потребуют интересы революции,

призовет большевистская партия, вынужденная временно уйти в подполье, чтобы продолжать борьбу с царизмом.

Это настроение поэта передано в лирическом стихотворении «Весенние мелодии».

Я хочу вздохнуть всей грудью,
Свежих сил набраться вновь,
Я хочу безумно верить
В жизнь, и в счастье, и в
любовь.
Я хочу из сердца вырвать
Все обиды прежних дней
И припасть к тебе с мольбою,
Как израненный Антей.
Окрыли мои надежды
Вдохнови мои мечты,
Подними меня над грязью
Повседневной суеты.
И в мою больную душу
Веру в будущее влей —
Необъятную, как море,
Как простор родных полей!{46}

Хорошо знавший поэта уральский литератор П. Мурашев, также сотрудничавший в «Голосе Приуралья», в своих воспоминаниях «Литература и жизнь», оставшихся неопубликованными, называет П. Н. Второва «талантливым человеком», «остроумным собеседником», «преданным социал-демократом и большевиком!»{47}

Эти слова современника исчерпывающе характеризуют облик поэта, вписавшего свое имя в историю большевистской организации Челябинска.

Член партии с 1906 года А. А. Черепанов, руководивший партийной группой, утверждает, что в годы первой русской революции П. Второв был в их Заручейном подрайоне активным пропагандистом и постоянно выступал с политическими докладами перед рабочими.

Телеграфист станции Челябинск, тоже член партии с 1906 года В. М. Клипов подтверждает, что П. Второв являлся одним из деятельных большевиков и разработал устав партийной организации, который рассматривался партийной группой на собрании, а затем должен был утверждаться на первой городской партийной конференции.

Конференция состоялась 14 октября 1907 года. П. Второв был

ее делегатом. Эту конференцию, как известно, удалось раскрыть полиции, арестовать участников, затем предать их суду. При обыске у Второва был обнаружен карандашный проект «Устава РСДРП» и другие партийные документы{48}.

Пока длилось следствие, участники партийной конференции сидели в челябинской тюрьме. Павел Второв и здесь не расставался с музой. Находясь в одиночной камере, он писал стихи и призывал товарищей быть бодрыми и стойкими, оставаться верными революционному делу.

Встаньте дружно,
Бодры духом, крепки телом,
С верой лучшею в груди.
Впереди нас ждет победа
Свет и счастье впереди!{49}

Один из участников этих событий В. М. Перевалов — старый большевик, сидевший в тюрьме вместе с поэтом, утверждает, что П. Второв аккуратно вел дневник и писал стихи. Они передавались из камеры в камеру.

Рукопись утрачена. Однако в памяти стихи сохранились. В. Перевалов называет такие: «Родина», «Кандальный звон», «Письмо другу-украинцу», «Бывают тяжкие мгновенья», «Бодры духом, крепки телом» и другие.

Для характеристики настроения самого поэта очень интересно стихотворение «Родина», где он говорит:

Куда б заброшен ни был я причудливой судьбой,
Тобой одной полна душа моя
И лучшие твои мечты всегда со мной,

Перед самым судом можно было услышать, как заключенные большевики пели песню «Кандальный звон», сочиненную П. Второвым.

Создать хотели рай земной,
Свободу дать стране
родной,
И знамя братства и труда
Поднять над миром
навсегда!

И хотя поэт знал, что ожидает арестованных делегатов первой городской партийной конференции, он твердо заявляет:

Я к воле рвусь
И в дверь стучу,
Откройте мне —
Я жить хочу.

И вот состоялся суд. Это был громкий процесс, так называемое «Дело 25-ти», разбиравшееся в Челябинске выездной палатой Саратовского суда 24 сентября 1909 года. Его широко освещала газета «Голос Приуралья», подчеркивая мужество и достоинство, с каким вели себя на суде делегаты первой городской конференции. О П. Второве писалось, что он — «теоретик и идеолог» — собирал все материалы для своих литературных работ и в «составленном воззвании к товарищам-гражданам» выражал трезвые и замечательные мысли, в частности, о том, что «для социал-демократов нет надобности в тайных заговорах, так как они все свои надежды возлагают на открытые действия народа».

Все подсудимые были признаны виновными в том, что в 1907 году

> «вступили в преступное сообщество, именующее себя Челябинскою организациею Российской Социал-Демократической рабочей партией (заведомо для них), поставившее целью своей деятельности насильственное изменение установленного в России основными законами образа правления на демократическую республику. Для осуществления упомянутой преступной цели этого сообщества они в качестве членов последнего приняли участие в партийной конференции, занимавшейся рассмотрением партийных докладов и отчетов и обсуждением разных вопросов. Они имели в своем распоряжении шифрованные записи «явок» для сношений с партийными организациями в других местах, подписной лист для сбора пожертвований в пользу той же челябинской организации и разные издания преступного характера»{50}.

Павел Второв и его товарищи мужественно выслушали приговор. Осужденных снова водворили в челябинскую тюрьму. Нелегко было ждать этапа, но Павел Второв показал и в этот момент пример выдержки и твердости. О настроении поэта

можно судить по письму от 20 ноября, отправленному из тюрьмы Ф. И. Благову{51}.

Это письмо человека, взирающего на свое положение осужденного без уныния, трезво, как и положено убежденному в своей правоте борцу. Его нельзя читать без волнения и чувства гордости.

> «Многоуважаемый Федор Иванович!
>
> В Казани мне передавали о Вашем любезном приглашении меня к сотрудничеству в редактируемом Вами «Русском слове». К несчастью, я при всем желании не могу воспользоваться этим приглашением, потому что еще прежде, чем его получил, сидел уже в тюрьме, ожидая высылки в Вологодскую губернию. В настоящее время обстановка изменилась, и вместо Вологды мне придется ехать несколько подальше. По приговору Саратовской судебной палаты 29 сентября я присужден к ссылке на поселение. В настоящее время, в чаянии погоды, т. е. до окончательной отправки к месту ссылки, обретаюсь в Челябинской тюрьме, испытывая адскую скуку и с нетерпением ожидая дальнейшего путешествия к злачным пастбищам, куда Макар телят не гонял.
>
> Надеюсь, что Вы не откажете мне в работе, когда я приеду на уготованное мне место и немного устроюсь там. А пока вот моя покорнейшая просьба: не откажитесь высылать мне туда редактируемую Вами газету, а также, если возможно, и другие сытинские периодические издания.
>
> Обращаюсь заблаговременно в твердой уверенности, что Вы не откажете исполнить мою просьбу. Адрес свой сообщу, когда получу назначение…»

Вскоре после этого все осужденные были высланы на поселение в Сибирь. Началась жизнь в ссылке. Царское самодержавие жестоко расправилось с поэтом. Однако оно оказалось бессильным заковать в кандалы музу. Стихи по-прежнему продолжали оставаться в строю революционной борьбы рабочего класса Урала за свое освобождение. Это были: «Песни изгнания», «В стране изгнания», «Из стен неволи», «Из этапных впечатлений» и другие, но теперь они появлялись в «Голосе Приуралья» и других газетах за подписью: П. Ветлужский, П. Киренский.

В «Голосе Приуралья» был опубликован «Рассказ без прикрас», присланный П. Второвым со станка Петропавловка Киренского уезда.

«Морозная северная ночь. Около 50 градусов. Над Леной, прибрежными горами и тайгой висит густой морозный пар. Занесенная снежными сугробами убогая деревушка уже спит мертвым сном…

Их двадцать, и все они собрались в одной деревушке на берегу Лены, чтобы встретить новый год, первый год в далекой глухой ссылке за четыре с лишком тысячи верст от Родины, от родных и близких людей. Сидят они где попало и как попало. Беседа не вяжется, мысли далеко отсюда на далекой Родине, где собрались родные и близкие люди и тоже, вероятно, встречают новый год, вспоминая об изгнанных, заброшенных волею судеб в глухую негостеприимную сибирскую тайгу.

Встречая новый год, люди провозглашают тост: «За здоровье далеких людей! За светлое будущее!

Немного оживились… Лица посветлели. Кто-то запел родную, смелую песню… Другие подхватили. А на улице трещал и злился сердитый мороз, словно досадуя на людей, мечтающих и здесь о счастье и светлом будущем»{52}.

Большевик редактор П. Злоказов опубликовал это письмо П. Второва. Читая его сейчас, спустя почти шестьдесят лет, испытываешь чувство восхищения перед сосланными большевиками, перед мужеством поэта.

* * *

Из сибирской ссылки Павел Второв возвратился после Февральской революции больным и духовно надломленным человеком. К концу 1917 года в Ветлуге вышел сборник «Северные зори». В нем собраны стихи разных лет, публиковавшиеся в периодической печати Сибири и Урала.

В 1919 году поэт умер. Родная земля приняла прах человека и поэта, не успевшего сказать свое слово о великой революции, принесшей народу долгожданную свободу, за которую боролся Павел Второв.

Рабочий поэт

Передо мной изданная в Петрограде в 1923 году книжка в кровавого цвета обложке: «Три поэмы». Ее написал Иван Шувалов — активный участник революционных событий 1905 года.

Памятные дни, трагически закончившиеся для тех, кто вышел с красными знаменами на Дворцовую площадь, нашли отзвук в сердце путиловца Ивана Шувалова. Вместе с Василием Князевым он написал песню о «кровавом воскресенье», которую пели тогда в рабочих слободках все, кому дорого было дело русской революции, дело большевистской партии.

В одной из трех поэм — «Поэме о России», написанной в Екатеринбурге в декабре — январе 1919—1920 годов, Шувалов, обращаясь к России, говорит:

> Непокорная и непокорные,
> Упираясь, мы были врагами.
> Я не принял закона черного,
> Скованный твоими цепями{53}.

Тоненькая книжечка «Трех поэм», изданная Иваном Шуваловым, должна занять достойное место в библиографии революционной уральской поэзии. Следует добавить, что она не единственный поэтический сборник Ив. Шувалова. У него вышли поэмы «Печальное былое», сборник стихов «Северные напевы», стихи, написанные совместно с поэтом П. Кузнецовым «От Октября», а также сборник «Рожок».

Иван Васильевич Шувалов активно сотрудничает в дооктябрьской «Правде», печатает стихи. Положенные на музыку, они становятся песнями и уходят в народ{54}.

Значительна роль Ивана Шувалова в объединении литературных сил Челябинска.

Первая попытка к самообъединению поэтов и беллетристов в ассоциацию была сделана в 1920 году поэтом Петрограда Ив. Шуваловым — уполномоченным Центрального пролеткульта, приехавшим в Челябинск с особыми полномочиями. Ему удалось создать в городе агитбюро пролеткульта. Работа писательской ассоциации сосредоточилась на заводе «Столль и К°» (нынешнем заводе им. Колющенко), в железнодорожных мастерских и клубе им. Ленина. Здесь члены ее устраивали литературные вечера и проводили диспуты. Удалось также организовать рабочую

драматическую студию, а затем — художественную с участием таких литераторов, как Л. Сейфуллина, В. Правдухин, Г. Никифоров, А. Завалишин, Ив. Шувалов и другие.

Созданные при клубе кружки выпускали рукописные журналы.

Члены кружка широко печатались в городской газете «Степная коммуна», «Советская Сибирь», а затем «Советская правда». Произведения их носили исключительно злободневный, агитационный характер. Из общей массы опубликованных стихотворений, очерков, статей следует выделить выступления Л. Сейфуллиной, В. Правдухина, Г. Никифорова, Ю. Либединского, А. Завалишина и Ив. Шувалова.

Инициативная группа литераторов сосредоточилась при газете «Советская правда». Ее возглавлял Ив. Шувалов. В марте 1920 года состоялось организационное собрание всех журналистов, поэтов и писателей, стоящих на советской платформе. В опубликованном обращении инициативной группы говорилось:

> «Незачем лишний раз повторять о том, что печатное слово имеет громадное значение… Нельзя нам действовать распыленно. Нужно организоваться, дабы дать трудящимся возможно больше, дабы наша лепта в закладке мирового здания коммунизма была значительнее.
>
> Журналисты, поэты, писатели, соберите свои распыленные силы, организуйтесь и вместе в бой со всеми врагами трудящихся».

После организационного собрания, выбравшего оргбюро в составе: Ив. Шувалова, П. Дмитриева, Ст. Разломова и Д. Попова, которое должно было руководить литературной работой, объявили запись в первую литературную студию Челябинского пролеткульта. В особом объявлении сообщалось, что запись производится у т. Шувалова. Объявление гласило:

> «Организуйтесь в ряды красных певцов коммунистической жизни! Все, кто чувствует в себе творческую силу, должны научиться владеть пером и правильно организовывать путем творчества трудовую жизнь».

Программа намечалась широкая. В нее включалось и издание художественно-литературного журнала «Стропила». Была назначена редколлегия: Ив. Шувалов, Белуга и И. Рубановский

(А. Березин).

Но созданный инициативной группой Союз советских журналистов, поэтов, писателей и художников, сокращенно называвшийся СоСоЖурПоПиХу, вскоре распался потому, что цели и задачи союза были крайне неопределенны, неясна и профессиональная принадлежность его членов. Кроме того, из него выбыло значительное количество членов, выехавших из Челябинска.

Но инициативная группа настойчиво продолжала собирать литературные силы. Был заново организован профессиональный Союз журналистов. По разъяснению ВЦСПС, он объединял всех журналистов и работников других областей литературы, Все шире практиковались вечера поэзии, литературные диспуты и дискуссии, чтение лекций и рефератов. Самыми злободневными темами докладов и выступлений на этих диспутах являлись: «Революция и культурные задачи пролетариата», «Наука и пролетариат», «Пролетариат и искусство», «Красная Армия и Пролеткульт», «Психология пролетарского творчества», «Пролетарский театр» и другие. Боевым призывом вновь созданного профсоюза было: все, кто работает в какой бы ни было области литературы, кто так или иначе причастен или живо интересуется ею, должен обязательно объединиться вокруг Союза журналистов.

Чтобы больше вовлечь рабочих в литературное движение, были созданы специальные литературные отделы (ЛИТО) при губполитпросвете и райкультпросветах, а при райкомах партии организованы литературные коллегии из представителей ячеек РКП(б). Перед литературными коллегиями ставилась конкретная задача — вести упорную и настойчивую агитацию среди рабочих и красноармейцев, втягивать их в активную литературную работу.

Районная литературная коллегия избрала бюро из 10 человек, в том числе платного, освобожденного от других обязанностей, секретаря. Главной задачей бюро было привлечение «массы к литературной работе», как писала «Советская правда».

Так, еще в двадцатые годы была заложена организационная структура наших теперешних литературных объединений при заводах и учреждениях, работа которых направляется сейчас местными отделениями Союза писателей. Так накапливались тогда литературные силы в преддверии первого съезда пролетарских писателей Челябинска. Съезд состоялся в середине июля 1921 года. На него собрались рабочие писатели Южного Урала, чтобы объединить свои распыленные литературные силы и наметить пути своего творчества.

В заметке Ив. Шувалова, опубликованной накануне этого знаменательного события в культурной жизни города, сообщалось:

> «Певцам и литераторам фабрик и полей Урала, разбросанным по разным закоулкам, предстоит объединиться и повести наступление на мещанско-буржуазную психологию, начать борьбу с подъемом мелкобуржуазной стихии — здоровой мощью пролетарских песен, пролетарской беллетристики, публицистики и критики. Поющиеся больные, изжитые песни прошлого, а вместе с ними и всю старую литературу пролетарским писателям предстоит заменить другой, классовой, жизненной, трудовой коммунистической поэзией и литературой. Твердым и уверенным шагом мы должны по трупам буржуазных мировоззрений идти в светлое будущее мировой коммуны.
>
> Распыленные и неорганизованные силы трудовых литераторов, художников часто подпадают под влияние буржуазных спецов и, увлекаемые ими, теряют свой классовый путь. На этом съезде писатели рабочих должны заложить фундамент истинно пролетарского искусства, душой и телом поступить на службу к рабочему классу, стать зеркалом его быта, его грядущего. Ничего, что многие из нас только вчера родились, ничего, что многие из нас не всегда литературно грамотны, порою грубые в своем стиле, зато целостны. Выявить свои силы, помочь отставшим категориям, ускорить процесс художественного развития, учесть и сплотить свои силы — вот задача нашего съезда»{55}.

И хотя подобные взгляды и отношение к старому наследию литературы были неправильными, затем осужденные нашей партией, Иван Шувалов не мог выразить их по-другому, как официальный представитель Пролеткульта. Ему удалось собрать воедино разрозненные литературные силы. Состоявшийся первый съезд пролетарских писателей Челябинска подвел итоги проделанной работе и положил организационное начало литературному движению. И в этом была заслуга рабочего поэта Ивана Шувалова.

«Вытянут и литературу»{56}

Первые произведения Демьяна Бедного в уральской прессе появились в дореволюционные годы. Это басни: «Пушка и соха», «Опека», опубликованные в Курганской «Народной газете» в 1914 году, по всей вероятности перепечатанные из «Правды» и кооперативного журнала «Объединение», где они были опубликованы в это же время.

Но только Великий Октябрь открыл широкий доступ творчеству Д. Бедного на страницы уральских газет. Перечень произведений поэта в уральской прессе занял бы много места и поэтому ограничимся лишь ссылкой на газеты Челябинска, опубликовавшие в первые годы Советской власти стихи: «Кочующие дармоеды», «Наша коммунистическая марсельеза», «Красноармейская звезда», «Вставайте, воины труда», «Зарубка», «Проклятие», «Боевой смотр», «В буржуйской обжорке», «В окопах», «Работнице», «Наше агитпутешествие», «Проводы», «Предателям», «Братское дело», «На прокат», «Юной гвардии» и др.

Само название стихов и басен свидетельствует о разнообразии содержания, об умении автора оперативно отзываться на самые острые и важнейшие события в жизни страны и народа.

Демьян Бедный много ездил, бывал на важнейших стройках, знакомился с жизнью в тесном и непосредственном обещании с людьми на фабриках и заводах, в городах и селах. И это обогащало поэта.

Д. Бедный трижды бывал на Урале. Первый раз маршрут его пролегал через Пермь в Екатеринбург зимой 1921 года. Тогда в нашей партии велась ожесточенная дискуссия о профсоюзах. И поэт выступал на рабочих собраниях и клубах, читал стихи, он горячо защищал ленинские положения о профсоюзах, разоблачал оппозиционеров. Все это придавало его поэзии воинственный и наступательный дух.

Во второй раз Д. Бедный приехал на Урал в мае 1926 года, когда в Свердловске отмечался трехлетний юбилей «Уральской крестьянской газеты». Он участвовал в торжествах, встречался со студентами Урало-Сибирского коммунистического университета, в сопровождении П. Бажова выезжал в окрестные села, беседовал с крестьянами.

Третья поездка были в Магнитку, которую Д. Бедный посетил весной 1931 года. Вместе со строителями индустриального бастиона страны поэт участвовал в первомайских торжествах

трудящихся Магнитостроя. Отсюда он послал свой поэтический привет пролетарской Москве.

Организаторше побед,
Москве рабоче-динамитной,
Шлю первомайский мой привет
Со стройлесов горы
Магнитной!{57}

Он был счастлив от встреч со строителями Магнитки. Полный живых и вдохновляющих впечатлений от великой стройки, развернувшейся на берегу древнего Урала, он пишет стихи, посвященные рабочим Магнитостроя.

Бодрое настроение, охватившее поэта на стройке, он предчувствовал еще в Москве, когда только собирался в поездку на Урал. Это прекрасно выражено в стихотворении «Новые времена — новые песни».

На Урал! Там зреет чудо
Под Магнитною горой!
В первомайский день не худо
Повидать Магнитострой!
А потом трубить победу:
Вот где песен я набрал{58}.

И поэт не ошибся. Дни пребывания Д. Бедного на Магнитострое — интересная страница в биографии поэта. Он, действительно, находился под впечатлением «чуда», зреющего у горы Магнитной. Он видел не только то, что творилось на строительной площадке, но как бы заглядывал вперед. Поэт ясно представлял огромнейшее значение стройки для будущего нашей страны и для множества человеческих судеб рабочих, которым отныне предстоит стать совершенно новыми людьми.

Магнитка понималась поэтом как горнило, перековывающее человеческие души, как университет, дающий им глубокие знания техники, как индустриальная вершина нашей страны, видимая со многих континентов земного шара.

Накануне 1-го Мая Д. Бедный встретился в рабочем клубе с ударниками Магнитостроя. Он откровенно и сердечно говорил с ними об их месте в рабочем строю. Поэт принял участие в торжественном заседании, как самый почетнейший и дорогой гость магнитостроевцев. Он выступил перед собравшимися в городском театре.

— Мне трудно говорить после выступавших товарищей, — начал он взволнованным голосом. — От кого мне выступать? Я — рядовой член большевистской коммунистической партии… Я приехал на Магнитострой как писатель. Раньше за песнями ехали в Москву, а сейчас за песнями надо ехать из Москвы. На Магнитострой едут писатели за бодростью, как пчелы на мед…

Последние слова его заглушили бурные аплодисменты. Поэт широко улыбнулся, не скрывая своей большой радости. Он кивнул приветливо головой, поднял руку.

— Гора Магнитная — вот наша тяга, — продолжал он. — Общими усилиями надо взяться за эту тягу и вытянуть ее. Вытянем или не вытянем?

— Вытянем! — единым дыханием ответили в зале, и снова несмолкаемые аплодисменты прервали речь поэта.

— Нет никаких сомнений, что мы вытянем! — сказал Д. Бедный и еще громче, увереннее произнес: — Вытянем! Безусловно вытянем!{59}

На рабочем митинге в день Первого мая Д. Бедный, приветствуя магнитостроевцев с праздником, еще раз подчеркнул, что для строителей нет выше чести, как быть магнитогорцем, оправдать это высокое и почетное звание самоотверженным трудом.

Приезд поэта в Магнитку имел большое воспитательное значение для коллектива строителей. Они пообещали, что будут работать по-ударному и рудник — первый пусковой объект — будет готов и сдан в срок.

Не прошло и двух недель после отъезда Д. Бедного, как из Магнитогорска в Кремль, в адрес поэта, была послана телеграмма:

> «Рудник Атач пускается в срок. Молнируйте несколько строк».

Д. Бедный отозвался на телеграмму рабочих стихотворением «Даешь домны».

Железный грунт штурмуют бурно
Магнитогорские бойцы.
Ура! Дела идут недурно!
Мобилизуйтеся певцы!
Пишите пламенные строки
Громоподобные слова!
Весь мир пусть видит, как огромны
Шаги ударного труда:
Придет Октябрь, и хлынет в домны

Магнитогорская руда!{60}

Проходит еще несколько дней. 20 мая в «Правде» печатается новая поэма Д. Бедного «Вытянем».

Поэт правдиво нарисовал в ней картины самоотверженного труда сотен и тысяч людей, преобразующих мир у подножия Магнит-горы.

Вот заключительные строфы из этой первой поэмы о Магнитке:

Ухваткой дружной, коллективной,
Несокрушимо-волевой,
На штурм горы Магнито-дивной
Идет колонной трудовой.
Мы не сдадим! Напор утроим
И, раздобыв заветный клад,
Мы наш, мы новый мир построим,
На большевистский крепкий лад!{61}

Стихи Д. Бедного о Магнитке вызвали злой вопль в зарубежной буржуазной печати. Английские, немецкие, американские газеты и журналы обрушились и на поэта.

> «Большевики смогут, пожалуй, построить металлургический комбинат у горы Магнитной, но это будут доменные печи демидовского Урала и мартены конца XIX столетия. Хотя и эти дела идут не так уж хорошо, если на помощь строителям послали поэта Демьяна Бедного», — писал один американский журнал, а виднейшая газета «Нью-Йорк тайме» вторила: «Большевики не уверены, что вытянут Магнитогорск, раз прибегли к поэтической силе: на Магнитострое присутствует Демьян Бедный — поэт, для поднятия духа!»{62}

Не отставали от американских «вещателей» и немецкие буржуазные журналисты, кричавшие со страниц журналов то же самое, что провозглашали заокеанские воротилы индустриальных и печатных концернов. Значит, глубоко ранило слово советского поэта, без промаха било в цель!

Поездка на Урал сблизила поэта с нашим краем. Д. Бедный и позднее отзывается на важнейшие события в жизни уральцев. Он радуется трудовой поступи Урала, и как только ему становится

известно о завершении строительства Челябинского тракторного завода, он пишет в «Правде»:

Еще одна в родном краю
Твердыня новая в строю.
Труду, упорству и талантам,
Бойцам, ударникам,
гигантам,
Героям тракторных побед
Восторги наши и привет!{63}

Не забывает поэт и Магнитку, внимательно следит за успехами магнитогорцев. Появляется в «Правде» письмо ударников Магнитостроя, обратившихся к правительству с просьбой выпустить заем второго года пятилетки, и Д. Бедный оперативно отзывается большим стихотворением «Даем!». Поэт взволнован воззванием, перед ним живо встают картины встреч с рабочими гигантской стройки, и он напоминает всем советским людям об ее великом значении в жизни страны.

Магнитострой — он только часть
Работы нашей, но какая!
Явил он творческую страсть,
Себя и нас и нашу власть
Призывным словом понукая{64}.

Свои раздумья о Магнитострое поэт пересказывает во многих строчках стихотворения. Призывно звучит концовка:

Сигнал великий подала
Нам пролетарская Магнитка.
Мы в трудовом сейчас бою,
Но, роя прошлому могилу,
В борьбе за будущность свою
Должны ковать в родном краю
Оборонительную силу.
И мы куем; ее куем,
И на призыв стальной Магнитки —
Дать государству вновь заем
Мы, сократив свои прибытки,
Ответный голос подаем:
Да-е-е-е-ем!{65}

В Магнитке Д. Бедный беседовал с литкружковцами и рабкорами стройки. Он призвал их к упорному писательскому труду, «набиванию руки», к систематической учебе «со стиснутыми зубами», подчеркнув при этом, что только вера в собственные силы, настойчивость в преодолении трудностей приносят желаемые плоды.

> «— Время требует настоящих людей, — говорил им Д. Бедный, — и я уверен, что идущие к нам свежие силы вытянут и литературу, как Магнитную гору, создадут настоящую пролетарскую литературу, достойную нашей великой эпохи…»{66}

За годы, прошедшие со дня этой встречи, многие из кружковцев, кто слушал тогда Д. Бедного, стали известными поэтами и писателями. Их произведения высоко оценены народом, да и вся литература за это время шагнула далеко вперед.

В расцвете новых талантов, в их заслуженном успехе у народа есть частица творческого огня Д. Бедного. В них как бы живет и продолжает биться неугомонное сердце поэта великой революции.

1. В домике старого Масалима

Я давно наслышан о старом учителе Масалиме Аюповиче, но побывал у него лишь прошлой осенью. Несмотря на свои 75 лет, он ясно сохранил в памяти встречи со многими замечательными людьми. Перед его глазами прошли необычные судьбы, оставившие неизгладимый след на сердце старого учителя русского языка в татарских школах.

Акмулла, Тукай, Гафури, Бабич… Их встречал старый учитель. Достаточно этих имен выдающихся литераторов, чтобы заинтересоваться самим Хамзиным. В Сафакулево, где живет Хамзин, его любовно и уважительно зовут просто дед Масалим.

Наш разговор с Масалимом Аюповичем — о литературе и литераторах. Кое-какие детали и подробности, затерявшиеся в событиях шестидесятилетней давности, помогает восстановить его жена Фирзана Амедьевна.

Разговариваем об Акмулле — просветителе-поэте, чьи стихи и сейчас передаются из уст в уста в в народе.

— Как звон колокольчиков в степи, — говорит Хамзин, — они звучны и приятны, а самое главное — свежи и ароматны, как полевые цветы…

Фирзана Амедьевна доверчиво соглашается:

— Это правда, — и добавляет: — Я видела поэта…

— Да, да! — гордо подхватывает Масалим Аюпович. — Расскажи, Фирзана.

Морщины на лице женщины как бы разглаживаются. Она будто видит себя снова маленькой девочкой в родном отцовском доме.

— Ростом поэт был небольшой, с седенькой бородкой, — вспоминает она. — Мне тогда было лет десять, поэту за шестьдесят. Он носил бешмет, подпоясанный бильбау, старенькую простенькую шапочку, ичиги с башмачками. Облик его запечатлелся на всю жизнь…

Акмулла останавливался в доме отца Фирзаны — Басилова, работавшего в Златоустовской земской управе. Это было в последний год жизни поэта. Он совершал путь из Троицка в Казань.

— Да, да! — кивает головой Хамзин. — Таким поэт запомнился многим, кто встречал его, таким он встает и перед моими глазами. Я перебил тебя, Фирзана, говори гостям о поэте, говори.

— Акмулла был одиноким, семьи не имел. Он все посмеивался надо мной, что ищет невесту и хочет жениться…

— Ты скажи, Фирзана, что ездил он в дрожках, окрашенных в синий, небесный цвет, запряженных в пару сивых лошадей…

Фирзана Амедьевна проводит руками по седой голове. Поправляет жиденькие косы, выбившиеся из-под платка.

— Походная кибитка поэта состояла из трех отделений, — мягко говорит она, — в одном лежали плотничьи инструменты, в другом книги, а посредине он сидел сам…

— В Троицке, где я долгое время жил и работал в медресе «Расулия» преподавал Шайхзадэ Бабич. Это большой поэт. Я люблю его за песенность стихов. Башкиры называют его своим Пушкиным. Бабич погиб в 1919 году. Он много рассказывал мне об Акмулле, называл его, как и Гафури с Тукаем, своим учителем…

Хамзин передохнул, собираясь с мыслями, а потом с чувством гордости за город, в котором жил и работал и который теперь еще любит, сказал:

— Троицк — город поэтов. Тут жил Акмулла, учились Тукай, Гафури, Бабич, работал Акрем Галимов…

Я был благодарен старому учителю. Своим рассказом он навел меня на интересную тему о литературных традициях и первых именах татарских и башкирских писателей, связанных с Южным Уралом.

Мы договорились с Масалимом Аюповичем, что он пошлет в Башкирию по знакомым адресам письма, соберет воспоминания людей, встречавших Акмуллу, Гафури, Тукая и Бабича. В ожидании письма от Хамзина я горячо взялся за розыски материалов в местных архивах и забытых старых изданиях.

Так появились эти заметки из литературного прошлого Южного Урала, далеко не исчерпывающие тему, но захватившие меня радостью маленьких творческих открытий.

2. Троицкое литературное гнездо

С чего же лучше было начать поиски, чтобы не открывать открытого, не говорить известного о троицких литераторах? В краеведческом кабинете Челябинской публичной библиотеки я нашел самые скудные сведения, но в библиографическом отделе мне дали список литературы. Многих книг в фондах не оказалось, и их выписали по межбиблиотечному абонементу из Казани, Свердловска и Уфы.

Не теряя времени я обратился в местные архивы, заглянул в единственный свод — литературную энциклопедию. Биографическая справка об Акмулле была коротка. Названо место рождения — деревня Тусанбай, бывшего Белебеевского уезда, указана дата рождения и смерти: 1831 г. — 21 октября 1895 г. {68}

Еще сказано, что при жизни поэта было опубликовано всего одно стихотворение, а потом посмертно издан сборник его произведений. Современному русскому читателю имя Акмулла говорит слишком мало. А между тем это был одаренный и смелый поэт-просветитель, глубоко связанный корнями с уральской землей и ее людьми. Три народа — татарский, башкирский и казахский — заслуженно считают его своим литератором, правдиво отразившим в произведениях жизнь и чувства простого человека. В старом издании «Литературной энциклопедии» еще подчеркнуто, что Акмулла жил своим трудом, все имущество его состояло из лошади и телеги. Разъезжая по окрестностям Троицка, Акмулла высмеивал баев и мулл, призывал народ к просвещению, прославлял разум, справедливость и гуманизм.

Акмулла прожил долгую и подвижническую жизнь, но мы мало знаем об этом талантливом общепризнанном поэте Башкирии, на произведениях которого учились и воспитывались башкирские, татарские и казахские литераторы позднейших поколений. Об учениках и последователях Акмуллы известно больше, чем о нем самом. Поэта преследовали за то, что он в своих стихах выражал думы простого человека, звал его на борьбу с произволом царской власти. Арестованный по доносу казахского чиновника, Акмулла был заключен в троицкую тюрьму. Сидя в камере, он продолжал писать обличительные стихи, в которых показал себя человеком, смотревшим дальше многих своих современников.

Вот два четверостишия из строк, написанных в тюрьме, вошедших в антологию татарской поэзии:

Каков закон тюрьмы? Запомните навек:
Здесь человек узнал, что значит человек.
Сквозь прутья на окне мы видим, как мурзы,
В колясках развалясь, коней торопят бег.
Иные узники сидят по десять лет,
Дела их в Питере, ищи — затерян след.
Их руки связаны, их ноги в кандалах,
Напрасно гибнет здесь народа яркий цвет{69}.

До сих пор не совсем ясны обстоятельства смерти Акмуллы, убитого вблизи Миасского завода во время его переезда из троицкой тюрьмы в Златоустовский уезд после освобождения. Об этом сказано: убит разбойниками.

Мне не удалось напасть на след архивных бумаг, проясняющих обстоятельства этого убийства, но трудно поверить, чтобы разбойники совершили налет с целью грабежа. Поэт был беден. Все пожитки его могли уместиться в телеге. Официальная версия об убийстве Акмуллы понадобилась, возможно, для того, чтобы скрыть подлинного убийцу. Чтобы убедиться в этом, я спросил Масалима Аюповича:

— Правильно ли утверждение, что Акмуллу убили разбойники?

— Этими разбойниками были царские сатрапы, так говорят в народе, — помолчав, ответил Хамзин.

Произведения поэта, как известно, не печатались при жизни. Они из уст в уста передавались среди казахов, татар и башкир. Произведения его были опубликованы отдельным сборником после смерти. Только после Октября 1917 года творчество поэта-просветителя стало широко доступно народу. Стихи Акмуллы вошли в антологии башкирской, татарской и казахской поэзии.

Троицк, где хорошо знали и любили Акмуллу и где среди народа жило и распространялось вольнолюбивое слово поэта, действительно, стал городом поэтов. Сюда, в духовный и экономический центр огромнейшего Тургайского края, тянулась талантливая молодежь, чтобы получить знания и образование. Из далекого башкирского селения в Троицк пешком пришел Маджит Гафури, чтобы поступить в медресе. Здесь в это время учился Габдулла Тукай. С Троицком были связаны Шайхзадэ Бабич, поэт-декадент Закир Рамиев, больше известный по псевдониму — Дардменд.

Рассказы о жизни и подвижнической деятельности Акмуллы, распространявшиеся в народе, подогревали вдохновение талантливых юношей — Тукая, Гафури и Бабича. Он стал их

первым учителем. Именно им суждено было приумножить поэтическое богатство своего народа, поднять его демократическую литературу, продолжающую лучшие традиции русской классики.

Так в Троицке упрочилось крепкое литературное гнездо, были заложены национальные литературные традиции. Жизнь города дала богатый материал для творчества Маджита Гафури. Литературное наследие этого крупного поэта, как всякого большого художника, поражает богатством и разнообразием жанров, глубоким проникновением в жизнь народа.

> «В его произведениях, — писала «Правда», — слышится и голос поэта-гражданина, борца, в них звучит и пленительная, чарующая глубина чувств, лирика любви»{70}.

Истоки творчества Гафури падают на 1902—1903 годы. Первый рассказ его «Жизнь, пройденная в нищете» показывает бедность и порабощение башкирского и татарского крестьянства. Поэт пытается установить причины народных бед, призывает к активной борьбе.

С первых дней революции 1917 года Гафури активный борец. В стихотворении «Утро свободы» он с гордостью восклицает:

> Я с чистой радостью гляжу на этот люд.
> На этот гордый красный флаг, что впереди несут.
> Мне этот праздник по душе!

Творчество Гафури разнообразно. В каком бы жанре ни выступал поэт, он прежде всего отражает жизнь своего народа. Не забывает он и исторических тем. После Октября им написаны: поэма «Рабочий», повести «Опозоренные», «На золотых приисках поэта». Последнее произведение — автобиографическое, в нем чувствуется влияние повестей Горького — «Детство», «В людях», «Мои университеты».

В 1905 году Гафури покидает Троицк и переезжает в Казань. То, что увидел поэт в окружающей его жизни на золотых Кочкарских приисках, где он работал в свободное от учебы время, нашло отражение в его произведениях. В Казани поэт приобщается к активной общественной деятельности. Здесь, в первой татарской газете «Казанский вестник», он печатает стихотворение, посвященное свободному слову, становится сотрудником этой газеты. С 1907 года имя поэта уже вносится полицией в список «неблагонадежных».

В автобиографической повести «На золотых приисках поэта» во всей неприглядной реальности отражена жизнь наемных рабочих у золотопромышленников братьев Рамиевых. Один из них — Дардменд — вошел в историю татарской поэзии. Он был певцом «чистого искусства».

«Тысячи изнуренных, падавших от усталости рабочих обогащали поэта Дардменда», — писал Гафури. Он подверг резкой критике его стихи как в повести, так и в эпиграмме «Перечитывая Дардменда», написанной уже в 1930 году.

Дардменд Рамиев продолжал выступать в печати и после Октября. Особенно часто его стихи и статьи печатались в троицких газетах, выходивших как на татарском, так и на русском языках. По форме своей стихи его отличались тонкостью передачи настроений, разнообразием поэтических приемов и находок, но широкого гражданского звучания они не имели.

3. Забытый поэт Троицка

Поэт дореволюционного Челябинска А. Туркин в статье на смерть троицкого молодого поэта Акрема Галимова высказывал сожаление, что нет еще хороших русских переводов с лучших образцов мусульманской литературы и говорил, что «бесконечно жаль, что молодой, рано угасший поэт А. Галимов, останется не прочтенным нами, русскими».

> «Тем более жаль, — заключает Туркин, — что жил и писал он рядом с нами, волновался мыслями о своем народе, он знал его лучше нас. И мысли его оригинальны именно тем, что поэт — дитя своего многострадального народа, у которого тоже брезжут огни»{71}.

Так оценивал талант А. Галимова его современник — русский поэт. С тех пор прошло более 50 лет. Срок — не маленький. Но, к сожалению, русский читатель так и не знает произведений этого поэта-уральца. Они были известны лишь национальному читателю, а ныне совсем забыты, ибо ни разу не переиздавались после смерти поэта.

Время жестоко, оно беспощадно заметает следы человека. Следует воедино соединить отдельные факты, чтобы восстановить биографию Акрема Галимова. Долгие поиски и исследования, знакомство с редкими источниками, мало доступными массовому читателю, помогли восстановить основные вехи жизни и деятельности этого двадцатилетнего талантливого поэта, общественно-активного литератора, принимавшего большое участие в развитии культуры и просвещения Троицка.

Столичная «Мусульманская газета» вслед за челябинской «Голос Приуралья» также отозвалась на смерть поэта. Она писала:

> «В муках, в страшных муках нарождается наша новая жизнь. Видно, много тяжелых испытаний суждено нам перенести по пути своего возрождения, по пути прогресса… Мир праху твоему, юноша-поэт. Та заря нашей лучшей жизни, которую ты так страстно ждал и в появление которой ты верил, уже брезжит над мусульманским миром, и мы увидим за нею и радостное солнце…»{72}

Акрем Галимов в своем творчестве продолжал традиции, заложенные Акмуллой, Гафури и Тукаем. В своих стихах,

печатавшихся в мусульманских газетах России, он обличает ишанов, высмеивает раболепие перед баями. Он пробовал свое перо и как драматург. Им написана одноактная комедия «Вопрос о масле или глупый мулла». Она была издана отдельной книжкой в Троицке на татарском языке в год смерти поэта.

И в наше время эта комедия не забыта. Она неоднократно ставилась кружками художественной самодеятельности, главным образом, на сценах сельских клубов, но уже без имени автора, как произведение фольклорного происхождения.

А. Галимов работал секретарем выходившего в Троицке журнала «Ай-кап», был постоянным сотрудником другого местного журнала «Ак-молла», названного так в память поэта Акмуллы. Журнал «Ай-кап» сначала выходил раз в месяц, а с ноября 1912 года стал выходить два раза. Троицкие журналы печатались на казахском языке. В них остро бичевались недостатки тогдашней жизни, изобличались социальная несправедливое и беззаконие.

Журнал «Ак-молла» являлся сатирическим органом троицких литераторов. То и другое издание — библиографическая редкость, заслуживающая внимания исследователей, занимающихся историей дореволюционной печати на Южном Урале, а также литературным краеведением.

А. Галимов, несмотря на свою молодость, очень часто печатался в оренбургском журнале «Шура» и астраханской газете «Идель». Произведения поэта появлялись под псевдонимом и больше известны читателю как стихи Чалла-татар.

Долгое время не удавалось найти какие-либо сведения о том, где и в какой семье родился поэт, как сложилась его литературная судьба.

Однажды, просматривая журнал «Мир ислама» за 1913 год, я встретил заметку обзорного характера. Эта заметка оказалась перепечатанной из казанской газеты «Юлдуз». Галимов в ней назывался Экрем-эфенди Алимов. О нем сообщалось, что умер он 7 августа. На похороны его собралось много молодежи. На гроб были возложены венки с надписями на лентах: «Любимому поэту Экрему-эфенди Алимову». От редакции «Ак-моллы» и «Ай-кап» — «Молодому поэту и нашему писателю Экрему-эфенди Алимову. Мир праху твоему». От редакции троицкой русской газеты, редактором которой в то время был большевик Ф. Сыромолотов — поэт дооктябрьской «Правды», был послан специальный представитель.

Акрем Галимов писал не только стихи, но и выступал как сатирик.

> «В Троицке поэта знали как сдержанного, мало говорившего, но дельного и спокойного человека. Легкие, красивые стихи поэта отличало обилие мысли. Он писал содержательные, короткие статьи. Все это заставляло смотреть с надеждой на этого молодого юношу», — отмечала газета.

Учитель С. Черкасов писал о троицком поэте в казанскую газету «Юлдуз»:

> «Экрем-эфенди был родом из Кустаная. Учился он в Троицкой медресе Зайнулла-ишана. Путем самообразования он расширил свои знания, понимал русскую литературу и до последнего времени брал частные уроки русского языка. В течение года троицкая молодежь полюбила его»{73}.

Отец Галимова был татарин, мать — киргизка. Поэтому он подписывался Чалла-татар, что значило полутатарин или Кара Туры йегет — темнокожий юноша. Больше года Галимов был секретарем журнала «Ай-кап» и Получал 20 рублей жалованья, а в «Ак-молле» писал и печатал стихи без гонорара.

> «Будучи бедным, он никогда не просил гонорара. Бедность и чрезмерная работа привели его к болезни, и в конце концов свели в могилу. Покойный свободно владел киргизским языком. И на этом языке писал статьи и стихи. В свой сборник «Джегетен джимесдяри» («Плоды юности»), он поместил стихи А. Тукаева. Недавно была напечатана его комедия «Май мэсэдеси» («Вопрос о масле»), описывающая жизнь кустанайских старожилов. Покойный отличался большим трудолюбием. Временами, бывало, что он просиживал до пяти часов утра в конторе «Ай-кап», занимаясь всеми делами вплоть до отправки номеров. Несчастный Экрем-эфенди, не осуществивши ни одной из своих задач, погиб жертвою эксплуатации людей, не понявших и не оценивших его дарований. Вот здесь уместны слова из стихов А. Тукая. «Существует ли у нас способность оценивать великих людей?»{74}

Акмулла, Маджит Гафури, Тукай, Бабич, чьи имена вошли в золотой фонд татаро-башкирской литературы и пока безвестное имя поэта Акрема Галимова — вехи одного большого пути, по которому шла и развивалась национальная литература Южного

Урала. По этой дороге прошли не только большие и ныне признанные писатели, но и отряд пытливых, преданных делу литературы юношей, оказавшихся забытыми писателями. Каждый из них в меру сил и таланта вносил достойный вклад в общую сокровищницу нашей многонациональной культуры.

4. Культурный очаг Челябинска

Челябинская мусульманская библиотека была открыта в 1906 году. Ее рождение совпало с появлением городской общественно-политической и литературной газеты «Голос Приуралья». Появление газеты и новой библиотеки в городе тесно связано с подъемом революционной борьбы на Урале.

Перелистаем документы, касающиеся мусульманской бесплатной библиотеки-читальни, хранящиеся в Челябинском госархиве.

8 августа 1911 года в библиотеке был сделан обыск и конфискованы многие книги Габдуль-Мажит Гафури, в том числе его «Пасынки», «Забота о нации», «Национальные песни» и другие сочинения.

Из протокола, составленного жандармами, можно почерпнуть некоторые подробности, связанные с конфискацией этих книг:

> 1. «Угей балалар» («Пасынки») сочинения проживающего в Уфе Гафурова представляют собой аллегорический рассказ о том, как оставшиеся после смерти матери дети претерпели невзгоды от мачехи. Далее проводится мысль, что такими несчастными угнетенными пасынками бывают не отдельные лица, а целая нация, к каковой относятся проживающие в России мусульмане.
>
> 2. «Миллет-кайгуса» («Забота о нации») и в ней «Яшгумрум» («Моя молодость»). Рисуя всякие положения из жизни мусульман, автор призывает их к объединению. Книга тенденциозного содержания. Сочинения Гафурова»{75}.

Изъятие книг М. Гафури из библиотеки не было случайным. Писатель уже давно значился в списке неблагонадежных, и полиция продолжала преследовать его с 1907 года, когда Гафури, будучи вольнослушателем медресе «Галия» в Уфе, написал рассказ «Жизнь, прожитая в нищете», поэму «Сибирская железная дорога». В этих произведениях М. Гафури показал процесс пролетаризации башкиро-татарского крестьянства, верно отразил настроение угнетенных национальностей в канун 1905—1906 годов.

Несмотря на запрет М. Гафури, челябинская библиотека приобрела его книги и пропагандировала «тенденциозные сочинения» писателя. А о том, что Гафури принадлежал к

«неблагонадежным» литераторам, не скрывала даже печать. «Инородческое обозрение» — приложение, выходившее к журналу «Православный собеседник», в июне 1913 года писало, что в «стихах «Любовь к нации», вышедших в Казани вторым изданием, М. Гафури очень остро высказывается по поводу положения своей нации». Цензурный комитет обращал внимание издателей на такие места:

> «В эти дни у меня нет своего отечества: местожительство мое стало местопребыванием моему врагу».
>
> «Если посмотришь на детей татар, отцы которых стяжали славу героев, то положение их — рабство. Прежде они, будучи невеждами, были рабами, а теперь это самое невежество сделало нас рабами».
>
> «Однако недолго продлится это время, и к нам повернется день»{76}.

Разительное совпадение! Примерно об этом же двумя месяцами позднее в газете «Голос Приуралья» А. Туркин, продолжая разговор о дружбе башкир и русских, писал:

> «Самое течение жизни, условия ее, заставляют наиболее живучий и крепкий башкирский элемент сорганизоваться в том направлении, чтобы улучшить земледелие… Будучи сильнее экономически, население легче и охотнее пойдет навстречу всяким культурным начинаниям».

И далее писатель подчеркивал:

> «В деле культурных начинаний, в которых так нуждаются люди, живущие с нами рядом, с правом существования и жизни, разумеется, должны, повторяю, участвовать все посильно. Мусульманские элементы в городе, как наиболее созревшие, первые должны протянуть руку башкирам — своим единоплеменникам. Мусульманская библиотека, общество, деятели могут многое сделать в этом направлении»{77}.

И челябинская мусульманская библиотека пропагандировала произведения не только М. Гафури, призывающие бороться за свободу и независимость, но и других писателей, несших в своих книгах свет передовых революционных идей.

В том же жандармском протоколе, из которого мы узнали о

конфискации книг М. Гафури, значится, что одновременно были изъяты из библиотеки сочинения писателя Г. Ибрагимова: «Суд совести», «Путешествие вокруг света», «Зеркало», «Истинная заря» и другие, уже своими названиями указывающие на их «тенденциозное содержание».

Жандармерия конфисковала в библиотеке-читальне книги «тенденциозного содержания», но они вновь появлялись на ее полках, и с ними продолжали знакомиться читатели. Видимо, чья-то волевая рука направляла деятельность этого культурного очага.

Год спустя после полицейского обыска в типографии газеты «Вант» в Оренбурге, издается «Каталог книг Челябинской мусульманской бесплатной библиотеки-читальни». Это любопытный печатный документ.

Среди названий книг, связанных с толкованием корана и изречений о путешествиях в страны Востока, мы вновь находим «Путешествие вокруг света» Г. Ибрагимова, «Пасынки», «Моя молодость», «Жизнь, прожитая в нищете», «Сибирская железная дорога» и другие сочинения М. Гафури, как будто их и не изымала жандармерия.

Легальная социал-демократическая газета «Урал» закрывается, ее издатель и редактор Х. Ямашев преследуется властями.

Полиция конфискует в Казани в магазине «Магариф», который содержал демократический писатель Галиастрат Камал, газету «Урал» и брошюры, выпускаемые ею. А в это время в челябинской библиотеке-читальне продолжают читать газету. О наличии комплекта «Урала» за 1907 год в библиотеке-читальне сообщается в Каталоге.

Из того же Каталога мы узнаем, что на полках библиотеки-читальни в широком выборе имелись произведения русских писателей: А. Пушкина, Н. Гоголя, И. Тургенева, А. Чехова, М. Горького, Мамина-Сибиряка, изданные в Казани на татарском языке. Интересно, что в библиотеке было очень много книг Л. Толстого. А ведь тогда имя писателя всячески поносили реакционные круги «власть имущих».

Все эти факты раздвигают наше представление о деятельности бесплатной библиотеки-читальни. Вспомнить о них — значит, воскресить в памяти замечательные страницы из культурного прошлого Челябинска, забывать которые мы не имеем права.

5. Челябинское литературное гнездо

Не сказать о национальных писателях, живших и работавших в Челябинске, значит, обеднить литературное прошлое Южного Урала, не дописать страницу о тех традициях, которые были заложены в нашем крае Акмуллой, Тукаем, Гафури, Бабичем.

Мы почти ничего не знаем об умершем в 1913 году в Казани Мунире-эфенди Хадиеве. А это был прогрессивный ученый и писатель. Будучи учителем челябинской мектебе, он многое сделал для просвещения своего народа.

Мунир-эфенди Хадиев перевел «Историю Афганистана», написал «Историю башкир», работал над «Историей киргизов». До приезда в Челябинск он жил в Троицке и в городе поэтов оставил о себе память, как о деятельном просветителе{78}.

Уже в советское время, в Челябинске жил и работал писатель Габдулла Гатауллин — член партии с 1917 года, участник революционных событий на Урале. Он печатал свои произведения под псевдонимом Апуш, принимал активнейшее участие в татарском альманахе «Подарок Урала», выходившем в Свердловске.

В этом альманахе кроме Апуша печатались челябинские писатели: поэт Хусаин Аминов, прозаик Идрис Туктаров, драматург Абдулла Ахметов. Творчество их неравноценно, но каждый в меру своих сил и таланта стремился отразить в произведениях жизнь народа и родного края.

Конечно, если говорить о важности творчества этой группы литераторов, то наибольшее значение среди них в то время имели произведения Габдуллы Гатауллина. Им написано несколько пьес, поставленных на сцене участниками самодеятельности. Его творчество заинтересовало А. Серафимовича в последний приезд на Урал. В Челябинске А. Серафимович провел беседу с татарскими писателями и в своих записных книжках, еще не опубликованных, отметил имя Габдуллы Гатауллина.

В 20-е годы в челябинской газете «Кзыл Урал» работал поэт Сагид Рамиев. Он был постоянным сотрудником этой газеты, и одновременно преподавал татарский язык и литературу в совпартшколе. Его часто можно было встретить на литературных вечерах, где Сагид Рамиев не только читал свои произведения, но и был активным пропагандистом молодой советской литературы.

Имя Сагида Рамиева, как поэта, появилось задолго до Октябрьской революции и было знакомо читателю по сборнику его избранных стихов. Тогда поэт сотрудничал в астраханской газете «Идель». В Казани им была напечатана автобиографическая

повесть «Он не был пьяным», предварительно появившаяся в газете «Баян альхак» («Сказитель истины»).

Сагид Рамиев — уроженец Оренбурга. Он вошел в литературу не только как интересный и оригинальный поэт, но и как прозаик и драматург. Многие годы Сагид Рамиев провел вместе с А. Тукаем и был его личным другом.

Мне удалось лишь затронуть большую тему, решить ее под силу лишь многим энтузиастам-исследователям.

Связи А. Серафимовича с Уралом

В начале 1918 года в еженедельнике Челябинского комитета РСДРП(б) «Приуральский большевик» был опубликован рассказ А. Серафимовича «Тамбовский мужичок в Москве» — о крестьянине приехавшем в столицу после Октября в поисках своего сына.

Публикация этого рассказа, как и выступление писателя в уральских газетах, имели большое политическое значение. К голосу писателя прислушивались широкие массы читателей, и такие его очерки и рассказы, как «Раскаяние», «Белопанская армия», «Как паны обманывали свои войска», «Сон» и другие, появившиеся в газетах «Советская правда» и «Уральский рабочий», брались на вооружение агитаторами и пропагандистами. Позднее в издательстве «Уралкнига» в 1925 году у Серафимовича вышли рассказы: «На Пресне», «Никита», «Граф Демидов и рабочий Демид».

С целью пропаганды новых произведений пролетарской литературы среди строителей Магнитки, в журнале «За Магнитострой литературы» перепечатывались главы из «Железного потока».

А. Серафимович доброй строкой отозвался о стихах Ивана Шувалова — одного из организаторов Челябинской ассоциации пролетарских писателей.

> «Революционное напряжение борьбы рвется у Ивана Шувалова по-своему, — писал он о стихах поэта, — у него свое лицо»{79}.

В 30-е годы у А. Серафимовича завязываются письменные связи с И. П. Малютиным.

В 1938 году общественность Челябинска отмечала сорокалетие своей публичной библиотеки. А. Серафимович горячо откликнулся, прислал в адрес юбиляра приветственную телеграмму:

> «Желаю ее читателям, — говорилось в телеграмме, — приобретать в библиотеке все расширяющиеся навыки, углубленно оценивать, усваивать критически литературные произведения».
>
> Писатель советовал коллективу библиотечных работников: «крепить, расширять свою связь с читателями, ибо это — необходимо громадный кусок

социалистического творчества»{80}.

В 1941 году А. Серафимович совершал большую поездку по Союзу. Узнав об этом, Челябинский обком партии и отделение писательской организации, направили ему телеграмму с просьбой встретиться с трудящимися области, общественностью, местными писателями. Серафимович ответил согласием{81}.

В городе стали готовиться к встрече с писателем. В газете «Челябинский рабочий» появилась большая статья «Художник революции». В ней особо подчеркивалось:

> «Среди челябинцев много почитателей таланта Серафимовича. Теперь они смогут не только читать его произведения, но и побеседовать лично с писателем. Александр Серафимович (Попов) приезжает в Челябинск{82}.

В Свердловске А. Серафимович ближе сошелся с П. Бажовым, чьи книги пришлись ему по душе своей романтической приподнятостью, своим новаторством, глубоким показом трудового Урала. Автор уральских былей и сказок подарил творцу «Железного потока» свою «Малахитовую шкатулку».

После большого литературного вечера, который состоялся 24 марта в оперном театре имени Луначарского, они долго беседовали о судьбах развития советской литературы в краях и областях Российской Федерации, работе писательских организаций на местах, об издательском деле. В это же время Серафимович познакомился с молодым челябинским литератором А. Климовым — автором интересных новаторских книг о детях{83}.

А. Серафимович прибыл в Челябинск утром 6 апреля. В этой поездке писателя сопровождал в качестве докладчика критик и редактор его сочинений Г. Нерадов. Писатель встречался с самыми разными аудиториями.

Особенно оживленно прошла встреча А. Серафимовича с третьекурсниками и отличниками младших курсов литфака пединститута. Беседуя с ними, А. Серафимович посоветовал студентам никогда не опускаться «во мглу бесчувствия и безмыслия» и призвал их к труду, говоря, что «бездействие — это конец, физическая и духовная смерть…»

Серафимович рассказал студентам как стал писателем, поделился с ними воспоминаниями о встречах с М. Горьким, В. Короленко, Л. Андреевым, А. Куприным и другими русскими писателями. С особой теплотой и сердечностью он вспоминал о встрече с В. И. Лениным, о работе в «Правде». В заключение он

рассказал слушателям о своей работе над новым романом «Колхозные поля», главы из которого уже были опубликованы в журналах.

А. Серафимович встречался с трудящимися Челябинска в драматическом театре. Писатель успел побывать на ряде городских предприятий. Сильное впечатление произвел на него тракторный завод.

> «Был я на Челябинском тракторном заводе, — писал он тогда. — Что за красавец завод! Прекрасное оборудование. На громадном пространстве разлегшиеся цехи. Огромной мощности кузнечный цех, литейный и тончайшее (тысячные доли миллиметра!) производство топливной аппаратуры. С таким великолепным заводом горы можно своротить, — и критиковал тракторостроителей за то, что они не выполняют план, мирятся с отдельными фактами, нарушающими культуру производства. — Этот завод-громада как будто стоит на высокой горе, и вся страна не спускает с него глаз, ибо продукция его играет колоссальную роль в жизни нашей страны»{84}.

Письмо заканчивалось горячим призывом:

> «Товарищи, рабочие, товарищи стахановцы, инженеры, техники! Страна, вся наша чудесная страна, ждет, чтоб навсегда стерлось роковое «план не выполняется», а загорелась бы красная звезда: «план перевыполняется».

Кроме Свердловска и Челябинска писатель побывал в Перми, Первоуральске, Ревде, посетил Саратов, Иваново, Архангельск, Вологду, где также выступал перед трудящимися.

Подобные поездки и встречи писатель любил, они обогащали его. Г. Нерадов вспоминает:

> «Обставлялось дело с виду так, что надо «материалу поднакопить», «набраться своих впечатлений». В действительности же мотивы были гораздо более сложные. Толкали его в необъятные просторы Союза великая любовь к народу и боевой темперамент большевистского трибуна, пропагандиста, агитатора».

В центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве мне удалось познакомиться с записными

книжками писателя.

Записи, относящиеся к пребыванию А. Серафимовича в Челябинске, немногочисленны. Они главным образом касаются положения дел в местной писательской организации, в них дана оценка произведений отдельных авторов, есть пометки о необходимости оказать помощь некоторым из них, о выходе последних номеров альманаха.

Вниманием к людям, заботой о них пронизаны многие строки записных книжек писателя. Чувствуется, что его глубоко интересовали судьбы тружеников, он был к ним очень чуток.

Писатель восхищен делами коллектива завода «Уралмаш». И в его книжке появляется запись:

> «ЦК ВКП(б) дал задание выполнить одну важную работу в очень короткий срок. Собрали рабочих, объяснили ее важность. Рабочие с энтузиазмом взялись за работу»{85}.

Среди подобных записей есть немало и таких, что пополняют творческую «копилку» писателя.

Записная книжка была неотъемлемым спутником А. Серафимовича всю жизнь. Страницы, исписанные в дни поездки и встреч с уральцами, подтверждают, как близок был он к народу, как в тесном общении с ним обогащался впечатлениями, необходимыми в его творческой работе.

Федор Панферов и уральцы

Впервые Федор Иванович побывал на уральской земле в 1930 году. В повести «Недавнее прошлое» он сам рассказал об этой поездке так:

> «Из-под Пятигорска я, признаться, терзаемый думой, направился в Тюмень… На базаре я натолкнулся на крестьянина, который собирался ехать в Шадринск. С ним вместе я и решил отправиться в Шатровский район, где все села и деревни вошли в единую сельскохозяйственную коммуну… Ехали мы долго. По пути к нам приставали все новые и новые чем-то озлобленные люди. Это бежали кулаки от коллективизации»{86}.

Федор Иванович описывает беседу с председателем единой коммуны. Вначале тот был в приподнятом настроении и на вопросы писателя горячо отвечал:

— Да, мы двинулись, океан-морем двинулись в коммунизм.

В другой беседе, когда создавались трудности в большом, еще неустроенном хозяйстве, начался отлив из коммуны, тот же председатель поспешно произнес:

— Летит все к чертовой матери. Коров согнали, а кормить нечем. Гадали: выгоним на пастбища, а оно вон чего — то дождь, то снег. Сплошной отел пошел — телят некому принимать. Дохнут. Кур стащили в одно место — дерутся петухи в кровь. Вот оно как…

И все же «движение все равно ширилось, росло, захватывало миллионы крестьян». И писатель заключает:

> «Из этой бурной жизни выросли мои «Бруски»{87}.

Нет, совсем неслучайна была поездка писателя в Шатровский район. Она дала ему благодатную пищу для глубоких раздумий и обобщений. И выбор был сделан точный и верный. Зауралье в годы становления Советской власти являлось колыбелью сельскохозяйственных коммун. Многие из организованных здесь коммун в те трудные годы погибли от кровавых рук озверевших кулаков и недобитых колчаковцев, но именно они, эти коммуны, к началу сплошной коллективизации позволили накопить первый опыт колхозного строительства. Здесь, в Шатрове, в 1930 году была создана единая районная коммуна, заинтересовавшая

Ф. Панферова{88}.

В 1934 году на XVII съезде ВКП(б) Федор Иванович рассказал, как он побывал на пуске Челябинского тракторного завода со своим знакомым крестьянином Матвеем. Перед входом на завод Матвей, переступив через ворота, стал вытирать ноги. Его поразила чистота и порядок заводского двора.

Хочется привести эту часть из выступления писателя, ибо она звучит как самостоятельный художественный отрывок.

> «В сборочном цехе в это время сходил с конвейера гусеничный трактор-сталинец. Он шел по рельсам на колесиках, впереди его пластами лежали гусеницы, и ему надо было их одеть. Около трактора собралась огромная толпа и напряженно смотрела на то, как трактор — эта могучая черепаха — задвигался, заурчал на рельсах, затем трактор как-то подпрыгнул и стал на гусеницу.
>
> — Обулся, — при общем молчании вырвалось у Матвея.
>
> Все засмеялись, а Матвей отряхнулся и снова начал озоровать, но совсем не так, как прежде:
>
> — Эти машины для наших полей не годятся, — сказал он.
>
> — Почему? — спросили его.
>
> — Да у него вон какие лапы-то, всю землю примнет.
>
> А вечером, когда председатель Уральского исполкома, открывая торжественное заседание, начал свою речь так: «Пусть весь мир знает, что сегодня мы открываем Челябинский гигант», Матвей не выдержал и гаркнул из дальнего угла, поднимая всех на ноги:
>
> — Да, пускай знает весь мир!
>
> И в это время он, как и трактор в новые гусеницы, обулся в новую радость.
>
> В эту осень я снова видел его в колхозе. Он работал на машине, работал напряженно. Мы подошли к нему и, смеясь, заговорили:
>
> — Как же так, дядя Матвей, ты машину ругал, а теперь сам на машине работаешь? Да еще, говорят, бригадиром?
>
> Он ответил:
>
> — Живучи на веку, — повертишься и на сиделке и на боку.
>
> Я отвел его в сторону и снова глаз-на-глаз спросил:
>
> — Как с душой, дядя Матвей?

— С душой? — Он долго смотрел на машину и, поворачиваясь ко мне, улыбаясь, сказал:

— Душа на место встала.

И Панферов замечает:

— Я один из счастливых людей, товарищи, ибо я видел страну. Я видел, с какой несокрушимой энергией большевики Урала перетряхнули, перестроили старый, седой Урал, Урал слез, пыток, застенок…»{89}

Писатель любил ездить по стране и много времени проводил в путешествии. На Урале он бывал много раз.

В военные годы писатель был связан с Уралом и как корреспондент «Правды», неоднократно приезжавший сюда по командировкам редакции газеты. Он бывал на многих новостройках, заводах, в колхозах и совхозах края, жил в Миассе, где в начале войны поселилась его жена А. Коптяева. Федор Иванович часто встречался с читателями в цехах и клубах, выступал перед партийным активом города. Очевидцы встречи в кинотеатре «Энергия» хорошо запомнили ее.

— Федор Иванович, живя в Миассе, нередко выступал перед рабочими предприятий, часто бывал в колхозах. Много интересного мне рассказывал о беседах писателя с колхозниками села Филимоново мой брат Михаил, председатель колхоза «Приуралье», — говорит А. П. Волчек, работавшая в годы войны зав. отделом пропаганды райкома партии, — выезжал писатель в села Черное, Устиново, Мельниково-Зауралово. Встречался с учащимися первой средней школы, старыми большевиками, жившими в годы войны в Тургоякском доме отдыха № 2 треста «Миассзолото». Со многими он делился творческими замыслами…

А. П. Волчек жила в том же доме, где и А. Коптяева с Ф. Панферовым.

— В наш дом, — продолжает она, — к писателям также приходило немало людей. И из бесед с ними Федор Иванович, по-видимому, черпал много интересных подробностей о нашем крае, его людях…{90}

Свои непосредственные наблюдения Федор Иванович воплотил в яркие и запоминающиеся характеры, выведенные им в романах «Борьба за мир» и «Большое искусство». В этих произведениях показана жизнь и труд уральцев в военные и первый послевоенный годы, воспета красота заповедника, хранящего «замечательные цветы земли — минералы». В романах показана общенародная борьба за разгром ненавистного врага на фронте, тесная связь между бойцами и людьми глубокого тыла,

каким являлся весь Южный Урал.

Достаточно перелистать пожелтевшие подшивки уральских газет «Челябинский рабочий», «Миасский рабочий», многотиражки автозавода «Мотор», как ощутимы станут самые глубокие связи писателя со своими друзьями-читателями через местную печать, не говоря уже о центральных газетах и журналах.

В заметке «Челябинского рабочего» от 15 июля 1942 года рассказывается об одной из таких встреч Ф. Панферова с челябинцами. Писатель поделился тогда своими первыми впечатлениями о пребывании на фронте и встречах с воинами, о ненависти наших бойцов к врагу, их желании быстрее разгромить полчища гитлеровцев.

— В госпитале я встретился с комиссаром Левченко, героем моей повести «Своими глазами». Разговорились. Он яростно ненавидит врага. Так ненавидели тогда фашизм все на фронте и в тылу.

После возвращения с фронта Панферов поехал по стране и наблюдал единодушие народа, его стремление помочь Красной Армии поскорее разгромить врага. Федор Иванович поделился творческими задумками и сообщил, что написал пьесу, работает над продолжением повести «Своими глазами».

«Челябинский рабочий» опубликовал очерк Ф. Панферова «Фабрика овощей» — о пригородном Митрофановском совхозе{91}. Затем на страницах газеты появился его очерк «Поэзия труда» — о торфоразработках в Миассе{92}, на которых побывал писатель, а в конце 1942 года была написана новая повесть «Зеленая Брама» — о прифронтовой и партизанской жизни{93}.

Повесть «Зеленая Брама» ведется от первого лица. Герой ее вместе со своим другом Володей летит в партизанский край и встречается там с «человеком по ту сторону» — Яковом Френкелем, евреем, избитым фашистами. Затем описывается колхоз и его председатель Абрам Шлифштейн с дочкой Эстой, пострадавшими от гитлеровцев. Френкель становится проводником партизан. Затем писатель дает образ Хлопчика — парня с Урала, строителя. Группу партизан Френкеля вылавливают фашисты, пытают в застенке.

Партизанскую группу поймали, когда она возвращалась в Зеленую Браму из Польши, где взорвала склад с ипритом.

Таков сюжет повести, опубликованной в «Челябинском рабочем».

О городе на рубеже Европы и Азии, его людях, их трудовых подвигах Федор Иванович пишет ряд очерков, и они появляются в «Миасском рабочем». Знаменательна его зарисовка-рассказ

«Автомобиль сходит с гор». В ней показывается, как уральцы дали Родине первый грузовик. И этот очерк удивительно напоминает те впечатления автора, какие остались у него при посещении Челябинского тракторного завода при его пуске.

> «Автомобиль спокойно двигался по конвейеру. Вот уже привинчена последняя деталь, и… автомобиль коснулся передними колесами площадки, затем, как бы облегченно вздохнув, спрыгнул с рельс, колыхнулся, легко подбрасывая кузов, и пошел в ворота — на солнце, на волю, на борьбу с заклятым врагом. А из тысячи глоток вырвалось оглушающее ура.
>
> — Ура-а-а! Ура-а-а! — неслось волнами, куда-то убегая и снова возвращаясь, обрушиваясь на автомобиль, на людей около автомобиля, и кто-то радостно плакал, кто-то радостно смеялся…»{94}

Несколько очерков печатает многотиражка «Мотор». В них говорится о фронтовой жизни, но больше всего — это рассказы о живых людях завода — создателях уральского грузовика.

В витрине городского музея выставлены четыре портрета Героев Советского Союза — миассцев, а рядом газетная полоса: «Фронту, Родине рапортует Миасс!» На полосе взволнованный очерк Ф. Панферова «Великая сила» — о слесаре-инструментальщике автозавода С. А. Орлове, награжденном орденом Ленина.

Федор Иванович не просто любил уральцев и Урал, он был его живописцем.

> «Я стою в коридоре вагона и смотрю через окно на чудеснейшие долины, на девственные леса, и кажется мне, в мире нет еще такого красивого уголка, как этот уголок Урала.
>
> И краски какие-то особые…
>
> И небо особое…»

Этими проникновенными словами, сказанными писателем в минуты раздумий о нашем крае и взятых из романа «Большое искусство», хочется закончить рассказ о Федоре Ивановиче. Таким Панферова знал я, таким запомнили его южноуральцы, таким он останется навсегда в народной памяти.

Рождение таланта

Всеволод Иванов особенно дорог нам, уральцам. Ведь первые его очерки и рассказы появились еще в дореволюционное время в курганских газетах.

Учительский сын из поселка Лебяжье Семипалатинской области, он, прежде чем осесть в Кургане, долго странствовал по дорогам Сибири, базарам Омска, ночлежкам Екатеринбурга и Челябинска, выступал в ярмарочных балаганах, зарабатывая деньги на кусок хлеба. Сначала он сочинял стихи и читал их на сценах клубов при железнодорожных станциях, ставил в народных домах большие пантомимы. Его стихи, а особенно «Антрэ» — маленькие сценки, написанные для клоунов, имели успех у публики.

В начале 1915 года Вс. Иванов прошел пешком вдоль железной дороги от Челябинска до Кургана, устроился наборщиком в типографию газеты «Курганский вестник». И хотя условия жизни и работы полиграфистов тех лет были тяжелыми и изнурительными, он находил время и силы для самообразования. Он много читал, особенно М. Горького{95}.

Жизнь в Кургане — интересная и пока еще малоизвестная страница в биографии Вс. Иванова. Здесь он подружился с поэтом Кондратием Худяковым; тот посоветовал не заниматься сочинительством стихов, а всерьез испробовать свои силы в прозе. Частые беседы с Кондратием Худяковым о книгах и писательском труде явились толчком, который позднее привел Вс. Иванова в большую литературу.

В Кургане кроме К. Худякова жили литераторы — поэтесса Лариса Коровина, М. Голодный, Ив. Малютин.

Дружба с ними была благотворна для молодого Вс. Иванова. Она продолжалась с поэтом-самоучкой И. Малютиным до последних дней жизни. Всеволод Вячеславович называл его своим старейшим приятелем и питал к Ивану Петровичу самые нежнейшие чувства. Их отношения были пронизаны постоянной творческой заботой и взаимопомощью.

В архиве И. Малютина сохранилась рукопись рассказа «На чужую сторону» с правкой и пометками Вс. Иванова. Рассказ, надо думать, готовился к публикации в «Народной газете».

Всеволод Вячеславович, сам еще новичок в литературе, пытается быть полезным товарищу по перу. Заметки его, оставленные на полях, и стилистическая правка очень робки, советы дружески доброжелательны.

Первый рассказ Вс. Иванова появился в конце 1915 года в

«Народной газете», издававшейся курганскими маслоделами. Это был рассказ «В святую ночь». В нем автор в аллегорической форме изображает столкновение двух сил — жизни и смерти, протестует против бессмысленного уничтожения людей на империалистической войне.

Вслед за этим рассказом Вс. Иванов печатает: «В зареве пожара», «Вертельщик Семен», «Дед Архип», пытаясь показать в них жизнь и страдания простых людей, их унижение там, где владычествуют деньги и власть одних, нищета и бесправие других. Несколько рассказов Вс. Иванов публикует в «Известиях» Курганского Совета рабочих и солдатских депутатов. В газете полиграфистов города «День печатника» появляется его рассказ «На горе Иык»{96}. Эти ранние произведения Всеволода Иванова представляют несомненный интерес для историков литературы.

Вс. Иванов посылает М. Горькому рассказ «На Иртыше», и в октябре 1916 года получает ответ. Алексей Максимович называет этот рассказ «славной вещицей» и сообщает, что рассказ будет напечатан во втором сборнике писателей-пролетариев. Сборник появился после Великого Октября; в нем были опубликованы два рассказа Вс. Иванова.

Обрадованный похвалой М. Горького, молодой автор посылает целую «книгу» своих рассказов. Прочитав их, Алексей Максимович вновь пишет Вс. Иванову, советует ему всерьез учиться мастерству у писателей-классиков, верить в жизнь, в человеческий разум.

> «Вы не только судья людям, — внушает Горький, — но и кровный их друг».

Чтобы понять это замечание великого учителя, следует заметить, что ранние рассказы Вс. Иванова страдали односторонним освещением действительности. В них лишь обнажались язвы жизни, но не показывались те силы, какие могли бы вывести героев из безысходного положения. Позднее Вс. Иванов вспоминал:

> «Я находился тогда под впечатлением тех авторов, что утверждали: уездная жизнь необыкновенно звероподобна, тупа, и нет на свете большего падения, чем быть мещанином. Я хорошо знал жизнь мещан и жизнь вообще всего Курганского уезда, по которому часто ездил с его балаганами на ярмарках».

Незадолго до Октября Вс. Иванова делегируют на конференцию рабочих печатного дела Сибири, и он выезжает в

Омск. Здесь его захватывают события пролетарской революции. Он вступает в Красную гвардию и участвует в разоружении кадетского корпуса.

В омской типографии газеты «Вперед» под псевдонимом В. Тараканов молодой литератор издает сборник «Рогульки» из восьми рассказов, тиражом в 30 экземпляров. Сборник сразу же стал библиографической редкостью, но был замечен в литературных кругах России.

> «Я узнал Всеволода Иванова — писателя — по книжке рассказов «Рогульки», — писал К. Федин, — которую он сам набрал и напечатал в Сибири».

В 1921 году с мандатом газеты «Советская Сибирь» Вс. Иванов «командируется в распоряжение М. Горького», переезжает в Петербург и становится профессиональным литератором. Вслед за «Партизанами», напечатанными в журнале «Красная новь», и «Бронепоездом 14-69» у него появляется повесть «Цветные ветры», романы «Похождение факира», «Мы идем в Индию» и другие произведения.

Во многих произведениях писателя, ставших теперь советской классикой, отчетливо видны страницы его биографии, связанные с пребыванием на Урале и в Сибири. Герои Всеволода Иванова — реальные люди. Они находились рядом, жили одной жизнью с писателем, не подозревая, конечно, что станут персонажами его произведения.

В курганской типографии вместе с Вс. Ивановым работал Алексей Жулистов — жизнерадостный и веселый молодой человек. Друзья-наборщики участвовали в самодеятельных спектаклях, ставившихся в клубе вольно-пожарного общества. Свидетельница тех лет М. В. Караваева говорит, что когда она в 1914 году пришла работать в типографию, ее поставили рядом с самым лучшим и грамотным наборщиком. Он не только быстро набирал тексты, но и сам вел корректуру. Это был Вс. Иванов.

— Смелее, Маша, — говорил он и учил ее наборному делу.

М. Караваева и Алексей Жулистов вместе с Всеволодом Вячеславовичем в сверхурочное время набирали и печатали сборник стихов «Сибирь» Кондратия Худякова. Этот оригинальный сборник, выпущенный в типографии «Народной газеты» в 1916 году, как «издание Всеволода Иванова» без указания тиража — теперь тоже библиографическая редкость.

В романе «Похождение факира» есть глава «Шаманины».

> «Признаться, я давно не встречал такой дружной и веселой семьи, — говорит автор. — Всего за стол, считая

меня и нищенку Гавриловну, живущую из милости, садилось каждый день двенадцать едоков… Дети — младшей Мане было пятнадцать — садились шумно, со смехом. Старики тоже любили пошутить. Для меня это было удивительно. У нас в поселках и Павлодаре сидеть за столом полагалось тихо, торжественно, чинно: не дай бог, раньше старшего протянуть ложку к миске. А тут обед часто начинала Маша, с улыбкой неся ложку к большому и алому рту. В доме почти не пререкались, а тем более по пустякам, работа спорилась. Избытка не было, но и на нужду не жаловались…

Меня сразу приняли как родного»{97}.

— Всеволод Вячеславович остановился в доме моего дедушки Лаврентия Ивановича Жулистова, — вспоминает М. Караваева, та самая Маша, которая начинала обед Шаманиных. — Семья у нас тогда была большая. За стол садилось двенадцать человек, в том числе Всеволод Вячеславович и одна больная нищенка. Дед наш в ту пору сапожничал, а мы — я, дядюшка Алексей, брат мой Сергей — были наборщиками, а сестра моя Александра — печатницей. Потом ее образ Всеволод Вячеславович описал в романе «Похождение факира» под именем Марфы Шаманиной… {98}

М. Караваева вместе с Вс. Ивановым, дядюшкой Алексеем, сестрой Сашей выпускали однодневную газету «День печатника», а в 1917 году ходили закрывать газету «Курганский вестник», помогали конфисковывать в пользу государства типографию Кочешева, являлись активными помощниками писателя в Кургане. И из жизни реальной они вошли в роман «Похождение факира».

Однако в творчестве писателя-земляка наиболее четко прослеживается одна тема, поглотившая много его энергии и вдохновения — тема гражданской войны. Ей посвящены не только великолепные произведения Вс. Иванова, созданные по горячим следам событий. Тема великой героики и борьбы народа пронизывает и все самые крупные и основные произведения художника.

В конце 30-х годов у писателя появляется роман «Пархоменко», посвященный легендарному командиру Красной Армии.

В годы Великой Отечественной войны Вс. Иванов — солдат-литератор. Вместе со сражающимся народом он служит Родине своим творчеством. Он пишет пьесу «Дядя Костя» — о белорусском партизане Константине Заслонове. И мы вправе

говорить о нем как о боевом солдате, навсегда связавшем свое имя с любимым образом «человека с ружьем». Сначала этот «человек с ружьем» завоевывал нашу революцию в боях с царизмом здесь, на Урале, а потом продолжал стоять на страже революционных завоеваний, охраняя мир и труд на нашей земле.

Энтузиаст русской литературы

Иван Петрович Малютин. Редкий книголюб и друг многих известных русских писателей. Он прожил без малого 90 лет. Перед его глазами прошли революции 1905 и 1917 годов, гражданская и Великая Отечественная войны.

Выходец из бедной крестьянской семьи, он овладел грамотой, не переступив порога школы. Через всю свою долгую жизнь Иван Петрович пронес светлую и благоговейную любовь к книге. Она была лучшим другом и наставником.

С книгой были связаны лучшие мечты этого энтузиаста русской литературы, ее пропагандиста и агитатора. Первое стихотворение Малютина «Бедная Настя» было опубликовано еще в 1895 году в газете «Северный край», но регулярно печататься Иван Петрович начал лишь с 1910 года в «Курганском вестнике» и курганской «Народной газете».

Простые стихи его, полные неподдельной искренности, были проникнуты негодованием против тех, кто отнял у крестьянина радость жизни, сделал его труд тягостным и подневольным.

В ранней юности Иван Петрович покинул неприглядный отцовский кров, ушел на заработки, чтобы найти свой «университет». Он плавал на плотах и барках с дровами по Шексне и Волге, пока жизнь в 1892 году не прибила его к берегу большого города Ярославля. Чернорабочий, землекоп, грузчик, пильщик, сторож. Каких только профессий не перепробовал юноша, прежде чем определился на работу в библиотеку-читальню при фабрике Ярославской мануфактуры. Здесь он познакомился с книгами Белинского и Добролюбова, Писарева и Чернышевского, Некрасова и Салтыкова-Щедрина. Их произведения открыли глаза на мир и общество. Иван Петрович связывается с подпольными рабочими кружками. Он становится распространителем запрещенной литературы, начинает сотрудничать в газетах.

В январе 1902 года в числе 18-ти «неблагонадежных» Малютин был арестован и за «вредное направление мыслей» выслан на три года под надзор полиции в Томскую губернию. Началась тяжелая жизнь ссыльного, скитальца по разным городам Сибири, но любовь к книге, открывшей правду, не охладела, а стала еще сильнее. Иван Петрович завязывает знакомство с сибирскими литераторами, выступает в местных газетах с обличительными стихами. Штрафы, новые аресты не страшат поэта-самоучку, его тянет к находящимся в ссылке профессиональным революционерам.

Иван Петрович преклоняется перед творчеством поэта-революционера П. Якубовича-Мельшина. Смерть его находит глубокий отзвук в сердце И. Малютина. Иван Петрович, находившийся в это время в Барнауле, напечатал в газете «Алтайский край» стихотворение «Памяти П. Ф. Якубовича-Мельшина». Гневно он обрушивается на палачей, преследовавших поэта-революционера и запрятавших его в далекий край. С ненавистью он говорит:

И горько ты скорбел, и крик сердечной боли
Порой срывался с уст и нарушал покой.
Вампирам, пившим кровь народную на воле,
Гасившим правды свет безжалостной рукой{99}.

За публикацию этого стихотворения газету оштрафовали на 100 рублей, а редактору сделали предупреждение. Но вскоре на страницах ее появилось новое стихотворение И. Малютина «Два потока», продолжающее тему борьбы со злом и несправедливостью, за светлое будущее народа. И. Малютин и редактор были арестованы, заключены в тюрьму, а газета закрыта.

В Кургане Малютин близко сходится с П. Злыдневым, бывшим токарем Путиловского завода, участником забастовки 1905 года, сосланным в Сибирь на десять лет, с поэтами-правдистами К. Худяковым и П. Ерошиным, с молодым литератором Вс. Ивановым, завязывает переписку с В. Г. Короленко. Он пишет стихи, полные глубокого сочувствия к народу, рвущемуся к свободе, выступает против первой империалистической войны, шлет ей свое «глубокое проклятие».

Великий Октябрь Иван Петрович встретил с огромной радостью, как человек, причастный к свершившимся надеждам русского народа. В этом отношении очень правдиво его стихотворение «Мы — живые ключи», написанное накануне пролетарской революции — в сентябре 1917 года.

И студеной зимой под корой ледяной
Незаметно работа идет —
И кипят и струятся ручьи, чтоб весной
Сбросить тяжкий, томительный гнет.
Мы — живые ключи. Мы везде пролегли.
Час за часом и ночью и днем.
Для желанной весны в темных недрах земли
Мы упорно работу ведем.
Пусть пугают враги и огнем и мечом,

Но горит наша вера в груди,
Знамя честной борьбы мы отважно несем,
Мы бесстрашно идем впереди{100}.

Это стихотворение первоначально напечатано в одной из сибирских газет за подписью «Ив. М.» И когда оно, включенное в сборник «Революционная поэзия в Сибири 1905—1917 годов», стало известно Ивану Петровичу, он очень обрадовался. Неожиданным сюрпризом для поэта явилась перепечатка в этом же сборнике и другого стихотворения «Из новых песен», раньше опубликованного в «Алтайском крестьянине».

Не обманывался поэт в своей оценке Февральской революции, изображая ее как первый этап борьбы за свободу народа, свергнувшего царя и продолжающего свою борьбу. И этот революционный призыв с прежней силой звучит в стихотворении «Из новых песен» И. Малютина.

Окрыленный победой Великого Октября, поэт снова берется за пропаганду книги и, прежде всего, произведений русской литературы, народного творчества.

Живя в Сибири, Иван Петрович совместно с Ив. Ерошиным и К. Урмановым выпустил сборник народных песен «Ах ты, сад ли, мой сад». Он был не только его составителем, но когда книжка вышла десятитысячным тиражом в типографии «Интернационал», как офеня понес ее в читательские массы.

Биография этого удивительного человека не написана; первый, кто назвал его писателем из народа, внес имя И. Малютина в сборник своих воспоминаний «Литературная Москва», был такой же энтузиаст — Ив. Белоусов.

> «Он, убеленный сединами, сохранил детскую чистую веру в литературу и в ее представителей, — писал Ив. Белоусов. — Он вел и до сих пор ведет большую переписку со многими писателями… Малютин верит в русский народ, — верит в силу его способностей, в силу его труда…»{101}

В 1922 году Малютин снова в Ярославле, библиотекарь на фабрике «Красный Перекоп». Он завязывает самые энергичные связи с виднейшими деятелями культуры и искусства — Щепкиной-Куперник, Качаловым, писателями и поэтами — Горьким, Дрожжиным, Телешовым, Гладковым, Серафимовичем, Фадеевым, Подъячевым, Шишковым, с революционером-шлиссельбуржцем Николаем Морозовым.

Последние годы жизни Ивана Петровича связаны с Уралом, с

его литературной общественностью. Здесь он вступил в члены Союза советских писателей. В Челябинске на 85-м году жизни у него вышла первая книга «Незабываемые встречи», переизданная в Москве. В ней рассказывается о встречах и переписке с известными деятелями культуры и литературы России. В Челябинске Иван Петрович часто встречался с читателями, особенно с юными, бывал в школах, пионерских лагерях, интернатах и общежитиях, выступал с волнующими рассказами о своей жизни, призывал любить литературу.

Я многие годы знал Ивана Петровича, изучал эпистолярное богатство, накопленное им, его личную библиотеку, составленную из уникальных изданий, представляющих библиографическую редкость, книг с автографами виднейших советских писателей, деятелей культуры и искусства. Он никогда не расставался с книгами, а самые любимые возил с собой, когда совершал частые поездки по городам России. Книги, как верные, молчаливые друзья его, поддерживали Ивана Петровича в трудные дни жизни, давали новые силы, прибавляли энергии.

Вместе с Иваном Петровичем мне пришлось много поработать над рукописью его первой книги воспоминаний «Незабываемые встречи», видеть, с какой усидчивостью и упорством переписывались им страницы этих воспоминаний, дававшиеся ему с большим трудом.

Малютин был отличным рассказчиком. Ясная и цепкая память его сохранила множество таких жизненных событий и эпизодов из встреч с интересными людьми, что они легли бы, на бумагу увлекательными этюдами и новеллами, будь они застенографированы в тот момент.

Иван Петрович послушался совета друзей и начал писать автобиографическую повесть «Странички жизни», но, к сожалению, не успел ее закончить. Вышедшая в двух изданиях книга его воспоминаний была очень доброжелательно встречена самым широким кругом читателей.

> «С интересом читал Ваши воспоминания о пережитом, — писал Н. Телешов в одном из писем, — как хороша и поучительна была Ваша жизнь, трудовая, заботливая, полная стремлений! И как отрадно знать, что все Ваши труды закончились такими успехами, за которые нельзя отдать ничего, кроме самого высокого уважения… Обнимаю Вас и поздравляю: не напрасно жили Вы на белом свете, не напрасно напрягали свои силы, терпели лишения и не напрасно верили в лучшее будущее!..»{102}

Восторженно встретил появление книги воспоминаний И. Малютина и Вс. Иванов.

«Дорогой Иван Петрович!

Я прочел книжку «Незабываемые встречи» с большим удовольствием. Передо мною выпукло встало прошлое, и я отчетливо вспомнил тех людей, о которых ты пишешь — я встречал и Подъячева, и Дрожжина, и Потанина, не говоря уже о Горьком. О каждом из них ты сумел сказать хорошие, добрые слова, сказать красиво и с нежностью. Большое тебе спасибо за эту книжку! Думаю, что она будет иметь успех и среди читателей, и среди писателей. А успех этот поможет тебе в дальнейших твоих работах.

Я тоже предался воспоминаниям — написал небольшую книжку, листов на шесть «История моих книг». Первая часть этой запутанной «Истории» напечатана в альманахе «Наш современник» № 3 за 1957 год. Я думаю, ты найдешь в Челябинске номер этого альманаха и, может быть, прочтешь его — я описываю там жизнь в Омске о 1918—1919 годах.

Семейство мое здорово и кланяется тебе»{103}.

Вся жизнь этого скромного труженика, метко названного В. Шишковым «энтузиастом русской литературы», с юных лет и до последнего дыхания была связана с книгой и являет собой прекрасный пример того, как надо любить искусство и литературу, оставаться верным раз избранной цели в жизни.

Выдающийся книговед{104}

Впервые с трудами Николая Васильевича Здобнова, как историка-библиографа, я познакомился, работая над романом «Петербургский изгнанник». Уже тогда его книги помогли мне разыскать редкие источники, неоценимые в работе беллетриста.

Так состоялось знакомство с выдающимся книговедом страны. С тех пор труды его стали моими добрыми и постоянными помощниками.

Николай Васильевич — коренной уралец. Для тех, кто хотя бы раз прибегал к помощи и огромным знаниям книговеда, вложенным в его фундаментальный труд «История русской библиографии» — дорога память об этом энергичнейшем деятеле книги, честном труженике, человеке большого ума и отзывчивого сердца. Монография его увидела свет и выдержала три издания уже после смерти автора.

«История русской библиографии» — итог двадцатилетней напряженной исследовательской работы Здобнова. Она была единодушно оценена как выдающийся вклад в советское книговедение и культуру, как первое и единственное исследование, подобного которому не было ни в советской, ни в мировой литературе.

Чтобы написать свою двухтомную монографию, Николай Васильевич перерыл уйму сырого материала, исчисляющегося сотнями тысяч страниц, изъездил родную страну вдоль и поперек, втянул в работу на местах огромную массу книголюбов-краеведов. Он, как полководец, поднял их в многолетний и трудный поход, чтобы в краях и областях собрать, обработать и напечатать материалы по истории библиографии Урала и Сибири, Дальнего Востока, Бурят-Монголии и других братских республик нашей отчизны.

Его вдохновляла и вела на поиски исключительная любовь к книге и литературе, а также горячее отношение В. И. Ленина к библиографии: он считал ее одной из важнейших ступеней к человеческим знаниям. Еще в 1934 году Здобнов написал статью об отношении Ленина к библиографии, опубликованную лишь частично в ту пору и полностью — в 1958 году{105}.

Эта небольшая журнальная статья является очень важной вехой в жизни и деятельности талантливого ученого-новатора. Она раскрывает истоки и становление его мировоззрения.

Николай Васильевич Здобнов родился и вырос в Шадринске. Отец его — мелкий служащий, человек незаурядных способностей и большой знаток местной старины — пробудил в сыне любовь к

изучению родного края, интерес к памятникам культуры, к книге — вечному спутнику и другу в жизни людей. 17-летним юношей Здобнов выступил с первыми публикациями по вопросам литературы и искусства в Екатеринбургской газете «Уральская жизнь», а затем начал систематически печататься в периодических изданиях Челябинска, Вятки, Уфы, Москвы и Петербурга.

После окончания шадринского городского четырехклассного училища он работал сначала писцом, а потом счетоводом в земской управе и много занимался самообразованием, готовясь к экзаменам на аттестат зрелости. Общественные взгляды и литературные вкусы его формировались под влиянием прочитанных произведений революционных демократов и русской классической художественной литературы. В сохранившихся заметках, относящихся к годам юности, Здобнов писал:

> «Лермонтова я начал читать с детства — ребенком лет 10 я уже по несколько раз перечитывал его мелкие стихотворения. Я, можно сказать, воспитывался на нем, на Лермонтове… Я уверен, что каждый, кто внимательно прочитывал эту замечательную повесть («Герой нашего времени». — **А. Ш.**) и, проникаясь янтарной гуманностью пробуждающихся чувств, прислушивался к ним, тот любил и эту повесть, и героиню, и «героя» Максима Максимовича, и автора. Тот научался понимать и любить литературу, как творчество жизни, как высший могучий дар природы человеку»{106}.

Лермонтову Здобнов посвятил несколько публикаций. На протяжении 15 лет он собирал библиографический материал о поэте, но многое из сделанного не довел до конца, сохранив лишь черновики работ{107}.

Здобнов в середине 1913 года основал в Шадринске газету «Исеть». Обстановка для организации нового печатного органа была не подходящей. В начале года в Кургане нашумело «литературное дело» редактора газеты «Юг Тобола» Ужгина и ее издателя Рогозина. Их судили за то, что они 29 августа 1912 года по поводу бородинских торжеств напечатали статью «Через 100 лет», в которой прокурор Тобольского окружного суда усмотрел «призыв к ниспровержению существующего строя и возбуждение вражды между отдельными классами населения». Обвинение было политическое и серьезное. Автором статьи являлся Рогозин{108}.

Не все благополучно было и с челябинской газетой «Голос

Приуралья». Ее редактор Весновский за публикацию недозволенных статей подвергся штрафу, позднее был арестован и посажен в тюрьму.

Тем не менее Здобнову удается основать новую газету «Исеть» и начать ее выпуск. Мысль о своей газете появилась у него много раньше, чем удалось ее создать. В одном из ранних писем, сохранившихся в собрании В. Бирюкова, с которым Николай Васильевич дружил и переписывался на протяжении 20 лет, есть письмо к неизвестному уфимскому адресату от 20 мая 1909 года. В нем Здобнов писал, что на этот раз в Челябинске и Златоусте он остановиться не смог и делился соображениями об организации газеты. Своему приятелю он доверительно сообщал, что губернатор не имеет основания отказать в просьбе, а «негласный надзор полиции тут не играет роли». В конце письма спрашивал, знает или нет полиция, что он был в Уфе.

Здобнов бывал в Челябинске и поддерживал связь с редакцией газеты «Голос Приуралья». Здесь он печатал заметки по вопросам краеведения, литературы и искусства.

Таким образом, к началу организации шадринской газеты он был уже опытным журналистом.

С первых же номеров «Исеть» стала публиковать статьи, произведения поэзии и прозы, явно оппозиционно направления по отношению к правительству.

> «Издание газеты и ее направление оказалось в руках человека крайне озлобленного и убежденного противника существующего государственного строя», — доносил пермский губернатор в Главное управление по делам печати{109}.

Газета «Исеть», фактическим редактором которой являлся Здобнов, хотя издателем-редактором считался шадринский купец, неоднократно подвергалась штрафу, дважды закрывалась и перестала выходить в конце 1915 года в связи с призывом Здобнова в армию.

Империалистическая и гражданская войны, события Великой Октябрьской социалистической революции оторвали Здобнова от журналистской деятельности и научной краеведческой работы. Лишь в 1919 году он снова занялся библиографией Урала и Сибири, продолжая труд другого видного сибирского библиографа В. Межова. Ему удается в Томске организовать библиографическое бюро, привлечь большую группу краеведов к коллективной работе по составлению сибирской библиографии, а среди них М. Азадовского — большого знатока истории литературы.

И вдали от Урала Здобнова не оставляет мысль о коллективной работе по составлению библиографии родного края. Ему удается составить «Указатель библиографических пособий по Уралу» для Шадринского научного хранилища и «Русскую журнальную библиографию Урала за 1901—1917 годы», оставшуюся в рукописи. Работать над «Указателем» было трудно, так как не хватало нужного материала. Основные бумаги Здобнова, оставшиеся в Шадринске, были утеряны в годы революции и гражданской войны. Лишь часть архива случайно удалось найти В. Бирюкову. Среди утраченных документов были письма М. Горького и В. Короленко, Миролюбова и Поссе, Заякина-Уральского и других писателей. Были потеряны и две большие рукописи о Лермонтове и Шевченко, написанные Николаем Васильевичем в период его работы в газете «Исеть». Этот частично найденный архив был переслан Здобнову после того, как он уже написал «Указатель библиографических пособий по Уралу».

Когда «Указатель» был напечатан, Н. Здобнов приступает к осуществлению своего давнего замысла — к составлению «Библиографии Урала». Его не страшит огромнейший труд. Николай Васильевич стремится к тому, чтобы библиографическую работу сделать достоянием не только отдельных энтузиастов-краеведов, а поставить ее на подлинно научную основу и придать ей широкий размах. С этой целью он вносит проект об учреждении при Пермском университете специального Уральского библиологического института и одновременно составляет «Краткий план организации работ по составлению уральской библиографии».

Проект его встретил поддержку у профессоров Пермского университета, но не был осуществлен. Тогда еще не созрела обстановка для создания высшего научно-учебного заведения, которое занималось бы изучением книговедения и готовило бы для этого квалифицированные кадры.

В 1922 году Н. Здобнов переезжает в Москву и с этого времени не прекращает бурной деятельности, стремясь объединить усилия всех краеведов, втянуть их в активную работу по созданию библиографии своих краев и областей.

Ученый придавал исключительно большое значение этому делу, неоднократно подчеркивал устно и в печати:

> «как много полезного можно было бы сделать в области краевой библиографии, какую огромную помощь могла она оказать социалистическому строительству, как много ошибок она могла исправить своевременно и

предупредить».

С этого времени у Здобнова завязываются близкие и тесные связи с В. Бирюковым. Он то запрашивает краеведа о материалах художника-шадринца Бронникова, о котором думает написать большую работу, определив его место в истории русской живописи; то сообщает Бирюкову, что его музейная работа в «Питере на хорошем счету», и просит для выставки художественной литературы за годы революции, организуемой Модзолевским и Кубасовым (известные советские литературоведы), прислать экспонаты и помочь учесть «продукцию литературного творчества всей России как крупных писателей, так и мелких, даже случайных».

> «Агитируйте, собирайте и присылайте, — пишет Здобнов. — Если есть у Вас хоть что-нибудь собранное из сибирских и уральских писателей и журналов, не откажите выслать в Пушкинский Дом»{110}.

Он полон замыслов и всяческих начинаний и, как всякий энтузиаст, стремится зажечь любовь к краевой библиографии у всех, кто проявляет к ней интерес. В. Бирюкову он высказывает мысль о создании музея книги при Шадринском научном хранилище и просит сделать отбор книг для этого музея. Сам Здобнов в поисках ценных книг знакомится с московскими старыми книгохранилищами, он буквально обеспокоен за каждую хорошую книгу, которая может быть утрачена.

В одном из писем он сообщает: «Перекопал уже до 5000 пудов хлама бывшего Сиротского института», и тут же с беспокойством запрашивает Бирюкова о судьбе старой библиотеки Далматовского монастыря, подчеркивая, что она представляет большой научно-библиографический и культурно-исторический интерес. Он хорошо знал, какие неоценимые и богатые фонды хранились в монастыре{111}.

Находясь в Москве, Здобнов дает Бирюкову советы, как лучше перевезти книги из Далматовского монастыря в научное хранилище музея, и сам отбирает и шлет тюки с книгами для пополнения фондов Шадринского хранилища.

История литературы и в целом культуры родного края не дает Здобнову покоя. Он проводит ряд конференций, создает общества по изучению Урала и Сибири. На одну из таких конференций, в январе 1924 года, в Москву выезжает В. Бирюков. Они встречаются как друзья и единомышленники, оба проникнутые безграничной любовью к родному краю, обсуждают планы предстоящей работы научного хранилища в Шадринске,

обмениваются мнениями о составлении библиографии Урала.

Н. В. Здобнов энергично берется за составление библиографии произведений Д. Мамина-Сибиряка, упорно работает над ней. Рукопись была издана в Свердловске.

Он вынашивает замысел сборника об уральской сатире от 80-х годов XIX века до Февральской революции и намеревается предложить его Свердловскому издательству. В одном из писем по этому поводу Здобнов говорит:

> «Это, мне кажется, было бы полезно и интересно для серии «Литературное наследство Урала». Есть яркие вещи и в литературном, и в историческом отношении. Такой же сборник затеваю по сибирской сатире, в которой подвизалось много политических ссыльных»{112}.

Н. Здобнов — бессменный участник Всероссийских библиографических съездов, конференций, различных совещаний, на которых он вновь и вновь поднимает вопросы о состоянии краеведения на Урале и в Сибири, об «Уральской библиографии». Ученый неутомим. Он значительно пополняет свой «Указатель библиографических пособий по Уралу» и доводит указатель с 1919 по 1927 год.

Он посылает свои работы автору замечательного труда «Среди книг» Н. А. Рубакину, которого высоко ценил В. И. Ленин и считал, что ни одна солидная библиотека не может обойтись без его сочинений. Н. Рубакин в это время жил в Лозанне. Ознакомившись с работами Н. Здобнова, большой знаток истории книжного дела в России отзывается о них с похвалой.

> «Глубокоуважаемый коллега, — пишет Н. Рубакин. — Премного благодарю Вас за присылку Ваших интересных и таких солидных работ, как «Указатель библиографических пособий по Уралу» и «Материалы для Сибирского словаря писателей». Просматривая их, просто-таки приходишь в восторг от Вашей любви к делу и Вашего трудолюбия. Вы перерыли целую уйму сырого материала и солидно разработали его в интересах краеведения. Честь Вам и слава!
>
> От всей души желаю Вам успеха в Ваших работах. Но особый интерес представляют для нас Ваши «Основы краевой библиографии», которые мы тоже получили и которые я в настоящее время изучаю»{113}.

Доброе слово известного книговеда и писателя вдохновляет

Николая Васильевича. Он трудится над составлением био-библиографического указателя «Уральские писатели и деятели», а также над «Библиографией Урала по русским повременным изданиям за 1901—1917 гг.».

Для нас, уральцев, библиографические труды Н. Здобнова имеют огромное значение. Каждая из этих работ — открытие в безбрежном море журнальных статей, публикаций в различных сборниках и изданных книгах. Труды его сразу же становятся достоянием исследователей самых различных областей знаний.

К примеру, небольшая по объему работа Н. Здобнова «Из истории рекомендательной библиографии 80-х годов», помогает раскрыть взаимосвязи, географию распространения и значение знаменитого «Челябинского указателя». Н. Здобнов глубоко исследовал историю создания этого «Указателя» и показал, какую огромную роль сыграл он в распространении литературы, популяризирующей экономическое учение Маркса в широких кругах революционно-настроенной молодежи не только на Урале, но и далеко за его пределами.

«Челябинскому указателю» ученый-книговед посвятил специальный раздел в своем фундаментальном труде «История русской библиографии до начала XX века». Сейчас без этих трудов Н. Здобнова немыслимо изучение истории революционного движения на Южном Урале и во всей стране.

В связи с 70-летием со дня рождения Н. В. Здобнова, которое отмечала общественность нашей страны в 1958 году, издательство Всесоюзной книжной палаты выпустило книгу о жизни и деятельности ученого. В книге обстоятельно дана характеристика Здобнова, как неутомимого труженика, достаточно полно обрисован его образ как выдающегося деятеля книги. Но за суховатым несколько академическим изложением материала как бы остались в тени, прошли незамеченными, черты, помогающие увидеть душевность Николая Васильевича в отношениях с людьми, отзывчивость сердца этого простого и в тоже время большого человека.

Огромный интерес представляет обширная переписка Здобнова, остающаяся пока неопубликованной. Особенно поучительны и значительны для понимания его личности письма к друзьям, они полны раздумий над жизнью, над прошлым.

Н. В. Здобнов заявил о своих политических ошибках молодости в газете «Известия» еще в 1924 году. Искренне сказав об этом, он сурово осудил свои связи и свои взгляды в прошлом.

«Распутье для меня давно прошло, — писал он в 1931 году своему двоюродному брату, шадринскому

врачу Н. Буткину, — но на новом пути я еще на полдороге, — не могу угнаться за жизнью. Социализм уже не мечта! Надо видеть основное, а его не видят из-за повседневных мелочей, не видят леса из-за деревьев, здорового дерева из-за лишайников. Социализм уже не мечта — он творимая реальность, и это самое главное… Я, как книжник, как библиограф мог бы много сделать (значительно больше, чем делаю), если бы не старый багаж в голове. Многое, конечно, не для себя, а для жизни, для социализма, для науки и культуры новой эпохи. Ты не представляешь себе, какую огромную роль может сыграть библиография, но и она должна как-то перетряхнуться для того, чтобы быть не консервативной, а динамизацией книжной массы в соответствии с новыми путями жизни. Неизбежно должна наступить своя революция в библиографии»{114}.

Некоторым заявление, сделанное Здобновым в печати, казалось неискренним. В нем видели приспособленца и продолжали упрекать за прошлое. Переносить это было и больно и тяжело. Боли своей Николай Васильевич не скрывал от друзей. В письмах к ним, он подчеркивал: то, что произошло с ним после публичного раскаяния в печати, — это «не эволюция, это революция во всем сознании и существе его».

В одном из неоконченных писем библиографу А. Г. Фомину Николай Васильевич в минуту душевного откровения писал:

«Эта революция в моем сознании стоила мне очень дорого, была мучительной, конечно, мучительной в моральном отношении. Ведь я отрекся решительно от всего моего прошлого, от всех своих прежних убеждений (кроме идей социализма и революции, которые я понимал-то раньше не так, как теперь). Я отрекся от всех своих прежних друзей. Я — вновь родившийся человек. Понятно ли Вам это? А это самое важное и основное. И вот этому-то не верят, а другие усердно подогревают это неверие в мою искренность и честность…

Но хочется верить (верою всегда я был богат), что рано или поздно правда осилит. Я убежден, что нигде, кроме нашей страны, нет больше возможности для торжества правды»{115}.

Ошибки молодости Здобнова использовали его противники с тем, чтобы подорвать авторитет книговеда и библиографа в глазах широкой общественности.

В. Бонч-Бруевич очень верно сказал в своем неопубликованном письме к вдове ученого:

> «Просто надо изумляться, что есть еще такие непримиримые фанатики, которые злились и злятся на Вашего мужа совсем не потому, что он плохо или хорошо сделал свою работу, а потому, что он ушел к коммунистам из партии эсеров»{116}.

Н. В. Здобнов оставался до конца дней своей жизни истинным патриотом нашей Родины. Когда началась Великая Отечественная война, Николай Васильевич, несмотря на преклонный возраст и слабое здоровье, добровольно записался в ряды народного ополчения.

> «Дорогой Владимир Павлович! — писал он в последнем письме Бирюкову. — Иду защищать свою Родину от фашистов. Вероятно, на днях Славик и Нина перешлют Вам часть моих неопубликованых рукописей и корректур. Не откажите сохранить их до лучшего времени. Здесь хранить рискованно, так как при бомбардировке Москвы могут погибнуть. Хотел послать Вам свой архив, но посылки не принимают. Архив и картотеки, может быть, удастся сдать в Ленинскую библиотеку, но и она может погибнуть, как погибла Брюссельская библиотека от фашистских бомб.
>
> Если буду убит, не откажите после окончания войны передать мои рукописи в Ленинскую библиотеку или в Публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина, одним словом, в ту из них, которая уцелеет…
>
> Собрать, что хотел, не успел. Славик пошлет самое важное на случай, если и Вы мобилизованы, Славик пошлет бандероли на имя Ларисы Николаевны»{117}.

Вскоре пришли посылкой рукописи «История русской библиографии», которые В. Бирюков возвратил вдове ученого Н. И. Здобновой после победы советских войск над фашистской Германией.

Н. В. Здобнов умер 15 мая 1942 года. После окончания Великой Отечественной войны В. П. Бирюков возвратил бумаги книговеда родным, и теперь они — достояние народа, хранятся в государственном архиве. Над неоконченными рукописями библиографических трудов Николая Васильевича работают историки, библиотечные работники, писатели. Новатор-ученый, говоря его же словами, помогает им раскрывать «сокровищницу

накопленных знаний», извлекать из забвения «труды ушедших в вечность поколений» и делать их всем известными и доступными. Те, кто непосредственно работал под руководством Н. В. Здобнова, любили его не только за широкую, фундаментальную постановку работы, но и за удивительно теплое, дружеское, товарищеское отношение. Сотрудники Государственной публичной исторической библиотеки Э. Витухновская, А. Соломенникова, и Э. Фрадкина, вспоминая годы совместной работы со Здобновым, пишут:

> «Всегда, в любое время, он был готов ответить на любой, затруднявший нас, вопрос. Отказа никогда не встречали. Как удивительно бережно он обращался с каждым, как заботливо выращивал молодых работников! В нем всегда чувствовалось желание отнюдь не беречь свои знания для себя, а как можно больше из накопленных им богатств передать другим — молодым, растущим»{118}.

И, действительно, Николай Васильевич считал своим долгом вырастить достойную себе смену. Он охотно делился накопленными знаниями, опытом работы со всеми, кто любил библиографию и книгу, был счастлив тем, что сумел заинтересовать людей делом своей жизни.

Труды Н. В. Здобнова — этого удивительного книгознатца — всегда будут открывать пути в страну знаний тысячам тысяч людей.

Певец двух краев{119}

В моей памяти навсегда сохранится украинская быль «Исчезнувшее село» Владимира Юрезанского. Книга появилась в серии исторических романов в 1939 году и после прочтения оставила незабываемое впечатление.

Я очень мало знал тогда о самом В. Юрезанском, не думал, что творческий путь его начался на Урале. Перечитывая бумаги А. Туркина, сохранившиеся в Челябинском государственном архиве, я обнаружил письмо В. Юрезанского с теплым и задушевным отзывом об Александре Гавриловиче. Я не задумался над этим фактом: мало ли при каких обстоятельствах встречаются люди.

Все выяснилось значительно позднее в разговоре с краеведом В. Бирюковым о литераторах прошлого.

— Часто печатал в «Голосе Приуралья» стихи В. Нос, а кто он, установить не удалось, — поделился я с Владимиром Павловичем.

— Да ведь это Юрезанский. Настоящая его фамилия Нос Владимир Тимофеевич, — и в подтверждение своих слов краевед, заглянув в картотеку, показал анкету, собственноручно заполненную Юрезанским еще в 1939 году при встрече Бирюкова с писателем в Свердловской публичной библиотеке имени Белинского.

Все стало на свое место. Оказалось В. Нос, Антон Горемыка, А. Шеломов, В. Юрезанский — одно и то же лицо, печатавшее стихи, фельетоны, рассказы, литературно-критические статьи в газетах «Приуралье», «Голос Приуралья», «Уральский край» и др.

Сразу вспомнилось письмо А. Туркина. В нем Александр Гаврилович просил сестру С. Туркину-Брунштейн, жившую в Петербурге, приютить молодого челябинца и писал о нем:

> «…Парень очень чудный, даровитый, скромный и умный — далеко выделяется среди массы молодежи, часто беспринципной и сухой»{120}.

Александр Гаврилович не ошибся. Владимир Тимофеевич Нос стал популярным прозаиком в советское время, больше известным под псевдонимом Юрезанский.

Так раскрылась неизвестная страница биографии писателя. Владимир Тимофеевич Нос — наш земляк. Родился он в крестьянской семье 5 февраля 1888 года в деревне Пичугино бывшего Златоустовского уезда и прожил здесь до 13 лет.

Бабушка начала обучать его грамоте, потом он стал посещать народную школу, а еще позднее — двухклассное училище села Тастуба, расположенного в 20 километрах от Пичугино.

Не сразу будущий писатель приобрел нужные ему знания, овладел грамотой. Их дала учеба в Красноуфимском реальном училище, закончить которое ему не удалось. Это реальное училище доставляло жандармам много хлопот: здесь постоянно действовали социал-демократические кружки. Здесь устраивались ученические забастовки, и осенью 1905 года из училища сразу было исключено 35 человек, а директор его переведен из Красноуфимска.

В конце ноября 1907 года, когда В. Нос был в последнем, седьмом классе, жандармерия произвела очередной обыск и обнаружила несколько номеров выпускаемого учащимися рукописного журнала «Луч». Редактор журнала В. Нос, имевший прямое отношение к деятельности ученического кружка, был исключен из училища и в административном порядке выслан в далекий Иркутск. Через некоторое время его перевели в Челябинск, где спустя год В. Носу удалось выдержать экзамен экстерном за весь курс средней школы при реальном училище.

В Челябинске начался литературный путь В. Носа. При поддержке писателя А. Туркина, тесно связанного с городской газетой «Голос Приуралья», на ее страницах появились короткие заметки и рецензии, а затем стихи и рассказы молодого автора. Поэт активно участвует в общественной жизни города, в литературных вечерах, проводимых Народным домом, выступает с чтением «Песни о Буревестнике» и «Песни о Соколе» М. Горького.

Стихи Юрезанского также печатаются в екатеринбургской газете «Уральский край» и в ее литературном приложении «Заря жизни». Затем произведения поэта появились в центральном журнале В. А. Поссе «Жизнь для всех», а позднее в дооктябрьской «Правде». Литературная работа полностью захватила Владимира Носа.

Поэзия Носа этих лет как бы пронизана солнечным светом, когда он воспевает родную уральскую природу. Но вместе с тем поэт глубоко задумывается над жизнью и назначением человека. Впечатления юности, связанные с первой русской революцией, и последующие события, пережитые в годы глухой реакции, помогают ему более зрело взглянуть на окружающую действительность. Для подобных настроений поэта очень характерно стихотворение «Моя душа»:

Моя душа полна каких-то странных снов.

Каких-то светлых мук несознанной печали,
Как будто нити дней незримо увенчали
Ее гирляндами рыдающих цветов.
И словно спал туман с неясных далей грез:
Я вижу вспышки зорь в темнеющей пустыне,
Я слышу зовы звезд к оставленной святыне, —
И грудь горит огнем от сладкой боли слез{121}.

В. Нос пристально вглядывается во все, пытается найти в окружающем причины тех или иных общественных явлений, как-то отозваться на них. Не проходит он мимо голода, разразившегося в деревне в 1911 году. Ему как репортеру приходилось давать об этом хроникальные заметки в «Голосе Приуралья». Поэт отзывается на народное бедствие и стихотворной строкой. Его потрясает «безмолвие жалких деревень», где «смерть косит взрослых и детей». С болью он говорит об этом:

О, сколько светлых и прекрасных,
Великих, может быть, умов
Погаснет жертвою ужасных,
Жестоких мертвенных оков!
Родной стране так нужны силы:
Ее поля еще пусты!
А там, вдали, растут могилы,
Встают безгласные кресты{122}.

Если вспомнить, что Бальмонт, Сологуб, Белый и другие, подобные им, ушли в эти годы в поэзию вымыслов и творимых ими несбыточных легенд, то Владимир Нос ясно видел подлинную жизнь и стремился высказать свое отношение к ней с позиции поэта-борца, не сложившего своего острого оружия. Он верил в светлое будущее, несмотря на жестокое подавление революции.

Как бы от имени своего поколения он произносит клятву:

Дней изжитых не жалею —
Серых дел не повторю.
Сердцем вольным пламенею,
Жду рассветную зарю.
Знаю, вспыхнет и осветит
Бесконечный небосклон.
И в душе моей отметит:

Все, что, было, — странный сон.
Новый, чистый, просветленный,
Над усталою землей,
Вечным словом озаренный,
Вспыхну яркою звездой{123}.

Поэтическая молодежь, желающая гореть «яркою звездой» находила себе приют под крышей «Голоса Приуралья» и особенно часто печаталась на его страницах, когда газету редактировал А. Туркин.

Чтобы понять, какой смысл вкладывал в образ звезды В. Нос, следует остановиться на его стихотворении, посвященном памяти Н. Добролюбова. Недаром стихотворение названо «Люди-звезды».

Жизнь как море. Годы — волны.
В темном взлете прошлых дней
Люди-звезды правдой полны.
Светят искрами огней.
Их немного — звезд огнистых.
Но средь горя, зла и тьмы,
В блеске дум кристально чистых
Почерпаем силы мы.
И идем к рассветным далям, —
Там покой для всех сердец!
Там мученьям и печалям
Виден благостный конец!{124}

Сейчас эти стихи звучат несколько наивно и старомодно, но нельзя забывать, что они писались задолго до Великого Октября, до «рассветных далей».

Поэту В. Носу и его поколению посчастливилось дожить до октябрьских дней и с оружием в руках отстаивать новую жизнь, новый мир.

Но прежде чем встретить эту радостную зарю в жизни народа и своей личной жизни, Владимиру Носу пришлось испытать немало. В августе 1915 года с четвертого курса политехнического института В. Нос был призван на войну.

Перед отправкой на фронт В. Нос встретился с А. М. Горьким, жившим тогда в Петербурге. Алексей Максимович расспросил молодого поэта о жизни, учебе, удачах и неудачах в творческой работе. В своей автобиографии Юрезанский сообщает:

«— Писать надо учиться у французов: Флобера,

Мопассана, — советовал Алексей Максимович, — таких мастеров надо читать в оригинале без посредства переводчиков. Вам откроется сила и музыка слова, вы почувствуете, как из слова можно сделать чудо. Станет ясно, что любой ваш рассказ француз написал бы вдвое короче. Учитесь у французов выразительности, краткости, глубине. А русский язык изучайте у Лескова. Богатейший источник! Читайте его медленно, со вкусом. Настоящая русская речь, ничем не испорченная, полновесная.

Потом посмотрел на мою гимнастерку, помолчал и перешел на войну:

— Это позор для нас и для всей европейской интеллигенции, что мы позволили правительствам затеять истребление миллионов людей.

Он возмущался лживостью и беспринципностью суетливых работников пера, тем, с какой нестерпимой, постыдной фальшью писали о войне журналисты и некоторые писатели. Только двух человек из военных корреспондентов выделил тогда Горький — Алексея Толстого и Валерия Брюсова.

— Очень жаль, что вам приходится идти в солдаты. Очень, — сказал он тихо»{125}.

М. Горький посоветовал В. Носу не прекращать литературных занятий, а вести систематически записи даже в трудных условиях фронтовой обстановки. Алексей Максимович задушевно и тепло распрощался с В. Носом.

Встреча с М. Горьким в это трудное время оказала влияние на всю творческую деятельность В. Юрезанского.

Дальнейшая жизнь писателя связана с революционным Петроградом, Юго-Западным фронтом, Украиной. Одна за другой появляются у него книги рассказов: «Зной», «Зарево над полями», «Река в горах», «Яблони». Связав себя о Украиной, писатель как бы в последний раз говорит о своей любви и привязанности к родному краю — Уралу. В журнале «Наши дни» в 1918 году появляется его стихотворение «Осень на Урале»{126}.

Это было одно из последних стихотворений В. Носа, как бы лебединая песня поэта. В. Нос всерьез отдается прозе, и в литературу прочно входит В. Юрезанский. Один за другим появляются его сборники рассказов. На Украине он пишет повести: «Клад», «Исчезнувшее село», роман «Алмазная свита» — о каменноугольном Донбассе, «Покорение реки» — о строительстве Днепростроя. Книга эта сразу же была переведена

на французский, чешский, польский, украинский, болгарский языки. Только в в Болгарии «Покорение реки» выдерживает пять изданий и становится одной из популярных книг о практике социалистического строительства в нашей стране, помогавшей болгарскому народу преобразовывать свою родину{127}.

В сборнике «Ржи цветут» он рисует картины, близкие ему с детства; особенно красочно он описывает места на реке Юрюзань. Отсюда и псевдоним писателя — Юрезанский. Рассказы — «Ржи цветут», «Троицын день», «Мосей Уварыч» и «Лиственный лог», — помещенные в этом сборнике, раскрывают читателю людей дореволюционного Урала, их характеры.

И все же самые лучшие краски словесной палитры художник нашел при описании пейзажа родных мест. Особенно зримо и ярко, мягкими левитановскими тонами нарисована у него река Юрюзань.

> «Серебряно-сер, тих, росист рассвет. Над Юрюзанью белый, плотный туман — стоит высокой, беззвучной мглою, растет густыми, неподвижными, воздушными заводями. Из-за тумана не видно ни леса, ни Ермак-горы: муть до самого неба.
>
> Становится светло. Вспугнутые криками, хохотом и возней глухие заводи мглы начинают ползти, сначала поверху, медленными зыбкими космами, потом приходят в движение все ниже и глубже, от самой поверхности реки. В разрывах туманных клочьев вырисовываются верхушки пихт и елей, — кажется, будто деревья за прикрытием белых пологов тайно спешат завершить непостижимую людям ночную свою жизнь и толпами переходят с места на место.
>
> Чем шире растет свет вверху, тем быстрее идет туман, качаясь бесконечно несущимися прядями, взмахивая длинными дикими рукавами: уже тревога, торопливость, сумятица в его движениях. Слышнее, звонче, хрустальней переплеск реки. Над головою розовеет. Просыпается птичий щебет. В тумане быстрыми пятнами проглядывает чистая, свежая, крепкая синь неба, — возвышенно озаренная, легкая, целомудренная. Где-то за лесами, за горами всходит солнце. Его еще не видно, но стрелы его хмурых ресниц золотыми поющими трубами летят в небе»{128}.

> «Я уверен, что Вам удастся много и хорошо сделать в литературе. У Вас большой материал, Вы чутки к слову — в большинстве случаев — и Вы не торопитесь

расшатать устои и традиции русской литературы: качество — редкое в наше время»{129}, —

так писал редактор издательства «Круг» Константин Федин, прочитав первый сборник рассказов В. Юрезанского «Ржи цветут», вышедший в Виннице в 1924 году тиражом в пятьсот экземпляров. Он удивлялся, что книга издана в провинции и с большим вкусом. Из пяти рассказов четыре («Ржи цветут», «Лиственный лог», «Мосей Уварыч» и «Троицын день») описывают людей Урала, передают красоту его природы, пронизаны глубоким чувством любви автора, его восхищением неповторимой и самобытной жизнью тружеников этого горного края.

По-разному складываются судьбы людей. Советского писателя Владимира Тимофеевича Юрезанского теперь называют «певцом Днепростроя», как мы называем по праву Д. Мамина-Сибиряка «певцом Урала». В. Юрезанский многие годы жил и работал на Украине, но душой и сердцем оставался уральцем.

Им написаны десятки книг — очерков, повестей и романов, в которых показываются и рисуются дела нашего народа в прошлом и настоящем. Он отличный историк и даровитый писатель, умеющий показать образ современника.

Владимир Нос много и вдумчиво читает, стремясь познать опыт больших художников слова не только русской, но и зарубежной литературы. Он знакомится с книгой Рабиндраната Тагора «Гитанджали». Жизнеутверждающие идеалы гуманизма и демократизма индийского писателя покоряют нашего земляка. Под непосредственным впечатлением от прочитанного он направляет письмо Р. Тагору, искренне делится с ним своими чувствами. В знак душевной любви и уважения к индийскому писателю посылает книжку рассказов «Ржи цветут».

> «Есть человеческие имена, которые на расстоянии тысяч верст кажутся нам родными и близкими, несмотря на то, что людей этих мы никогда не видели и не увидим — писал В. Юрезанский. — Таким человеком в свете моей души являетесь Вы с тех пор, как я прочел Вашу книгу «Гитанджали» (в русском переводе). Наедине с собой, в самые глубокие минуты просветленного чувства жизни, в мгновения одиночества и тревоги, я думаю о Вас, как о мудром отце, как о старшем брате, как о необыкновенном друге, который, незнаемо для себя стоит благостным светильником на коротком и трудном пути моей земной судьбы.
>
> И вот, как знак моей душевной любви к Вам, я прошу Вас принять эту маленькую книжку моих рассказов —

«Ржи цветут», труд, к сожалению, слишком слабый и несовершенный. Я был бы счастлив узнать, что она дошла до Вас»{130}.

Дружеские связи Индии и молодой советской России в те годы едва только намечались. Р. Тагор сердечно отозвался на письмо русского литератора:

«Уважаемый г. Юрезанский,

сердечно благодарю Вас за Ваше письмо и Вашу книгу. Они прибыли сегодня накануне моего отъезда в Китай, так что я не могу выразить Вам свои мысли относительно Вашего произведения.

Я искренне оцениваю дружеское участие, которое Вы выражаете в Вашем письме, Всегда приятно думать и знать, что кто-нибудь в этом мире бессознательно помогает ближнему посредством печати.

Я не сомневаюсь, что настоящее время является очень трудным периодом для Вашей страны и для Ваших соотечественников. Я искренне надеюсь, что Россия скоро найдет возможность осуществить те надежды, и идеалы, и будущее, к которым она теперь стремится.

Преданный Вам Рабиндранат Тагор»{131}.

На первую книгу «Ржи цветут» отзывается добрым словом М. Горький. Вскоре у В. Юрезанского выходит второй сборник рассказов «Зной». Прочитав его, Алексей Максимович сердечно поздравляет писателя, сообщает, что «Зной» написан

«почти совсем хорошо, хотя еще встречаются лишние словечки и заметно желание автора все разъяснить и объяснить»{132}.

Книги молодого писателя замечает критика и положительно оценивает его творчество.

«Юрезанский — несомненно писатель с будущим, — пишет В. Правдухин, — вторая книга его неизмеримо больше первой. Он еще не может быть назван большим писателем, да их и нет еще среди молодых беллетристов! А ему для этого недостает смелости в подъеме больших и острых по глубине тем, но он несомненно писатель. Писатель со своим внутренним ликом, крепким и хорошим словом»{133}.

Рассказы второго сборника «Зной», о котором говорит В. Правдухин, в основном посвящены людям Урала, описанию природы родного края, труду уральцев. Молодой литератор прислушивается к деловитому замечанию критика. Он едет в Донбасс и тщательно изучает жизнь шахтеров. В результате появляются книга очерков «Подземные люди» и роман «Алмазная свита» — о работе горловских шахтеров. Роман положительно оценивает критика. В адрес писателя приходят письма от опытнейших мастеров слова и среди них — от Сергеева-Ценского, сообщающего, что прочитал книгу «залпом», радуется тому, что автор «взялся за большую вещь», желает ему «энергии и свободы, чтобы закончить роман как следует».

В. Юрезанский начинает работу над историческим романом. Его потрясает факт из времен Екатерины II — о восстании казаков села Турбаи против своего помещика и расправе над ними царской власти. На этом материале писатель создает увлекательный исторический роман «Исчезнувшее село», многократно переиздававшийся в нашей стране.

В 1932 году В. Юрезанский в качестве специального корреспондента «Известий» совершает поездку на Урал и в Сибирь. Ему удается побывать на стройках Кузнецкого и Магнитогорского металлургических комбинатов. Сорок лет он не бывал в своих родных местах. Поездка производит на него огромное впечатление, дает богатейший материал. Он задумывает написать большое полотно об Урале. Ему хочется показать, как шагнул родной край от демидовских времен в годы первой пятилетки, стал индустриальной мощью Родины.

Но большая эта работа откладывается. В. Юрезанского увлекает народный подвиг строителей Днепрогэса. По заданию ЦК КП(б)У и правительства УССР ему и писателю Я. Башу поручается написать историю строительства Днепрогэса имени В. И. Ленина. Владимир Тимофеевич целиком отдается выполнению этого почетного поручения. На основе собранного материала писатель создает роман «Покорение реки».

На вышедший роман отзывается письмом А. Фадеев. Он называет новое произведение В. Юрезанского «нужной книгой» и подчеркивает:

> «Было бы неверно думать, что темы нашей гигантской стройки, происходившей до войны, уже исчерпаны. Наоборот — хорошие книги о героических делах первой и второй пятилеток будут вдохновлять народ в нашей послевоенной строительной работе… Мне очень нравится, что Вами взят большой масштаб, а Ваша

осведомленность в организационно-политической и технической стороне дела такова, что кажется, будто Вы сами были участником строительства днепровской плотины»{134}.

Над «Покорением реки» писатель трудился около пяти лет. Первоначальный вариант романа был опубликован в журнале «Красная новь» в 1941 году, отдельным изданием появился в 1946 году. Однако работа над этим романом не заслонила прежней творческой задумки — написать большое произведение об Урале. Владимир Тимофеевич долго и упорно изучает историческую литературу во Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина, оставляет многочисленные выписки. Он связывается с уральскими краеведами, учеными, общественными деятелями, но его глубокую и серьезную работу прерывает Великая Отечественная война.

Через неделю после ее начала писатель уходит добровольцем в ополчение и участвует в боях рядовым 22-го полка 8-й Краснопресненской дивизии. В. Юрезанский попадает в окружение. Двадцать три месяца находится в плену, испытывает муки лагерной жизни. После нескольких неудачных попыток удается бежать из плена. Об этих днях он пишет книгу «Дни горя», которая осталась в рукописи.

Владимир Тимофеевич неоднократно говорил, что работу о Днепрострое, его героических людях считал для себя большим счастьем. И это было так. Счастью этому он остается верен до конца. После войны писателя с новой энергией захватила героика восстановления Днепрогэса, разрушенного гитлеровцами. Он знакомится с мужественными строителями, возрождающими электростанцию на Днепре. Появляется книга «Человек побеждает», посвященная героям восстановления Днепрогэса.

Но что удивительно в творческой манере этого энергичного и пытливого художника? Создавая свои произведения на украинском материале, он непременно включает в свое повествование факты, взятые из уральской действительности. Урал и уральцы входят в его книги органично и неотделимы от тех событий, какие описываются автором. Так, в документальной повести «Человек побеждает» В. Юрезанский посвящает большую главу Ане Лошкаревой — девушке, приехавшей восстанавливать Днепрогэс по путевке Челябинского обкома комсомола, рассказывает о мужественном труде прораба, прибывшего на днепровские берега из Златоуста.

Повесть «Человек побеждает», вышедшая в Профиздате, была одной из последних больших работ писателя. Он мечтал на ее

материале создать роман-эпопею, охватывающий всю героическую историю Днепростроя, но не смог этого сделать.

В. Юрезанскому удалось много и хорошо поработать в литературе, оставить в наследие книги, помогающие любить нашу Родину, высоко ценить самоотверженный труд соотечественников, понимать, как прекрасна жизнь, окружающая нас, создаваемая усилиями всех советских людей.

Знакомство с земляком{135}

Александр Завалишин принадлежал к поколению литераторов, произведения которых печатались в 30-е годы и были известны массовому читателю.

Первая книжка автора «Не те времена» появилась в 1925, последняя — в 1934 году. Через пять лет оборвалась жизнь самого писателя. Двадцать лет его книги не переиздавались.

В сборнике «Рассказы», изданном «Советским писателем», собраны произведения разных лет, посвященные гражданской войне, послереволюционной деревне, а также жизни колхозов и политотделов МТС. Это — яркие картины, написанные человеком, непосредственно принимавшим участие в перестройке деревни, хорошо знающим крестьянскую жизнь. На рассказах лежит печать очерковости, документальности. Они просты и в то же время сложны, как сама жизнь.

Взять для примера первые пять рассказов, открывающие сборник: «Хата Буденного», «Бабий бунт», «Фронтовик», «Три дня», «Встреча с братьями». Они составляют единый цикл, показывающий жизнь Платовской станицы. В рассказах выведены разные судьбы ее жителей. Их действия, поступки так или иначе связаны с рождением отряда С. М. Буденного, с описанием его боевых действий.

Автор тонко рисует отца и мать, сестру и жену прославленного героя гражданской войны, и самого Семена Михайловича, показывая его то подростком-батраком у богатеев-казаков, то солдатом империалистической войны, то, наконец, бойцом и командиром легендарной конницы.

Герои его рассказов встают перед нами как живые, веришь, что так и происходили события, как они описаны, именно такими были эти люди в личной жизни и ожесточенной классовой борьбе с врагами народа, как даны в книге.

Чтобы лучше понять творчество этого самобытного художника слова, надо хотя бы вкратце остановиться на основных вехах его биографии, связанной с Уралом. Немногое сохранилось из личного архива писателя — десяток случайно уцелевших писем друзьям, две-три рукописи да публикации в газетах и журналах его произведений, книги, вышедшие отдельным изданием и теперь ставшие библиографической редкостью.

Александр Иванович Завалишин родился в 1891 году в станице Кулевчинской Варненского района. Вырос в бедной казачьей семье. Учился он мало, с двенадцати лет батрачил, затем выполнял разную конторскую работу. Скитаясь по городам

страны в поисках счастья, Завалишин попал в Москву. Здесь он устроился на работу и одновременно поступил вольнослушателем в народный университет имени Шанявского.

Это было в канун Великого Октября. Окончить университет ему не удалось. В 1918 году А. Завалишин — в Оренбурге, участвует в борьбе с бандами атамана Дутова, а после их разгрома возвращается на родину. Перед ним открывается широкое поле деятельности на общественном поприще. Земляки оказывают ему большое доверие и выдвигают его в Совет.

Достаточно заглянуть сейчас в Челябинский государственный и партийный архивы, перелистать документы тех лет — и перед нами встанет образ деятельного советского работника. В конце 1919 года А. Завалишин на заседании первого Троицкого уездного съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов избирается членом исполкома. Тут же он вступает в большевистскую партию{136}.

Проходит год, и жители одной из революционных станиц — Катенинской делегируют его на второй Челябинский губернский съезд Советов. Здесь А. Завалишин по рекомендации фракции коммунистов избирается членом губисполкома и одновременно делегатом на VIII Всероссийский съезд Советов{137}.

Большую работу члена губисполкома и члена коллегии губернского земотдела А. Завалишин совмещает с активной деятельностью в газете. Он сотрудничает в «Советской правде». Здесь печатаются его фельетоны, корреспонденции, театральные рецензии, статьи.

В 1922 году А. Завалишина отзывают в Москву на работу в газету «Беднота», где он девять лет выступает в качестве фельетониста и очеркиста. Не порывая с газетой, он становится писателем, и вслед за книгой «Не те времена» издает сборник «Скуки ради» и другие книги. Завалишин вступает в литературную группу «Октябрь», возникшую в 1922 году. Членами ее уже были челябинцы Г. Никифоров и Ю. Либединский.

Творческий путь А. Завалишина — трудный и тернистый. Критика не сразу признала его произведения. Первые книги его рассказов были встречены диаметрально противоположными оценками. Книга «Первый блин комом» сначала была оценена отрицательно{138}.

Завалишин тяжело воспринял выступление рецензента. Об этом мы узнаем из письма к писателю С. Подъячеву, с которым у Завалишина, работавшего в это время в газете «Беднота», установились самые дружеские отношения.

«Спасибо за открытку, — писал он С. Подъячеву. — Она пришла ко мне в тот момент, когда я сильно унывал по поводу пасквильной рецензии на мою книгу «Первый блин». Вопрос о подходе у нас к крестьянской литературе до сих пор хромает…»{139}

Другой же рецензент об этом же сборнике говорит, что рассказы просты, жизнь деревни в них описывается своим языком — экономным и выразительным.

Однако самые ранние рассказы, собранные А. Завалишиным в книгах «Не те времена» и «Скуки ради», были оценены положительно.

«Больше всего в них радует простой язык, — писал рецензент, — выхваченный из жизни, понятный и сочный. У автора есть искорка юмора, его тонкая здоровая насмешка сквозит в рассказах и делает их легко читаемыми и запоминаемыми»{140}.

В рецензии делается вывод:

«Очень бы хотелось видеть эти книжки, в особенности же первую, в руках наших читателей, в руках начинающих писать. Первым это доставит удовольствие и удовлетворение, которые испытывает человек не зря, а с пользой проведенного за чтением времени. Вторым — книжка, кроме того, даст возможность присмотреться к манере письма автора и его легкому, простому языку, построению небольшого, бытового рассказа, дающего жизненную картину, вызывающую и усмешку, и здоровую, бодрую мысль».

А. Завалишин пробует свои силы и в драматургии. Им написано до десятка пьес. Наиболее значительные из них — «Партбилет» и «Стройфронт», поставленные в 30-е годы на сцене Московского театра Революции были хорошо приняты зрителем.

Впервые драматургией А. Завалишин занялся еще в Нарыме. Им была написана пьеса «Бывшие», поставленная Томским театром, затем повторенная челябинской сцене. Накануне премьеры газета «Советская правда» объявляла:

«Группой Челябинского ГубОНО первый раз будет поставлена пьеса Завалишина «Бывшие» в 3-х действиях под наблюдением автора. Режиссер Васильев»{141}.

Организатором этой группы, ее душой в первое время были Л. Сейфуллина и В. Правдухин, принимавшие активное участие в постановке спектаклей на сцене Народного дома и железнодорожного клуба имени Ленина. Вместе с ними большую работу вел и А. Завалишин. Из того, что им написано для сцены на уральском материале, до сих пор представляет интерес пьеса «Стройфронт».

Свыше тридцати лет прошло с того дня, когда на сцене театра Революции впервые был показан этот спектакль, полный пафоса гигантской стройки Магнитогорского металлургического комбината. Впервые перед зрителями предстали люди стройки. Когда перечитываешь пьесу, как бы заново переживаешь героику будней гигантского строительства, горячие чувства его людей, стремившихся выполнить задание партии и веление народа в строго установленные сроки.

Из драматургических произведений 30-х годов пьеса «Стройфронт» была первым опытом в нашей драматургии и театральном искусстве отображения начального периода строительства Магнитки. Прежде чем писать пьесу, А. Завалишин в июле 1930 года выехал в Магнитогорск и три месяца наблюдал за ходом работ по сооружению плотины на реке Урал, изучал жизнь ее строителей.

В эти дни автор, захваченный большой и кипучей творческой деятельностью коллектива, днем и ночью бывал на стройплощадке, вел задушевные разговоры с рабочими и инженерами, принимал самое активное участие в газете «Магнитогорский рабочий», публикуя на ее страницах боевые фельетоны и очерки на самые разнообразные темы.

Не только соприкосновение, но и непосредственное участие в жизни гигантской стройки давало автору богатейший материал, раскрывало перед ним самые глубинные процессы, происходившие в жизни строителей 30-х годов.

Пьеса писалась по горячим следам событий. В мае 1931 года, поставленная театром, она успешно шла весь сезон, а затем появилась отдельной книгой в Государственном издательстве художественной литературы. Отдельные картины ее под названием «Магнит» перед этим публиковались в журнале «Земля советская».

В спектакле были заняты самые лучшие силы, такие видные мастера сцены, как Д. Н. Орлов, К. А. Зубов, А. В. Богданова и другие, с которыми Завалишин близко сошелся. Крепко подружившись с коллективом театра, Александр Иванович вел вместе с ним большую общественную и пропагандистскую работу, отстаивая новые пути развития театрального искусства. Об этом

рассказывает сейчас заслуженная артистка республики А. В. Богданова — исполнительница роли советского инженера Тиц в пьесе «Стройфронт».

— Это были очень напряженные годы, — вспоминает она, — полные не только исканий новых путей в развитии театра, но и острейшей борьбы за новый репертуар, за создание пьес на животрепещущие, современные темы. С большим волнением и ответственностью готовили мы этот спектакль, сознавая, что драматургу и театру предстоял серьезный экзамен…

У Анны Васильевны сохранилась афиша премьеры А. Завалишина «Стройфронт». Пьеса в ней названа несколько необычно — драматическим плакатом в трех действиях. В спектакле было занято около сорока актеров лишь основного состава театра.

— Зритель встретил спектакль хорошо, — говорит Богданова, — он с успехом шел весь сезон и получил доброжелательную прессу…

Да, спектакль был действительно необычен и нов! Он помогал зрителю понять грандиозные задачи первой пятилетки по созданию отечественной индустрии, он ярко и броско показывал ее творцов — рядовых рабочих, мастеров, инженеров, рисовал борьбу, разгоревшуюся на строительстве между нашими людьми и иностранными специалистами за сроки окончания гигантской плотины.

Конфликт пьесы, выхваченный драматургом из жизни, настолько был актуален, что вызывал немедленную и бурную реакцию зала.

Острота сюжета чувствуется с первой картины, когда передовой инженер стройки Стаканов, поддержанный райкомом партии, решает возвести плотину за три месяца против шести по расчетам, сделанным американской фирмой. Сроков, предлагаемых американцами, придерживается и управляющий Уралстроем Гольский.

Неожиданно распространяется ложный слух, что плотина создается на песке. Он идет от бывшего есаула Акулина. Эту версию живо поддерживает и распространяет представитель американской фирмы Мак-Буррей среди своих инженеров, работающих на стройке.

Браун, иностранный специалист, пытается склонить Стаканова на свою сторону и внушить ему мысль, что он, талантливый инженер, может развернуть свои способности, только выехав в Америку. Он доверительно сообщает, что с плотиной могут произойти неприятности.

«Б р а у н. Мак-Буррей уверял меня, будто геологические исследования дна Урала произведены очень ненадежно.

С т а к а н о в. Как? Он мне этого не говорил… Я его сейчас спрошу.

Б р а у н. Ни в коем случае. Я завтра же буду выслан в Америку. Мистер Мак-Буррей — акционер нашей фирмы, а я наемный инженер.

С т а к а н о в. Как же быть?

Б р а у н. Я вам сообщил по-дружески, секретно.

С т а к а н о в. Но я обязан сообщить об этом властям…

Б р а у н. Тогда вы погубите меня.

С т а к а н о в. А если произойдет катастрофа?

Проходит старый казак.

С т а р ы й к а з а к. Строите?

С т а к а н о в. Да, станичник, строим…

С т а р ы й к а з а к. На песочке строите…

С т а к а н о в. Как на песочке?

С т а р ы й к а з а к. Водички не будет. Речка-то хитрущая… Казачья…

С т а к а н о в. Что это значит?

С т а р ы й к а з а к. Я ведь здешний старожил, казак магнитский… Сам видывал, как речка-то здесь ныряла в землю…»

Стаканов поступает так, как повелевает ему долг советского инженера: ставит в известность райком партии и срочно начинает заниматься проверкой геологических данных о дне Урала. Гольский пытается встать на его пути, помешать, считая, что это не дело Стаканова. И вот происходит бурное заседание бюро райкома партии, решающее принять срочные меры для дополнительной проверки дна реки.

Как ни изощрялись враги стройки, победил коллектив плотины. Американские инженеры вместе с казачьим есаулом Акулиным — заклятым врагом Советской власти, пробравшимся на стройку, и оппортунистом Гольским были разоблачены рабочими во главе с начальником строительства плотины Стакановым и его помощниками Маркиным и Тиц, ударниками стройки Савчуком, Пластининым, Васюковым, Михалевым и другими.

— Не американскими, а большевистскими темпами

победили мы, — говорит в финале пьесы секретарь райкома партии Рязанцев. — Мировая плотина построена в два месяца! Злостная легенда, что плотина создавалась на песке, уничтожена вместе с ее распространителями… Отныне весь рабочий коллектив плотины переименовывается в Первый Ленинский коллектив ударников Уралстроя!..

Разговор наш о пьесе и спектакле невольно переходит на драматурга. Вспоминая А. Завалишина, Анна Васильевна говорит:

— Это был очень живой, энергичный и остроумный человек, умевший усидчиво работать, хорошо дружить и беззаботно отдыхать, не взирая на житейские тяготы и горечи. Это был прямой, немного резковатый человек, но честный и правдивый в своих отношениях с товарищами. Таким он запомнился мне. Сохранились его письма к мужу. Чтобы лучше понять Александра Ивановича, ознакомьтесь с ними…

И вот в моих руках небольшая пачка писем А. Завалишина к народному артисту РСФСР Д. Н. Орлову. Уже пожелтевшие листы бумаги истертые на изгибах, исписанные каллиграфически четким, мелким и ровным почерком, раскрывают передо мной удивительно трогательную, многолетнюю дружбу этих людей, которых сблизили общие творческие интересы, поиски новых путей в драматургии и сценическом искусстве.

Письма полны дружеских советов и откровений о творческих замыслах, о работе Александра Ивановича над пьесами, очерками и рассказами. Он то делится впечатлениями о просмотренных спектаклях, то рассказывает о прочитанных рукописях начинающих авторов или встречах и консультациях с ними, которые вел при театральных студиях, редакциях журналов и издательствах.

Каждая хорошая рукопись вызывала у Александра Ивановича большую неподдельную радость.

«..Теперь еще новость. Вчера я нашел очень интересную комедию молодого казанского автора — студента на вузовско-молодежную тему. Недостатков мало, легко исправимы, а пьеса замечательная. Нашел ее в Госиздате, в рукописи. На днях ее перепечатают и дадут экземпляр мне. Я тебе могу послать для ознакомления. Пьеса лучше киршоновского «Чудесного сплава». Остроумная, веселая и правдивая насчет молодежи учащейся. Может быть, ее и надо выбрать для постановки…»{142}

Интересны размышления о сущности творческого процесса и назначении художника, о тесной связи его с жизнью.

> «Сейчас подходит время действительно талантливых людей, — сообщает А. Завалишин в одном из писем, — ибо жизнь и усложнилась и облегчилась, стала интереснее и разнообразнее во всех смыслах. А тут нужны мастера, пристально умеющие смотреть в жизнь»{143}.

Или:

> «Баловаться с творчеством нельзя. Оно может наказать за небрежность и неуважение к нему».

Любопытны оценки только что прочитанных книг и просмотренных им постановок:

> «Прочитал сейчас комедию Гольдони «Забавный случай». Как легко все сделано у него, — восхищается А. Завалишин. — Конечно, пустяковое содержание, но мастерство драматурга исключительно. Предусмотрено все. Буквально. Нигде нет крысиных хвостов, как у нас грешных. Все образуется вполне естественно к концу. Редкой красоты работа. Ажурная строчка»{144}.
>
> «Вчера был выходной, — сообщает он в другом письме, — ходили в Большой театр на оперу «Тихий Дон». Ну, конечно, того сильного впечатления, какое производит эта вещь на других, у меня не было, хотя в конце прослезился, так как очень хорошо выходит сбор на гражданскую войну, а до этого уход с фронта казаков и солдат тоже замечательно. Музыка вообще не ахти какая, а в двух местах припахивает то Чайковским (из «Онегина»), то Мусоргским из «Хованщины». Это очень замечательные куски, но неприятно, что они не молодого автора, а старых гениев. Казачий быт показан сбоку, на свадьбе и у мельницы. Декорация замечательная, а драматическая ткань весьма и весьма вялая»{145}.

Дружба Д. Н. Орлова и А. Завалишина была удивительно одухотворенной и плодотворной. В самом начале какой-либо новой работы каждый из них проявлял исключительную заботу и интерес к товарищу, советовал и всячески помогал ему.

Эта взаимная поддержка окрыляла в работе. Вот одно очень

характерное место из большого письма А. Завалишина от 24 сентября 1935 года:

> «…Любую вещь, выбранную тобой для исполнения, зритель или слушатель уже авансом любит и считает значительным, раз она передается «через тебя», через твою лабораторию, когда сама вещь как бы гениальна ни была, — она поднимается еще выше твоим исполнением. Это редкое явление, как бывает очень редко, когда перевод с иностранного бывает выше оригинала»{146}.

И несколько ниже опять о себе, своем творческом настроении, о самом сокровенном, что можно поведать только искреннему другу.

> «Положение мое изменилось сильно к лучшему, так как деньги есть, все здоровы и я сел работать. Самочувствие, как при «выздоровлении», хочется гулять, узнавать, работать с песней. Мои критики на читке возбудили меня такой задачей: «пьеса и сейчас хороша, но мы требуем, чтоб она была классической, так как сюжет изумительный, а мастерства у Завалишина хватит». Но самое главное, снова подтвердили слушатели правильность Вашей, с Анной Васильевной, точки зрения на третий акт. То есть, чтоб зритель не знал — сданы или не сданы. Это прямо меня поразило. Я ночь продумал и утром нашел выход… Сейчас сижу над обработкой «домашней работницы»: пишу копию со своей Семеновны, так как колоритнее ее я затрудняюсь найти типа по всей Москве…»{147}

Иногда вкрадывались сомнения, так ли написано, не ошибся ли. Писателя охватывали глубокие раздумья. С кем поделиться ими, как не с товарищами по оружию, своим единомышленником?

> «Сегодня разыскал за 1929 год свое интервью в журнале «Новый зритель» — и еще раз убедился, что я прав в «Партбилете», установка у меня правильная, с предвидением. А это льстит моему самолюбию…»{148}

Пьеса «Партбилет» написана А. Завалишиным много раньше, чем «Стройфронт». Она поставлена была тем же театром Революции в 1929 году. Это пьеса о старом партийце, у которого выветрился весь революционный пафос и который работает на

холостом ходу. Драматург разоблачает в ней ответственного работника, оторвавшегося от масс, не поспевающего за быстрым движением нашей жизни вперед и в конце концов оказавшегося в хвосте событий.

Пьеса «Партбилет» была поставлена театрами многих городов страны и имела шумный успех, хотя первоначально принималась для постановки с большой опаской и, как видно из писем А. Завалишина, неоднократно им переделывалась, прежде чем появилась на сцене.

Сохранившиеся письма А. Завалишина к Д. Н. Орлову помогают глубже вникнуть в творческую лабораторию людей, увидеть их рост и дружбу, их душевное богатство.

К 50-летию Советской власти пьеса «Стройфронт» была поставлена Магнитогорским драматическим театром, И спустя 37 лет романтика и пафос гигантской стройки оказались созвучными нашим дням. Драматург языком своих героев заговорил как живой со своими земляками.

Правда, при всех несомненных достоинствах, пьеса А. Завалишина страдала многословием, действия были затянуты. Постановщики сократили отдельные сцены, «озвучили» стихами Б. Ручьева начало и конец пьесы «Стройфронт» и тем самым приблизили события к современному зрителю. И народный подвиг у горы Магнитной как бы слился воедино с сегодняшним трудовым героизмом магнитогорцев.

Возобновление спектакля «Стройфронт» вызвало большой интерес к автору пьесы. В печати появились статьи, рассказывающие о жизни писателя, большой разговор завязался на страницах театральной прессы о пьесе. К этому времени вдовой писателя А. М. Сосуновой-Завалишиной были обнаружены неизвестные письма к В. Э. Мейерхольду и литератору Н. А. Афиногенову, расширяющие наше представление о первых шагах А. Завалишина-драматурга.

Поскольку в этих письмах раскрываются неизвестные факты, приводим их с небольшими сокращениями.

«В. Э. Мейерхольду. Челябинск. 16.4.21 г.

Уважаемый тов. Мейерхольд!

В декабре месяце, кажется, 26 числа 1920 года, я, будучи в Москве в качестве делегата 8-го Всероссийского съезда Советов, передал Вам лично в Теанаркомпросе пьесу «Бывшие», подписанную псевдонимом «Александр Изгой Казачий». Вы мне обещали дать ответ по прочтении пьесы лично в самое ближайшее время. Но, видимо, по причине занятости и т. п. до сих пор не

ответили. Меня глубоко, понятно, интересует судьба пьесы, и я обращаюсь к Вам с просьбой дать ответ подателю сего письма. Если прочитали, то годна ли она, если нет, то намерены ли прочесть или передать кому-либо для этого? Во всяком случае, ответьте, где она находится в данный момент.

Пьеса ставилась в Томске с рукописи и имела успех, но я не знаю ее ценности как произведения. Поэтому и хотелось знать Ваше мнение. Убедительно прошу исполнить мою просьбу — ответить, что Вами сделано и где сейчас пьеса?

Член Челябинского губернского исполнительного комитета

Александр Иванович Завалишин»{149}.

«Н. А. Афиногенову (Степному). 21/I—1922 г.

Уважаемый Николай Александрович!

Только после того, как поступил я в челябинскую редакцию газеты «Советская правда», я смог нащупать Ваш адрес по самарским газетам… Я был в Нарымском крае (скрызался при колчаковском нашествии), написал дельные очерки из тамошней жизни, написал пьесу в Нарыме же — «Бывшие», в 3-х действиях. Ставил ее в 1920 году летом в Томске, выправил на досуге и теперь ставлю в Челябе. В июле 1921 года был, наконец, у Максима Горького в Москве и разложил перед ним литературные карты свои. Одобрил, попросил посылать все, что есть и будет. Послал ему часть очерков «Нарым» и ранее написанную пьесу «Крючки» из полицейской жизни в 5 действиях. Но как и Вам известно, Горький сейчас за границей, и мой брат, живущий в Москве, никак не может пристроить эти произведения к месту.

Хорошо, что в Сибири начинает издаваться «толстый литературно-художественный журнал» (в Новониколаевске). Я, пожалуй, сибирские очерки пошлю туда, хотя привлекает больше «Красная новь», редактируемая Горьким. Материалов необработанных у меня уйма, но нет возможности засесть, чтобы все переварить и выложить…

Как Вы относитесь к журналу «Красная новь?» Мне хочется Ваш какой-нибудь рассказ видеть вместе со своим и, наоборот, мой с Вашим. Ведь было у нас много светлого, общего в мрачные времена.

Александр Завалишин.

Мой адрес: Челябинск, редакция «Советская правда»{150}.

Итак, мы теперь узнали некоторые очень важные штрихи из биографии А. Завалишина. К ним хочется добавить еще ряд интересных фактов, почерпнутых из автобиографии, опубликованной в «Антологии крестьянской литературы послеоктябрьской эпохи», изданной Всероссийским обществом крестьянских писателей в 1931 году. В этом же издании напечатаны отрывки из пьесы «Частное дело», которая послужила источником для создания либретто крестьянской оперы «Зреет колос», музыку к которой написал композитор Шишов.

А. Завалишин был автором многих одноактных пьес, печатавшихся в «Бедноте», а затем изданных для самодеятельных деревенских театров. Наконец, по материалам документальной повести «Хата Буденного», он написал еще и пьесу из жизни Маршала Советского Союза С. М. Буденного.

Большой интерес представляют литературно-критические статьи писателя. Скажем здесь о самых ранних из них, появившихся впервые в челябинской газете «Советская правда» в 1921 году. Это статьи А. Завалишина о Н. Добролюбове и Н. Некрасове. В оценке их творчества четко видны эстетические взгляды и мировоззрение самого автора.

> «Теперь только, вот теперь наступает то время, которое напрасно Добролюбов искал 60 лет тому назад, — писал А. Завалишин в своей статье. — … Добролюбов наш по духу, он великий материалист. И неизменный друг нового, молодого поколения»{151}.

Не менее определенно высказывается А. Завалишин о Некрасове и его наследии.

> «…С какой теперь любовью мы, «освобожденные», «исполненные сил», должны отнестись к памяти великого поэта-гражданина, болевшего одной болезнью с рабом-мужиком»{152}.

Эстетические требования и вкусы писателя-уральца проявляются и в сценке современных ему литераторов. Ему по душе рассказы Ивана Касаткина. Писатель близок А. Завалишину не только как знаток крестьянской жизни, но и как тонкий художник слова. Он любит произведения Артема Веселого,

дружит с ним, но по-товарищески критикует его за то, что писатель

> «сплошь выворачивает словечки для словечек и получается не стиль, а дерюга»{153}.

Являясь страстным поклонником А. Чехова и Глеба Успенского, Завалишин говорит:

> «Учу их самым откровенным образом, мучаю себя на практических работах по этой части и, положа руку на сердце скажу: не считаю ни одного своего рассказа настоящим. Честное слово! Все думаю, мол, еще лучше напишу, а это, дескать, ученические работы. И в самом деле, чем больше изучаю, тем больше восхищаюсь мастерством и тем становлюсь меньше перед этими гигантами»{154}.

А. Завалишин зачитывается рассказами С. П. Подъячева. Он упивается красочностью его языка и стиля, легким и душевным юморком, придающим народность всему его творчеству.

Сохранившиеся письма А. Завалишина к С. П. Подъячеву полны дружеской заботы об этом престарелом и больном писателе. Постоянное внимание оказывала писателю газета «Беднота» через Завалишина. Он принимал активное участие в приеме этого самородка-литератора в члены Общества крестьянских писателей, а затем ходатайствовал перед Совнаркомом о присвоении С. П. Подъячеву звания заслуженного деятеля литературы. Все это характеризует чуткую душу и отзывчивое сердце нашего земляка.

Александр Иванович обменивается с Семеном Павловичем Подъячевым впечатлениями, какие остались у радиослушателей, после чтения рассказа «Случай с портянками» заслуженным артистом республики Д. Н. Орловым.

> «Я душевно радовался, когда высокое художественное произведение, глубокое по существу и мастерское по форме, дошло до самых отсталых слушателей»{155}, — сообщает он С. Подъячеву.

Часто задумываясь над уменьем так просто и так талантливо писать, как С. Подъячев, А. Завалишин очень правильно характеризует недостатки многих молодых литераторов своего поколения.

«Писателей у нас очень много, — пишет он, — каждый называет себя, не краснея, писателем, но толку, оказывается, не так-то много от одного названия. Незнание жизни, отсутствие мастерства, искренности, тонкой наблюдательности — все это мешает начинающим схватывать то, что именно нужно»{156}.

Как это верно звучит и теперь для тех, кто глубокое изучение жизни, установление с нею самых тесных связей подменяет сочинительством.

Живя в Москве, А. Завалишин не забывает об Урале. В 1932 году он едет в Свердловск. В поле зрения писателя вторая крупнейшая стройка нашей страны — Уралмашстрой. Как и во время поездки в Магнитогорск, А. Завалишин прежде всего завязывает тесные связи с печатью и выступает на страницах местных газет с острыми фельетонами и оперативными очерками.

Здесь он встречается с партийными работниками, которым удалось посмотреть на московской сцене его пьесу «Стройфронт», и находит среди них горячую поддержку в работе по сбору материалов.

«Работа моя сейчас идет великолепно, — сообщает он в одном из писем. — За месяц выполнил 60 процентов своего трехмесячного заданья. Типов много, ситуаций тоже… Настроение прекрасное»{157}.

День писателя загружен до предела.

«Читаю Герцена «Былое и думы». До 3—4 утра. Встаю в 9—10, иду в цеха, в райком, в редакцию и т. д. Вечерами у меня прием типов. Исповеди, разговор, чай. Относятся ко мне хорошо, помогают все, от кого что-либо зависит»{158}.

В такой напряженно-творческой обстановке проходит его время на Уралмашстрое.

В сборнике рассказов нашего писателя-земляка есть очерк «У Горького». Автор рассказывает, как он встретился в Москве с Алексеем Максимовичем. Встреча была волнующей, беседа с великим писателем поучительной и незабываемой.

Впервые А. Завалишин рассказал об этом в заметке «У Максима Горького», опубликованной в «Советской правде»{159}.

Особенно ярки и свежи в книге «Рассказов» отрывки из дневника политотдельца, объединенные в сборнике под общим названием «Свежая борозда». Они написаны в дни, когда по

решению Советского правительства и партии при МТС создавались политотделы, и в них были направлены лучшие коммунисты. Не усидел в редакции «Бедноты» и А. Завалишин. Знаток крестьянской жизни, он решил принять непосредственное участие в укреплении колхозов и МТС и уехал в деревню.

Из дневниковых записей прежде всего предстает знающий свое дело политический работник. Автор без прикрас рисует труднейшую обстановку в деревне тех лет. Она требовала постоянного такта и большевистского чутья у политического работника. А самое главное, в очерке «Свежая борозда» во всей обаятельности предстает облик нашего земляка — интересного писателя и человека.

Книга «Рассказов» не дает полного представления о творческом облике писателя. Многое из того, что создано им, остается неизвестным сегодняшнему читателю. Произведения А. Завалишина, напечатанные в журналах тех лет, почти забыты. Верится, что все художественно ценное будет собрано воедино и тогда новому поколению советских людей А. Завалишин предстанет как яркий самобытный художник-уралец, оставивший в нашей литературе свою тропу.

Добрый друг уральцев

Стояла осень. На Смолино в золоте берез спряталась одинокая дача. Тут несколько месяцев в 1954 году жил и работал А. А. Фадеев.

Дачники давно уже выехали, а писатель, среди тишины березовой рощи, камышовых запахов с озера и аромата опадающей листвы, продолжал трудиться над романом «Черная металлургия». Изредка он выезжал в Челябинск, чтобы побывать на металлургическом заводе, в общежитиях ремесленников или молодых рабочих, окунуться в людскую гущу, поговорить со своими героями и опять сесть за письменный стол.

После таких поездок в одинокой даче почти до утра не гас свет: писатель, склонившись над рукописью, заново переписывал главы, которые раньше казались уже окончательно сделанными.

Несколько раз я бывал в эти дни на даче, видел листы, написанные ровным, аккуратным и убористым почерком Александра Александровича, густо испещренные его поправками. Я подметил одну особенность: писатель не любил, когда его заставали врасплох и по «творческому беспорядку» на столе могли судить о ночном труде. Приглашая зайти в «рабочий кабинет», Александр Александрович всегда быстрым движением руки собирал исчерканную рукопись, прятал ее в ящик стола, совал в папку или просто перевертывал чистой стороной вверх.

Душевно щедрый человек, всегда делившийся с молодыми литераторами своим большим опытом, он как бы стеснялся показывать свои черновики.

Иногда Фадееву мешала работать болезнь. В такие дни на столе не было исписанных листов, не лежала оставшаяся открытой авторучка. Но Александр Александрович не жаловался, а уверял, что это совсем пустяки и недомогание его скоро пройдет.

Когда писатель уставал работать, его можно было встретить прогуливающимся по окраинным улицам города.

Александр Александрович очень любил такие «выходы в жизнь». Он располагал к себе людей тепло сказанным словом и приветливой улыбкой, добрым взглядом светлых, лучистых глаз. И незнакомые люди неожиданно открывали ему богатство своей души, рассказывали о сокровенных думах, запросто говорили о своих нуждах.

Возвращаясь с таких прогулок усталым, проголодавшимся, Фадеев, прищурясь, с огромным удовлетворением говорил:

— Какие замечательные люди живут.. — и называл улицу,

известную разве только тем, кто живет на ней, да почтальону или милиционеру, обслуживающим этот участок.

Живя на даче Смолино, Александр Александрович частенько выезжал на охоту или рыбную ловлю, обычно по выходным дням. Когда Фадеев рассказывал потом о такой поездке, глаза его всегда по-особенному блестели и были полны нескрываемого удивления перед тем, что он пережил и перечувствовал.

…Однажды мы разговорились с Александром Александровичем о Дальнем Востоке. Мне пришлось бывать на Сучане и немного работать на шахте. Фадеев сразу просветлел. Места эти были исхожены им в молодые годы. На Дальнем Востоке он вырос, прошел школу партизанской борьбы, подсмотрел героев своих книг. Будучи уже москвичом, он лелеял мечту переехать на Дальний Восток и в столице бывать лишь наездами.

Разговор наш невольно свелся к роману «Последний из Удэге». Отвечая на мой вопрос, когда же будет закончено произведение, Фадеев сказал:

— Этот роман — дело всей моей жизни, я отдал ему много сил и здоровья. — Он передохнул, подумал и добавил: — Я вернусь к нему обязательно, как только закончу «Черную металлургию». Эта книга сейчас очень нужна…

Другого ответа и не могло быть. Фадеева, как писателя, всегда выделяла глубокая партийность и отзывчивость. Он умел, как никто другой, выбирать то, что нужнее всего нашему народу, и писать об этом в первую очередь.

Александр Александрович прищурился и неожиданно предложил:

— А не поехать ли нам вместе будущим летом на Дальний Восток?

Он знал уже о моих новых замыслах и успел расспросить о работе над романом «Гарнизон в тайге».

— Вот побродили бы по знакомым местам, может, и я оказался бы полезен. Меня тянут герои книги «Последний из Удэге» в Комсомольск…

С особой любовью говоря о Дальнем Востоке, Фадеев тут же возвращался к своей работе:

— Прикипел я к Уралу: край-то тоже чудесный. Здесь нашлись мои земляки…

Фадеев тогда не назвал их, и только позднее я выяснил имена его земляков и друзей. Наиболее интересен среди них бывший партизан-дальневосточник, недавно умерший Григорий Хрисанфович Цапурин, проживавший в Миассе. Это один из друзей детства и юношества писателя, с которым он вместе

воевал в партизанском отряде на Сучане. Семья Цапуриных, братья Григорий и Андрей, являются прототипами героев романа «Последний из Удэге».

Обо всем этом охотно рассказывал Григорий Хрисанфович, но красноречивее всего свидетельствуют письма самого Фадеева к другу юности.

> «…Наша революционная юность проходила вместе, — писал Цапурину Фадеев, — и я до сих пор благодарен вам, Цапуриным, и тому же Федору с его друзьями наборщиками за первую школу борьбы, пройденную вместе с рабочей молодежью. Так и не могу узнать, где находится Настя, которую ты, наверно, прекрасно помнишь. В рождественские дни 1918 года мы вместе с ней морозили пельмени для наших заключенных и потом вместе отвозили их в колчаковскую тюрьму»{160}.

В другом письме, уточняя ранее высказанную мысль, Фадеев сообщал:

> «…Я уже тебе говорил, что ваша семья Цапуриных была жизненным прообразом семьи Алексея Чуркина, выведенной мною в романе «Последний из Удэге». Если память мне не изменяет, мальчик Костя, самый младший брат Алексея Чуркина, которого по роману исключают из школы за то, что он отказался учить закон божий, — этот мальчик, вернее его брат, навеян мне рассказом твоим и Андрея еще при Колчаке о вашем маленьком братишке, который имел аналогичные неприятности в то время»{161}.

Особенность творческой манеры Фадеева, как при работе над ранними произведениями, так и последним — «Черная металлургия», заключалась в том, что он строил свои романы на материале хорошо изученном, знакомом, взятом из реальной жизни. О своей манере письма Александр Александрович часто говорил, что он опирается на действительность и свой собственный опыт.

И в самом деле, писатель всегда глубоко вникал в жизнь, тщательно изучал ее. Прежде чем сесть за «Черную металлургию», он проделал огромнейшую подготовительную работу не только собирательскую, но и исследовательскую: изучал специальную литературу и шутя говорил, что может успешно сдать экзамен по курсу металлургии за любой технический вуз.

Это было так. Фадеев самым серьезным образом проштудировал учебники по доменному, мартеновскому и прокатному производствам, чтобы лучше понимать доменщиков, сталеваров и прокатчиков и в разговоре с ними не только находить ключ к их сердцам, но и знать особенности их профессии.

Однако самым главным в работе было общение с людьми, откровенные разговоры с ними. Среди металлургов Магнитки, где долгое время жил Фадеев, у него были истинные друзья, с которыми он регулярно переписывался, жил в одной квартире, посещал их рабочие места, присутствовал на заседаниях партбюро и партийных собраниях, бывал с ними в театрах и кино, выезжал на охоту и рыбную ловлю. Такая близость обогащала писателя знанием жизни металлургов, давала возможность проникнуть в их быт, лучше познать их радости и печали, успехи и неудачи.

Среди магнитогорцев наибольшим вниманием Фадеева пользовались главный геолог рудника горы Магнитной Александр Николаевич Воронкин и сталевар Владимир Захаров, в семье которого долго жил Александр Александрович. Эта семья является прообразом одной из семей, показанных в новом романе, хотя, конечно, герои Фадеева — образы собирательные.

Но забегая вперед, расскажем о первой встрече Фадеева с уральскими читателями и первой публикации отрывков из «Черной металлургии», появившихся в газете «Челябинский рабочий».

…После настоятельной просьбы челябинских писателей Фадеев согласился рассказать им о работе над новым романом и прочитать из него несколько глав. Александру Александровичу удалось сделать это перед самым отъездом в Москву на второй съезд писателей СССР.

Незадолго до этой встречи произошел у меня с Фадеевым разговор о старейшем писателе-самоучке Иване Петровиче Малютине.

— Он здесь, в Челябинске? — изумился Александр Александрович и засыпал меня вопросами: жива ли его жена, что с дочкой Тоней и спросил его адрес, пожелав немедленно встретиться с Малютиным. Ответив на все фадеевские вопросы, я сказал, что в следующий раз приеду на дачу с Иваном Петровичем.

Фадеев несказанно обрадовался и с восхищением сказал:

— Изумительный старик! Я с ним не виделся лет двадцать и потерял его из виду. Говорите, пишет воспоминания? Это хорошо! Ему есть что рассказать. — И сердечно попросил: — Помогите

ему…

Тогда я сказал Александру Александровичу, что уже помогаю Ивану Петровичу работать над рукописью его воспоминаний и что отделение писателей всячески поддерживает Малютина.

— Большое дело сделаете, — заметил Фадеев, — если у Ивана Петровича выйдет книга в местном издательстве. — И Александр Александрович тут же добавил, что он со своей стороны также поможет Малютину, чтобы книга его появилась в «Советском писателе».

В день встречи Фадеева в отделении Союза питателей, часа за четыре до начала, я приехал на дачу с Иваном Петровичем Малютиным. Встретились они тепло, крепко обнялись и оба прослезились.

В первый момент я несколько растерялся, Но Александр Александрович, оживленный и счастливый, весь сияющий, благодарно посмотрел на меня, и растерянность сразу исчезла.

Мы втроем быстро нашли общий язык (удивительно тонко и задушевно умел Фадеев вести беседу) и долго спорили о литературе. Александр Александрович говорил громко, с жаром.

Так прошло часа два. Был подан чай, а потом мы вышли на берег озера Смолино. Фадеев все это время был очень оживленным. Его восхищало все: яркая синева неба, червонное золото берез, озеро и за ним, в дымке, Челябинск.

Мы стояли на мостках какое-то время молча. Александр Александрович зачарованно смотрел на озеро, меняющее окраску от темно-зеленой до светло-синеватой, как будто кто-то невидимый подсвечивал воду из глубины.

Вблизи появились чайки. Они летели вдоль берега, то падая до белых гребней волн и сливаясь с ними, то взмывая в голубые просторы неба, особенно светлые в разрывах пепельных облаков.

Наблюдая за полетом, за блеском птичьих крыльев с белым подбоем, за вытянутой вперед головкой с острым, как шило, клювом, за тем, как чайки чертили воздух и с гортанным клекотом летели все дальше и дальше от нас, Фадеев вдруг взволнованно сказал, слегка растягивая слова:

— «Черной молнии подобный…» Как это здорово сказано!

— На то он Горький! — проговорил Иван Петрович.

— Могучий писатель и человечище, — подхватил Александр Александрович.

Потом Фадеев и Малютин опять вспомнили свои былые встречи и общих знакомых по Ярославлю.

…Мы выехали в город. Александр Александрович очень волновался перед выступлением. Это было первое чтение глав его нового романа.

— Неужели не привыкли к публичным выступлениям?

Он улыбнулся.

— И не привыкну, а особенно к таким, как сегодняшнее, первое…

Александр Александрович был удивлен, что в небольшое помещение отделения писателей, где должны были собраться лишь писатели, пришли и те, кто просто хотел послушать и посмотреть на Фадеева.

— Я хотел профессионального разговора с вами, — заметил он, — а тут много любопытствующих…

Фадеев был чуточку недоволен, но недовольство это постепенно исчезло, как только он начал читать — спокойно и уверенно, выразительно и отчетливо.

В тембре его голоса было столько богатых оттенков, что не только фраза, но каждое фадеевское слово становилось почти зримым.

В этот раз Александр Александрович прочитал главу «Домашняя хозяйка», которую затем опубликовала газета «Челябинский рабочий», а позднее журнал «Огонек». Главу прослушали с большим вниманием и волнением. Впечатление от прочитанного осталось самое пестрое. Одни высказывали мнение, что глава перегружена мельчайшими деталями, задерживающими внутреннее движение произведения. Говорили:

— Выписано все с фотографической точностью, а нужна ли она?

Другие, наоборот, считали:

— В этом и состоит талант художника: словом нарисовать образ так, чтобы он был виден как живой…

Прочитанная глава не оставила слушателей равнодушными. И мы радовались за Фадеева.

Любопытно отметить одну деталь: очень многие интересовались, почему роману дано такое невыразительное название, Фадеев улыбнулся и ответил:

— Удачное название произведения — понятие условное. Был бы хорош роман, а читатель разберется, полюбит, признает и даже найдет название оригинальным, — и вдруг спросил всех: — Разве выразительнее названия «Разгром», «Молодая гвардия»? А «Сталь и шлак»? Или «Углекопы» Золя, «Война и мир» Толстого? Мне кажется, что «Черная металлургия» очень выразительное название, если хотите, обобщающее. Это — основа основ нашего хозяйства, как говорят экономисты. А сам процесс? Разве он не таит в себе глубочайшего смысла? Важно, как название книги выражает содержание и глубину самого произведения, его художественные достоинства и значение…

После встречи с читателями в кругу друзей Александр Александрович еще раз возвратился к названию и сказал, что оно выражает идею его романа. Посмотрев на нас чистыми, по-детски доверчивыми глазами, располагающими к себе непотухающей искоркой задора, он сказал:

— Главная мысль романа, понимаете, это мысль о коммунистическом перевоспитании людей. Подобно тому, как черная металлургия вбирает в себя уголь, руду, известняк и все это переплавляет в металл, из которого можно сделать все — вплоть до микроскопа… Переделка человека — это тоже поистине черная металлургия! — горячо закончил он.

…Из редакции прислали оттиски полосы с первым отрывком главы «Домашняя хозяйка». Фадеев прочитал, подписал полосу и задумчиво сказал:

— Суждено главе появиться на свет раньше здесь, чем в Москве. Тут она писалась, пусть и прочтет здесь ее читатель. С челябинцами у меня теперь прочные связи…

В газете же «Челябинский рабочий» впервые в печати появились и новые главы «Молодой гвардии», написанные Фадеевым после критики его романа{162}.

Перед этим Александр Александрович встретился с журналистами и писателями в редакции «Челябинский рабочий». Он рассказал им, как работал над романом «Молодая гвардия» и перерабатывал его после критики. С писателем договорились, что он даст новые главы для публикации их в газете.

8 сентября 1951 года сотрудник редакции принес А. Фадееву газетную полосу с первым отрывком новой главы, в которой рассказывалось о том, как Иван Федорович Проценко начал организовывать подпольную работу в тылу у немцев после ухода из Ворошиловграда в Беловодский район. Редакция написала небольшую аннотацию. Александр Александрович прочитал ее и заметил:

— Надо проще, — взял ручку и написал на листе:

> «Сегодня мы начинаем печатание некоторых глав романа «Молодая гвардия», заново написанных А. А. Фадеевым. Главы публикуются впервые».

В начале октября писатель дал для опубликования в газете еще несколько глав.

…Однажды мы долго засиделись за чашкой чая, слушая увлекательные рассказы Александра Александровича о заграничных поездках, о личных встречах и беседах его с руководителями партии и правительства, о необходимости хорошо знать литературное наследие, чтобы в совершенстве

владеть методом социалистического реализма, развивать его дальше.

Фадеев прекрасно рассказывал. О чем бы он ни говорил, хотелось без конца слушать его. Он рассказывал умно и давал настолько яркую характеристику человеку, о котором говорил, что тот виделся как живой. Иногда рассказ свой Александр Александрович дополнял выразительной мимикой и жестами, решительными и броскими.

Он многое помнил и знал. Выручали Фадеева богатый житейский опыт, изумительная память на людей и события. Меня поражало его умение видеть в малом — великое, в обыденном замечать героическое, в простом и ясном — философскую глубину, а своим высказываниям придавать строгую последовательность, страстность и убежденность борца. Фадеев всегда казался собранным, волевым и дисциплинированным даже в минуты сомнений. Он умел верить людям, с которыми встречался и дружил.

Фадеев с наслаждением говорил о Лескове и Чехове, о Горьком и Андрееве и других писателях. Мельком я упомянул об отзыве забытого писателя Эртеля о Радищеве. Александр Александрович насторожился, задумался, что-то вспоминая.

— А читали его «Гарденины»?

— Нет, — признался я.

Александр Александрович укоризненно покачал головой.

— А зря, прочтите. Прекрасная книга! А язык? Писателя надо бы отнести к классическим. Эта его книга посильнее, чем у Мамина-Сибиряка. Да, пожалуй, такой книги нет и у Золя…

Фадеев невольно свел разговор к творчеству местных писателей и, к нашему удивлению, показал, что прекрасно знаком с ними, читал и хорошо помнит отдельные места из книг, понравившихся ему.

Неожиданно для меня Александр Александрович попросил на минутку первую книгу «Петербургского изгнанника» и, быстро отыскав нужное ему место, выразительно прочитал его. Это была глава, в которой описывалось, как Радищев проезжал демидовский завод. В ней изображалась картина зимнего Урала.

— Это хорошо. Предстает почти зримо глазам читателя. Вот так же сочно должен быть написан, товарищ автор, весь роман. Не обижайтесь на меня. — Он отложил книгу и обвел всех нас добрым взглядом.

В этот вечер он с глубоким вниманием слушал новые стихи поэтов, заставлял по несколько раз повторять понравившиеся строки, приговаривая:

— Это замечательно! Чудесно!

И снова просил автора прочитать стихотворение, слушая с искренним упоением и наслаждаясь поэзией, как музыкой. Он тут же делал замечания авторам и спрашивал, согласны ли они с ним.

Потом он читал нам стихи Тютчева и Фета, Багрицкого и Есенина, Щипачева и Твардовского. Как тонко чувствовал Фадеев поэтическое слово!

Но вернемся к «Черной металлургии».

Как же складывался замысел нового романа, как шла работа над ним, что говорит об этом сам писатель?

Передо мной стенограмма собрания партийного, советского и хозяйственного актива, посвященного встрече с Фадеевым, его письма к сталевару Владимиру Захарову, Ивану Петровичу Малютину и другим челябинцам, в которых Александр Александрович в той или иной форме затрагивает волнующий его вопрос о работе над «Черной металлургией».

В один из приездов А. Фадеева в Челябинск группа товарищей обратилась к писателю с просьбой осветить им три вопроса — о борьбе за мир в настоящее время, новое в советской литературе и над чем писатель сейчас работает.

Александр Александрович дал согласие.

Было созвано собрание городского актива в зале филармонии. Это было вскоре после возвращения писателя с заседания Всемирного Совета Мира в Вене. Под свежими впечатлениями Александр Александрович подробно рассказал о борьбе народов за мир{163}.

Это не был доклад в обычном понимании этого слова. Казалось, Александр Александрович беседует с друзьями, окружившими его, рассказывает им о том, что видел, слышал в Вене, какие вынес личные впечатления от этого заседания Совета Мира. И рассказ его о заседании Всемирного Совета Мира был так же прост, свободен и естествен, как и сам человек на трибуне.

Фадеев был обаятельным оратором, умел зажигать сердца чудесным русским словом, сказанным не только выразительно и ярко, но и с большой человеческой теплотой и задушевностью.

Почти тысячная аудитория внимательно слушала любимого писателя. Речь Александра Александровича потекла еще свободнее, когда он переключился на разговор о литературе.

Это была его родная стихия. Он называл новые имена писателей и перечислял их произведения, касался деятелей кино и театра, рассказывал об успехах и промахах во всех сферах нашей советской культуры.

Однако как ни обширен был круг этих вопросов, мысль Фадеева больше всего находилась в главном для него фарватере:

он говорил о литературе, о борьбе с враждебной идеологией, проникающей в среду литераторов, о необходимости оберегать в чистоте социалистический реализм, неустанно бороться за партийность в литературе, овладевать сокровищницей марксизма-ленинизма.

Фадеев особенно подчеркнул, что писателю нужна тесная связь с жизнью, с деятельностью советских людей.

— Надо неустанно трудиться над своими произведениями, — говорил Фадеев, — вкладывать в них всю душу. Тогда наша литература шагнет еще дальше вперед, и мы осуществим задачи, поставленные перед писателями нашей партией.

Все ждали, что Фадеев так же подробно расскажет о своей работе над «Черной металлургией». Однако надежды эти не оправдались. Александр Александрович о новом романе сказал кратко и лишь в общих словах.

Если до сих пор он говорил совершенно легко и спокойно, то сейчас почувствовалось — Александр Александрович волнуется. Он отпил несколько глотков воды, окинул продолжительным взглядом зал, тряхнул седой головой:

— Теперь, товарищи, скажу, над чем я работаю. Сейчас я работаю над большим романом о металлургах и строителях, над романом, в котором хочу показать наш прогресс, рост наших кадров, — людей очень молодого поколения — буквально, воспитанников трудовых резервов — и поколения старших советских людей со всеми типичными организациями — профсоюзными, комсомольскими, чтобы все дышало воздухом нашего советского времени. Хочу показать роль партии, как организующей силы, показать, как мы идем к коммунизму.

Крупной рукой с тонкими, как у музыканта, пальцами, с четко проступающими голубоватыми прожилками, он всей пятерней откинул назад серебристую прядь волос с большого и красивого лба. На лице более отчетливо проступил длинноватый нос с двумя морщинками на переносье, похожими на два восклицательных знака. Он бросил зоркий взгляд в зал:

— Роман большой, довольно много героев, и работать над ним нужно еще минимум два-три года. Я больше всего увлекаюсь им и сейчас бешено работаю над ним. С этой целью мне приходится много путешествовать.

Фадеев передохнул.

— В своем романе я хочу показать жизнь так, как она есть, но герои мои будут, конечно, вымышленные. Они будут людьми, работающими на предприятиях Юга и Урала, будут иметь разные профессии.

Он вскинул руки, положил их на трибуну и подался вперед.

— Вот это, собственно говоря, основная моя работа. Правда, читатель бывает недоволен, когда мы публикуем одну часть, а потом — другую: вот, мол, жди. Я этот роман начал писать давно, но и на этот раз опять мне придется пойти против желания читателей — опубликовать первую часть в журнале. Но стремиться надо к тому, чтобы выпустить роман в целом, так как читатель любит читать книги именно в таком виде. Вот, собственно говоря, все, о чем я хотел сказать…

То, что сказал о себе и своей работе Фадеев, приоткрывало его глубокие и серьезные замыслы. Можно было уже представить, что новый роман «Черная металлургия», если бы автор успел его закончить и опубликовать, был бы произведением интересным и значительным.

В его замысле «Черной металлургии» ощущается широта кругозора писателя, многосторонний охват жизни советских людей, с новой силой в нем проступает партийность, с какой автор подходил к показу советской действительности.

Об этом Александр Александрович очень определенно сказал и в речи на вечере, посвященном 50-летию со дня своего рождения, в Центральном доме литераторов.

— Сейчас я хочу спеть песню о нашей черной металлургии, о нашем советском рабочем классе, о наших рабочих младших и старших поколений, о командирах и организаторах нашей промышленности…

В творческую лабораторию писателя позволяют заглянуть и переписка со многими уральцами, и прежде всего, со сталеваром В. Захаровым.

Уже в письмах от 1951 года Александр Александрович часто сетует, что он «немножко раздосадован непредвиденными обстоятельствами в связи с международной работой», мешающей ему сосредоточиться над романом о металлургах, пишет, что «уже соскучился по Магнитогорску».

Проходит два трудных для Фадеева года. Его мучают разные недуги, хотя еще и не опасные для жизни. Он подолгу находится в больнице, но не приостанавливает работы над задуманным романом.

Тем не менее, работа над «Черной металлургией» к концу 1954 года невольно застопорилась. После возвращения в Москву из Челябинска Фадеева захватила подготовка ко второму съезду писателей, потом поездка в Стокгольм на сессию Всемирного Совета Мира. По возвращении из-за границы — съезд писателей, а затем опять поездка в Вену, где было принято Обращение против развертывания атомной войны.

К этому времени опубликованные главы из романа «Черная

металлургия» вызвали многочисленные отклики читателей. Автор получал их из многих городов страны, в том числе из Челябинска и Магнитогорска.

Написал о своих впечатлениях от прочитанных глав и сталевар В. Захаров, сделавший несколько замечаний по существу. Александр Александрович не замедлил отозваться и прислал ему обстоятельное, очень интересное по своему содержанию и значению дружеское письмо, в котором раскрывается полнее творческая лаборатория Фадеева, его метод работы, его взгляд на некоторые актуальные проблемы писательского труда.

Кроме этого, Фадеев говорил в письме о прототипах героев и персонажей нового романа, действие которого не ограничивалось рамками Урала, а происходило на Украине и в Москве.

Писатель рассчитывал, что ему удастся напечатать первые две части романа до конца 1954 года. Об этом он писал во многих письмах к челябинцам, сообщал и мне:

> «Все мои силы поглощает сейчас роман, все дела остановились из-за него… а до конца еще далеко».

Желание писателя осталось неосуществленным. Ему не удалось завершить свою песню о металлургах.

…Александр Александрович был очень щедр на дружбу с людьми, на советы. Он очень многим помог своим добрым словом и умел вовремя протянуть руку помощи и поддержки.

В тот момент, когда И. П. Малютин собирал силы, чтобы написать воспоминания, Фадеев приободрял его:

> «Не думайте, что я говорю мимоходное доброе слово, — писал он, — но я, по существу, убежден в Вашей талантливости, а жизнь, прожитая Вами, не похожа на другие. И что может быть лучше, чем рассказать об этой жизни».

А через год, когда рукопись Малютина была закончена и переслана, Фадеев сообщал:

> «разговаривал с М. М. Корневым по поводу всей книги, которую сразу же передал с моим пространным отзывом».

Фадеевские письма вселяли уверенность, а регулярные денежные переводы, которые посылал Александр Александрович, материально поддерживали И. П. Малютина.

Пристально следил Фадеев за рождением книги воспоминаний заслуженного артиста РСФСР Челябинского государственного драматического театра П. А. Гарянова. В одном из писем говорилось:

> «Мне очень хотелось бы направить ему доброе приветствие в день его юбилея и увидеть его книгу «Актеры», вышедшую в свет».

Узнав, что юбилей состоялся, Александр Александрович присылает артисту сердечное поздравление, подчеркивая в нем, что образы, созданные на сцене П. А. Гаряновым, запечатлелись в сердцах тысяч зрителей, воспитывая их в духе высокой человечности.

Большую помощь и внимание оказал Фадеев и мне, проявляя заботу о работе над «Петербургским изгнанником». Многие советы Александра Александровича помогли мне лучше понять слабые и сильные стороны романа, глубже уяснить смысл и значение своего труда.

Фадеевская заботливая рука помогла очень многим из тех, кто по-серьезному смотрел на дело литературы, относился к писательскому труду как к самому сложному и ответственному.

Александр Александрович заботился не только о писателях-профессионалах, но был очень внимателен к молодым начинающим авторам. В Челябинске и Магнитогорске он познакомился с работой литературных объединений при Дворцах культуры металлургов. Это диктовалось и его творческими соображениями. В письме к своему старому товарищу по партийной работе на Кубани Н. А. Магалифу Фадеев сообщал:

> «Особенность этого романа еще в том, что наряду с технической интеллигенцией я отвожу большое место интеллигенции гуманитарной — врачам, учителям, журналистам, художественной интеллигенции».

Стихи начинающих поэтов Александр Александрович разбирал глубоко и тщательно. Чувствовалось, что он читал их внимательно, а некоторые из них, понравившиеся ему, знал на память. Этот необычный разбор творчества молодых проходил в зале заседания обкома партии. Сюда были приглашены все начинающие авторы Челябинска. Фадеев продолжительный разговор с ними заключил обстоятельным рассказом о литературном мастерстве.

Такой же задушевно-деловой разговор с молодыми авторами о их творчестве состоялся в редакции газеты «Магнитогорский

рабочий».

Фадеев не только пытался сам познать многообразие жизни, которую собирался полнее показать в своем романе «Черная металлургия», но и помогал другим, делясь с ними знанием и накопленным опытом. Это тоже была одна из удивительных черт его характера — безграничная душевная щедрость и человечность.

Особенно общителен, весел и откровенен был Фадеев в компании друзей и товарищей. Он много шутил, смеялся, с увлечением рассказывал занимательные житейские истории. Александр Александрович любил и частенько пел старинные песни, протяжные и чуточку грустные.

Как-то после того, когда была спета песня про ямщика, он заметил:

— Это поэма! Краткости, образности и яркости ее языка мог бы позавидовать сам Пушкин.

После песен им овладевало поэтическое настроение. Он начинал легко и свободно читать стихи, восторгаясь их песенной ритмикой, словно музыкой. Очень эмоционально звучали в фадеевской декламации стихи Фета, Тютчева, Некрасова, Надсона. Прежде чем назвать автора, Фадеев читал стихотворение, а потом хитровато, но с добринкой, спрашивал:

— Кто же написал это стихотворение, кому принадлежат эти дивные строки?

И довольный тем, что иногда своим вопросом ставил слушателей в затруднительное положение, Фадеев без намека на свое превосходство называл поэта и как бы осудительно добавлял:

— Как же это вы не знаете? Да, забыли. Разве можно не знать, кто написал такие чудесные стихи?

И приветливо улыбался.

В минуту раздумья над своей жизнью, над чем-то своим, личным и горьким, Фадеев принимался читать на память отрывок из «Тараса Бульбы», когда Остап восклицал: «Батько! Где ты? Слышишь ли ты?» — «Слышу!» — отзывался Тарас». И Александр Александрович, взволнованный, добавлял:

— Так умел писать лишь Гоголь!

При этом голубые глаза его затягивались туманом. Фадеев быстрым движением выхватывал платок из кармана и смахивал незаметно навернувшуюся слезу, нарочито громко сморкался. Он был всегда бодрым, на жизнь смотрел оптимистически.

— Мне хоть от нее, красавицы, и попадало, — говорил он, — а я люблю ее здорово-о!

…Минуло десятилетие, как ушел из жизни Фадеев, а образ

писателя не меркнет и никогда не померкнет в памяти тех, кто с ним встречался, хотя бы однажды слышал его проникновенную речь, читал его произведения.

Это был прекрасный человек и могучий писатель, партийный из партийных, принципиальный из принципиальных, до конца преданный своему народу.

Я помню, как Александр Александрович говорил о своей приверженности к литературе, о своей боли за ее судьбы.

— Мы, литераторы, в большом и неоплатном долгу перед народом, перед его авангардом — рабочим классом.

Разговор происходил на даче Смолино. Писатель видимо, думал о своем романе «Черная металлургия». Высокий, по-военному подтянутый, Фадеев стоял у окна, затененного разросшимися акациями. Его седые волосы отражали краски яркой осени. Он был в хорошем, приподнятом настроении, даже весел после нескольких дней страданий, вызванных приступом печени.

— Магнитка — мечтательно говорил он. — Она всегда останется в памяти народа, как незабываемое событие первых пятилеток, да и наших дней. Нужно большое эпическое полотно, чтобы воссоздать правду об этом подвиге народа, его борьбе за технический прогресс…

…Таким мне навсегда запомнился Фадеев — добрый друг Урала.

Записи Радищева об Урале{164}

После того, как губернское правление объявило Александру Радищеву указ о замене смертной казни ссылкой в Илимский острог, он был закован в кандалы и отправлен по этапу в Сибирь.

От Санкт-Петербурга до Илимска ему предстояло проехать 6788 верст. Это был трудный путь. По нему прошли раньше Радищева пугачевцы. Мало кто из них остался к тому времени в живых.

Расчет Екатерины II, «помиловавшей» Радищева, был простым. Императрица надеялась, что слабый здоровьем автор «крамольной книги» не выдержит тяжелой и долгой дороги, умрет в глухом краю медленной и мучительной смертью. Но друзья поддержали мужественного писателя в годы ссылки, облегчили пребывание в Илимском остроге.

После болезни в Москве Радищев продолжает путь. Он делает короткие остановки в Нижнем, Казани, в Перми, Кунгуре, Екатеринбурге, Тюмени. На полгода задерживается он в Тобольске в ожидании приезда семьи.

Странствие по Уралу и Сибири еще больше убедило писателя в правоте своего дела, за которое он поплатился ссылкой в Илимский острог. С Казани Радищев ведет дневник до конечного пункта своего следования, заносит в него свои впечатления, стремится в записях отразить различные стороны российской действительности.

В путевых заметках Радищева собраны сведения о промыслах Урала и Сибири, о состоянии торговли, экономики и культуры. Мысли писателя большей частью поглощены бесправным положением населения, состоянием сел и городов — всем, что изобличало ненавистное ему крепостничество в России.

На перевозе у реки Вятки Радищев видит знакомые ему курные избы и заносит в дневник: «Мужики здесь бедны». В вятских деревнях от его взгляда не ускользает, что народ живет в них придавленный гнетом, но добрый.

В Кунгуре — уральском городе, богатом разными промыслами и славившемся хлебной торговлей на Волге и Каме, — внимание автора «Путешествия» приковала воеводская канцелярия, прихожая с решеткой для колодников, деревянная крепость с башнями, на площади перед собором — пушки на чугунных лафетах и фальконеты Ермака. Здесь, очевидно, впервые у Радищева появилось желание написать произведение об Ермаке. До нас дошли небольшой отрывок поэмы под названием «Ермак» и «Сокращенное повествование о

приобретении Сибири».

Занося впечатления о Кунгуре в свой дневник, Радищев отметил, как радостное явление — книжную торговлю в городе. Здесь рядом с церковными книгами имелись сочинения римского писателя Квинта Курция, различная научная литература, а самое главное — русские издания Н. И. Новикова, выдающегося писателя-просветителя и издателя, с которым был близок Радищев.

Пересекая Урал, Александр Николаевич интересуется заводами Строганова и Демидова, жизнью тех, кто на них работает — приписанных к заводам крестьян. Эта категория крестьян была ранее неизвестна Радищеву и не затронута в его «Путешествии из Петербурга в Москву».

В путевых «Записках» Радищев отмечает:

> «Село казенное, приписано к Демидовским заводам за 200 верст, избы плохи», «село Ключи, в нем 1300 душ, приписано к казенным Юговским заводам за 110 верст, селения частые, большие, приписаны к заводам Н. Демидова за 250—280 верст. Расстояние столь дальнее делает заводские работы отяготительными»{165}.

Все чаще в «Записках» встречаются заметки о притеснениях крестьян со стороны царской администрации, о тяжести податей, о голодном существовании населения, о вражде крестьян к дворянам, об угнетенных народностях. Радищев записывает, что многих крестьян за несвоевременный платеж податей посылают отрабатывать на казенные заводы.

Писатель следует по местам, где бушевало пламя пугачевского восстания на Урале. Он проезжает мимо развалин крепостей, сожженных усадеб — следов мести и народного гнева. Увиденное в дороге и услышанное на стоянках заставляет его записать в тетради:

> «Между Еланью и Тарасовой находится слобода или село Белеховское, в которой видны развалины деревянной крепости и пустые магазейны. Пугачеву делали отпор. Ирбит за то сделан городом»{166}.

Ирбитская слобода по Указу Екатерины II была переименована в город «за непоколебимую верность жителей во время бывших замешательств» (восстания Пугачева). Торжественное провозглашение Ирбита городом в присутствии Тобольского губернатора Чичерина-вешателя и палача

пугачевских повстанцев, неблаговидная роль Ирбитской слободы, помогавшей царским войскам расправляться с восставшими крестьянами и казаками, вызвало у Радищева, естественно, законное сопоставление исторической судьбы двух уральских слобод, одна из которых стала «городом», другая превращена в «развалины».

Надо думать, краткая фраза Радищева в «Записках» отразила яркие рассказы местных жителей о судьбе слобод, которые он не решился доверить бумаге.

Все, что так поразило А. Радищева проездом через места, где прокатилась волна крестьянского восстания на Урале, имело огромное значение для укрепления прежних революционных позиций сосланного писателя. А. Радищев, первый в истории русской культуры связавший дело литературы с освободительной борьбой, вновь в своих «Дневниках» выступает как поборник и провозвестник свободы угнетенного народа, его верный защитник.

В Тобольске публично казнили пугачевцев. Здесь Радищев услышал рассказы тобольцев о губернаторе Чичерине, по приказу которого в городе были повешены «челябинские» преступники, злодеи-бунтовщики, которые «наезжали на тракт», лежащий к Сибири, приказывая жителям «ловить курьеров и отсылать к ним в толпу».

В этом городе Александр Николаевич много занимается изучением истории Урала и Сибири. В одном из писем к друзьям он настоятельно просит выслать ему «Минералогическое описание Уральских гор», чтобы полнее представить богатства Урала, глубже познакомиться с перспективами его экономики и промышленности.

Глубокое и всестороннее изучение Урала и Сибири дает возможность Радищеву сделать смелые выводы о будущем этого края, его производительных силах.

Тобольск тех лет был одним из культурных и административных центров Сибири и части Урала. Здесь существовал свой театр, семинария и главное — народное училище, а при нем выпускался литературный журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Этот журнал распространялся по подписке. Его читатели жили в 34 городах Урала и Сибири и даже Центральной России. На страницах «Иртыша» печатались стихотворения, басни, эпиграммы, отражающие свободолюбивые, антикрепостнические настроения их авторов, бесспорно навеянные просветительной деятельностью Новикова, литературными выступлениями Радищева и молодого Крылова.

Кроме выступлений литераторов, журнал публиковал статьи,

носившие прикладной характер. К ним следует отнести статью коллежского асессора экспедиции горных дел казенной палаты Пермского наместничества Алексея Гладкова «Как выгоднее на медеплавильных заводах проплавлять медные руды» и другие статьи, затрагивающие хозяйственно-экономические проблемы.

Разговоры Радищева с сотрудниками «Иртыша», живое общение с ними, близкое знакомство с местной литературой, позволили ему лучше ознакомиться с историей Урала и Сибири, с бытом населения, с нуждами и запросами многих народностей, живущих на далекой окраине России.

В письме к А. Р. Воронцову Радищев откровенно говорит:

> «Перед глазами моими на стене прибита генеральная карта России, в коей Сибирь занимает почти 3/4. Хорошо знать политическое разделение государства; но если бы весьма учебно было в великой России сделать новое географическое разделение, следуя в этом чертам, природою между народами назначенным, гораздо бы еще учебнее и любопытнее было, если бы Сибирь разделена была (на карте, разумеется) на округи, естественностию означенные. Тогда бы из двух губерний вышла иногда одна, а из одной пять или шесть. Но к сочинению таковой карты не исправниково искусство нужно, но головы и глаза Палласа, Георги, Лепехина, да без очков, и внимания не на одни цветки и травы»{167}.

Этим Радищев хочет сказать, что методы исследования многих академических ученых, занимающихся изучением физических, экономических и этнографических данных об Урале и Сибири, без учета народнохозяйственного развития края бесполезны для расцвета науки и экономики отечества.

Кроме изучения печатных трудов об Урале и Сибири Гмелина, Палласа, особенно Лепехина, исколесившего Южный и Средний Урал, Радищев сам проводит естественнонаучные наблюдения и опыты, собирает и коллекционирует полезные ископаемые, обнаруженные им в окрестностях Тобольска, изучает архивные и рукописные данные об экономике, культуре и истории края.

К подобным материалам следует отнести «Топографическое описание тобольского наместничества». Оно послужило одним из источников для работы Радищева над «Описанием тобольского наместничества», недавно обнаруженной среди бумаг графа А. Р. Воронцова.

В этом новом экономическом труде наряду с описанием города, территории наместничества, его расположения, занятия

населения, большое место отводится торговле в Тобольской губернии и всей Сибири, описанию Ирбитской ярмарки. Говоря о том, что почти вся торговля губернии производится на ярмарках, Радищев замечает:

> «Первая из оных и из славнейших во всем государстве бывает в Ирбите, в Пермской губернии, около 360 верст от Тобольска. Начинается она около пятого февраля и продолжается до первого марта. На нее съезжаются из дальнейших мест в России: из Малороссии, Казани, Астрахани, Архангельска, Оренбурга и изо всей Сибири. Российские купцы привозят всякие европейские товары, как-то: сукна, шелковые материи, голландское полотно и другие, к роскоши служащие вещи. Из Архангельска привозят сахар, кофе, вины всякого рода и пряные корения, из Оренбурга бухарские товары, из Астрахани товары персидские и из Сибири, то есть из Тобольска, Енисейска и Иркутска, мягкую рухлядь всякого рода и китайские товары. Сей торг состоит по большей части в мене»{168}.

Эта краткая характеристика Ирбитской ярмарки, сделанная Радищевым, позволяет представить полную картину и размах торговой политики России на окраинах, ее значение в экономике государства. По замечанию и подсчету Радищева, торг на ярмарке в Ирбите ежегодно восходил до 1,5 млн. рублей.

Писателя интересует история зарождения торговли в Ирбите, и он выбор места объясняет по-своему, видя все это глазами революционера-мыслителя.

> «Итак, мне кажется, — говорит Радищев, — или в прежния времена с правительством и дела иметь не хотели, желая находиться в отдаленности от оного, или в начале Ирбит было место потаенного торга в то время, когда вывоз сибирских произведений не был свободен, а время, прославив сие место, начало привлекать торгующих со всех сторон, и правительство получило о нем сведение тогда уже, когда течение усилилося, и за нужное почло дать ему волю, бояся оное уничтожить, давая другое ему направление»{169}.

В Тобольске Александр Николаевич собирает разносторонний материал о Сибири и Урале, чтобы позднее, в Илимске, написать свои исторические и экономические сочинения: «Письмо о китайском торге», «Сокращенное повествование о приобретении

Сибири», отрывок из повести «Ермак» и другие.

Разнообразны запросы и глубоки интересы Радищева. К каждому явлению, факту, как бы прост и незначителен ни казался он на первый взгляд, Александр Николаевич подходит серьезно, как исследователь и ученый. Он ничего не принимает на веру, а все проверяет опытом, высказывает смелые, оригинальные мысли, пролегающие новые пути для развития науки о Сибири и Урале. Он дает самую высокую оценку русскому исследователю Урала академику И. И. Лепехину.

> «Уральские горы столь существенно различествуют в своей естественности от степи Барабинской, сколько жители оных от жителей степных, — замечает Радищев в одном из писем. — Крестьянин заводский есть совсем другой человек, нежели земледелец Татарской и Ишимской округи»{170}.

В другом месте он высказывает интересную догадку, что

> «Если соленые озера в Ишимской степи происходят из гор, лежащих за Киргизской степью, в 1000 верстах, то здешние железистые ключи и земля, сквозь которую протекают, происходят, конечно, из Уральских гор, которые в прямой линии не далее 200 верст отстоят и содержат много железа»{171}.

Восхищает широта интересов, кропотливое и тщательное изучение вопросов, которых касался Радищев. Кажется, ничто не оставалось незамеченным в окружающей его жизни, если оно имело практическое, культурное, научное или историческое значение. Ко всему он подходил как человек государственный, считая, что все должно быть отмечено вниманием, если оно может быть полезным народу и отечеству.

Сравнивая жизнь жителей Томского и соседнего уездов, Радищев замечает, что томичи более зажиточны, так как имеют сбыт продуктов на Колыванских копях. Это приводит его к выводу о необходимости изменения административного деления.

> «Близость сей округи к губернии того же названия показывает, — пишет Радищев, — что она должна быть приписана скорее к оной, нежели к Томской губернии: сие непременно должно быть сделано, ввиду близкого расположения и связей, существующих между двумя округами»{172}.

Радищев вслед Лепехину и другим русским географам, выдвинувшим мысль о районировании раньше, чем она была поднята в западноевропейской науке, ставит вопрос о новом районировании, которое необходимо решить в интересах лучшего развития хозяйства отдельных уездов Сибири и Урала.

А. Р. Воронцов интересуется медными деньгами, выпускаемыми на Урале и в Сибири. В одном из писем Радищев дает ему краткий, почти исчерпывающий ответ, что в «Казани на пятирублевую ассигнацию трудно сыскать медных денег», а в Перми «на сторублевую дают медь охотно». Он объясняет, почему в Перми и Тобольске «много обыкновенных медных денег». Радищев пишет:

> «Изобилие оных происходит не от того, что здесь особая монета, но от того, что часть денег, в Екатеринбурге вытискиваемых, обращается в Сибирь. На сколь мог приметить, то здесь денег больше старого тиснения, а в Перми нового»{173}.

Бумажно-денежное обращение при Екатерине II, наводнившей рынки ассигнациями и изъявшей из обращения золото, серебро, а впоследствии и медные деньги, плохо отразилось на финансовом положении страны. Этот вопрос имел огромное государственное значение.

Радищев хорошо понимал это и отрицательно относился к финансовой политике Екатерины II. Отвечая Воронцову на его вопрос о медных деньгах, Александр Николаевич подводил его, президента коммерц-коллегии, ведавшего внешней и внутренней торговлей в России, к тому, как следовало бы отнестись ему к денежному курсу.

В «Сокращенном повествовании о приобретении Сибири» Александр Николаевич последовательно излагает историю освоения русскими Урала, приобщение его несметных богатств на пользу человека. В этом сочинении кратко излагается, как пришли на Урал Строгановы

> «завели крепости для обороны и защиты, земледелие, соляные варницы, звериные промыслы, а впоследствии и железные заводы, и ничего не проронили, от чего бы им могла быть польза»{174}.

Автор «Повествования» далек от того, чтобы идеализировать и переоценивать роль Строгановых в освоении Урала. Он это относит больше за счет «записных и тяглых людей», «убегающих угнетения, или укрывающихся… от должныя казни», то есть

участников народных бунтов.

Так понимает Радищев освоение русскими земель и богатств Урала и обширных пространств Сибири. Он подчеркивает, что

> «с распространением гражданского правления в сих странах Строгановы все преимущества свои потеряли»{175}.

Для Радищева важно было в своем «Повествовании» подчеркнуть то, что являлось решающим в приобретении Сибири — движение самого народа. Это был трудный поход, продолжавшийся десятилетия, подвиг всего народа, и на нем останавливает свое внимание писатель-революционер.

Вот почему особенно ярко, сжато и сильно в этом сочинении дана характеристика русского народа, отмечены его национальные черты.

Радищев подчеркивает преемственность традиции русских землепроходцев и мореходцев, вслед за Ермаком, продолживших освоение огромного неизведанного края, каким являлась Сибирь —

> «пространная сия страна, простирающаяся почти на 12 миллионов квадратных верст, от Уральских гор до Восточного океана и от Киргизской степи, Алтайского и Яблонового хребтов до Ледовитого моря»{176}.

Подвиг Ермака писатель видит не только в военной отваге и храбрости, но и приобщении огромных земель к России с целью их лучшего использования. Здесь нет и намека у Радищева на то, что Ермак в своих действиях поступал по указу Строгановых, что Сибирь была покорена «их иждивением». Радищев вопреки отдельным летописям и историкам, пытавшимся восхвалять Строгановых, подлинным героем истории в приобретении Сибири делает народ и его смелого представителя-вожака Ермака Тимофеевича.

Под лучшим использованием новых земель Радищев понимал развитие производительных сил страны, а вместе с этим и резкое улучшение положения жителей, населяющих этот край. Походы Ермака и Хабарова, экспедиция Беринга, смелое предприятие морехода Григория Шелехова Радищев оценивает как благородный подвиг, совершенный во имя расцвета своего Отечества.

Для Радищева представляется удобный случай «отдать справедливость народному характеру», сказать о русском народе то, что отличает его, и писатель говорит:

> «Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении — суть качества, отличающие народ Российский… О народ, к величию и славе рожденный…»{177}

В этих словах, произнесенных Радищевым десять лет спустя, после того, как была напечатана его «Беседа о том, что есть сын Отечества» — о подлинном патриотизме, прежде всего мы узнаем самого Радищева, как человека, достойного носить имя сына Отечества — великого патриота.

Глубокую и верную характеристику Александр Николаевич дал и Ермаку Тимофеевичу:

> «Но сколь ни благоприятствовали обстоятельства Ермаку в его завоеваниях, — говорит он, — надлежит справедливость отдать ему и его товарищам, что неустрашимость, расторопность, твердость в преследовании предпринятого намерения были им свойственные качества; что Ермак, избранный единожды верховным начальником своею собратиею, умел над ними удержать, свою власть во всех противных и неприязненных ему случаях: ибо если нужно всегда утвержденное и наследованное мнение, чтобы владычествовать над множеством, то нужно величие духа или же изящность почитаемого какого-либо качества, чтобы уметь повелевать своею собратиею. Ермак имел первое и многие из тех свойств, которые нужны воинскому вождю, а паче вождю непорабощенных воинов»{178}.

Урал, как и Сибирь, оставившие самые сильные впечатления у революционера-писателя, дали ему благодатный материал для размышлений над историей, над развитием экономики хозяйства, культуры этих отдаленных окраин государства Российского.

Много ценных характеристик по геологии Сибири и Урала, тонких наблюдений за народом, населяющим эти глухие края России, рассыпано у Радищева в богатом эпистолярном наследии, в его различных сочинениях на экономические темы, в его «Дневниках» и «Записках» путешествия в Сибирь и из Сибири. Они ждут еще своих исследователей — краеведов. Многие места этих «Дневников» и «Записок», в частности, относящиеся к Уралу, требуют тщательного изучения, почему именно эти факты, события, явления приковали внимание ссыльного писателя-революционера.

Укажем здесь лишь на запись от 8 декабря 1790 года,

относящуюся к городу Екатеринбургу, где проездом на несколько дней останавливался Радищев.

> «Город построен по обе стороны реки Исети, которая течет в крепком каменном грунте, — записывает он и особо для себя помечает: — Примечания достоин в рассуждении своего положения: монетного двора, приисков, каменьев, шлифовальни, гранильного искусства и мраморного дела. Медные и железные поделки дороги. Торг хлебом для городских жителей, рыба из Сибири. Мясом ведет больше торг в Вятскую и Пермскую губернию.
>
> Меди всей на всех заводах в отменные годы выплавляется от 170 до 280 тысяч пудов. Заслуги капитана Попова по заводу»{179}.

В этой конспективно краткой записи, каждая строчка содержит глубокий смысл. В самом деле, попробуем полнее раскрыть лишь одно упоминание Радищева о заслугах капитана Попова. Документы, хранящиеся в Свердловском государственном архиве о капитане Максиме Никитьевиче Попове — втором члене Екатеринбургской монетной экспедиции, раскрывают перед нами незаурядную личность.

Попов — сын маркшейдерского ученика. За тридцать лет своей безупречной службы в горном ведомстве прошел все стадии работ: от унтершихмейстера до капитана. Этому талантливому человеку, выходцу из простого народа, берг-коллегией поручалась разведка железных руд и постройка новых заводов в Смоленском, Пермском и Тобольском наместничествах{180}.

Капитан Максим Попов действительно много сделал для развития медеплавильного производства на Урале, в частности для улучшения работы монетной экспедиции. Поэтому неслучайно этот человек привлек внимание Радищева. В архиве сохранился рапорт Попова в Казенную палату Пермского наместничества от 1789 года, в котором рассматривается вопрос о целесообразности устройства двух медеплавильных печей при Екатеринбургском заводе, вносится предложение о более разумном использовании медных руд и флюсов на Урале, о рубке леса, а также «сбережении воды от излишнего употребления»{181}.

Надо думать, упоминания Радищева о заслугах капитана Попова как раз и сводились к этим новшествам, которые он ввел на заводе, будучи членом Екатеринбургской монетной экспедиции.

Тщательное изучение радищевских записей историками-

краеведами позволит еще шире и точнее раскрыть проблемы и вопросы, занимавшие писателя, когда он проезжал по стране изгнания, раскинувшейся от Уральских гор до сибирской реки Лены.

В 1797 году кончилась сибирская ссылка Радищева. Ему было разрешено жить в подмосковном имении Немцово. Проезжая вновь через Урал, писатель делает пометку в своем «Дневнике», что в Кунгуре, в доме городничего, фамилию которого Радищев не называет, он встретил копию с «Путешествия из Петербурга в Москву», переписанную от руки неизвестным человеком. Это чрезвычайно важное сообщение самого автора «Путешествия» указывает, что список с его книги распространялся на Урале и имел своих читателей.

До сих пор не была известна фамилия этого кунгурского городничего. И вот только в 1969 году после долгих поисков и изучения местных архивов удалось установить — городничим являлся капитан Богдан Иванович Остермейер — человек, горячо сочувствовавший ссыльному, но, однако, не поднявшийся до радищевского революционного прозрения и не ставший его единомышленником. Подробно и убедительно об этом говорится в статье «Кунгурские встречи Радищева»{182}.

С тех пор, как по глухим дорогам Урала проезжал А. Н. Радищев, прошло почти сто восемьдесят лет. За это время Урал стал неузнаваемым, он сделал огромный скачок вперед в своем экономическом и культурном развитии. Но краткие записи писателя об Урале, его догадки, что в один прекрасный день весь сибирский край должен будет играть большую роль в летописях мира, заставляют нас, далеких потомков, с благодарностью вспомнить имя Александра Радищева.

comments

Комментарии

1

Н. К. Крупская. Что нравилось Ильичу в художественной литературе. — В кн.: «О Ленине». Воспоминания. Рассказы, очерки. М., 1957, стр. 117.

2

Шушаника Манучарьянц. В библиотеке Владимира Ильича. М., Изд. политической литературы, 1965, стр. 61.

3

Л. Сейфуллина. Избр., М., т. I, Гос. изд-во художественной литературы, 1958, стр. 418.

4

Ж. «Маховик», 1924, № 6, стр. 9—10.

5

Газ. «Советская правда» (Челябинск), 21 января 1926 г.

Л. Сейфуллина. Избр., т. I, стр. 423.

7

Л. Сейфуллина. Собр. соч., М., Изд-во художественной литературы, 1968, стр. 338.

«У великой могилы». М., Изд. газеты «Красная звезда», 1924, стр. 417.

9

Л. Сейфуллина. Избр., т. II, стр. 285.

10

Там же, т. I, стр. 423.

11

П. Бажов. Соч. т. II, Гос. изд-во художественной литературы, 1952, стр. 11.

12

С. Власова. Сказание о Щелкане и Сулее. Челябинское книжное изд-во, 1961, стр. 104.

13

О. Маркова. На покое. Свердловское книжное изд-во, 1960.

14

Е. Федоров. Вдоль голубых Уральских гор. Свердловское книжное изд-во, 1959, стр. 246.

15

Л. Татьяничева. Газ. «Челябинский рабочий», № 95, 22 апреля 1956 г.

16

Л. Татьяничева. Лирические строки, Челябинское книжное изд-во, 1960, стр. 22.

17

Там же, стр. 28.

18

А. Гольдберг. Газ. «Комсомолец» (Челябинск), № 48, 22 апреля 1960 г.

19

Альманах «Южный Урал», 1957, № 2—3, стр. 3—4.

Газ. «Челябинский рабочий», № 94, 22 апреля 1958 г.

21

К. Мурзиди. Горная невеста. Средне-Уральское книжное изд-во., 1965, стр. 91.

М. Львов. Живу в XX веке. Таткнигоиздат, 1957.

23

«Стихи о Ленине». М., Изд-во художественной литературы, М., 1967, стр. 440.

24

Н. Мережников. Звездный гонец. Средне-Уральское книжное изд-во, 1966, стр. 7.

25

Я. Вохменцев. Утро в горах. Челябинское книжное изд-во, 1948, стр. 24—27.

26

Там же.

27

«Первые строки». Челябинское книжное изд-во, 1957, стр. 32—33.

28

Газ. «Челябинский рабочий», № 58, 9 марта 1958 г.

29

Впервые очерк опубликован в журнале «Урал» № 3 за 1967 г., стр. 166—173. Здесь дается в измененной редакции.

30

Газ. «Звезда», № 5, 13 января 1911 г.

31

Газ. «Звезда», № 27.

Газ. «Правда», № 5, 5 мая 1912 г.

33

Газ. «Правда», № 159, 3 ноября 1912 г.

Ив. Шувалов. Первые шаги. — Газ. «Ударник связи» (Наркомсвязь), № 11—12, 14 и 27 мая 1935 г.; *Ив. Шувалов.* Из эпохи «Звезды» и «Правды». — Ж. «Комбайн», 1932, № 9—10.

35

Сб. «Сибирь». Стихи. Курган. Тип. «Народной газеты», 1916, стр. 22.

Там же, стр. 44.

Там же, стр. 1.

38

Газ. «Сибирская правда» (Красноярск), № 6, 22 мая 1917 г.; Сб. «Пролетарские поэты», т. III, стр. 267—68.

39

Газ. «Путь правды», 6 апреля 1914 г.

Газ. «Невская звезда», № 10, 31 мая 1912 г.

41

«Революционная поэзия» (1890—1917). Изд. 2-е, Сов. писатель, Л. 1954, стр. 373; газ. «Правда», № 42, 17 июля 1912 г.

42

Впервые очерк под названием «Поэт революционного Челябинска» (к 95-летию со дня рождения П. Н. Второва), опубликован в газете «Вечерний Челябинск», № 7, 8 января 1969 г. Здесь дается в новой редакции.

43

Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, ф. 342, оп. 1, ед. хр. 11. Эти сведения автору любезно предоставил писатель-краевед Е. Д. Петряев.

Газ. «Голос Приуралья», № 3, 29 октября 1906 г.

Там же, № 190, 20 сентября 1907 г.

Там же, № 100, 25 мая 1907 г.

47

Фонд пермского краеведа А. К. Шарца. — В. В. Мурашев. Литература и жизнь. Рукопись. 1937 г., стр. 32.

48

А. Шмаков. Тайна белых пятен (Из истории печати Южного Урала). — «Челябинский рабочий», № 2, 3 января 1964 г.

49

Эти стихи записаны автором от старого большевика В. М. Перевалова, сидевшего вместе с поэтом П. Второвым в челябинской тюрьме.

50

Газ. «Голос Приуралья», № 229—230, 1 и 3 октября 1909 г.

51

Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Шифр РС 12, № 57. Эти сведения автору любезна предоставил писатель-краевед Е. Д. Петряев.

Газ. «Голос Приуралья», № 1, 1910 г.

Ив. Шувалов. Три поэмы. Петроград, 1923, стр. 7.

54

Газ. «Советская Россия» от 10 января 1961 г. В статье «Товарищ Макар» Б. Иванова подробно рассказывается о биографии поэта-революционера.

Газ. «Советская правда», № 476, 2 июня 1921 г.

56

Очерк «И сегодня в строю» — о пребывании Д. Бедного в Магнитке был первоначально опубликован в газете «Магнитогорский рабочий» 13 апреля 1963 г. Здесь дается в более развернутом и расширенном варианте.

Газ. «Магнитогорский рабочий», № 96, 1 мая 1931 г.

Д. Бедный. Собр. соч., М., Гос. изд-во художественной литературы. 1954, т. 4, стр. 55.

59

Газ. «Магнитогорский рабочий», № 97, 3 мая 1931 г.

Там же, № 108, 15 мая 1931 г.

61

Д. Бедный. Собр. соч., Гос. изд-во худож. лит-ры. 1954, т. 4, стр. 65.

62

А. Шарц. Вытянули, господа. Разовая лит. газета «Уральская новь» (Челябинск), июль 1965 г., стр. 3.

63

Д. Бедный. Собр. соч., Гос. изд-во худож. лит-ры, М., 1954, т. 4, стр. 124.

Там же, стр. 174.

Там же, стр. 175.

Газ. «Магнитогорский рабочий», № 97, 3 мая 1931 г.

67

Первоначально отдельные главы очерка появились в журналах «Огни Казани» на татарском языке № 8 за 1966 г. («Литературное прошлое Западного Урала», стр. 144—150) «Урал», 1967. № 12 («Троицкое литературное гнездо», стр. 170—173); газ. «Челябинский рабочий», № 21, от 26 января 1966 г. («Очаг просвещения». Из прошлого Челябинский татаро-башкирской библиотеки).

Литературная энциклопедия. Изд. Комакадемии, 1929, т. 1, стр. 73—74.

69

Антология татарской поэзии. Таткнигоиздат, Казань, 1957, стр. 100.

Газ. «Правда» 25 ноября 1940 г.

71

Газ. «Голос Приуралья», № 176, 15 августа 1913 г.

Мусульманская газета, 28 августа 1913 г.

Ж. «Мир ислама», т. II, вып. VIII, 1913, стр. 572.

Там же, стр. 573.

75

ЧОГА, ф. 57, оп. 1, ед. хр. 9, лист 209—210.

Инородческое обозрение. Приложение к жур. «Православный собеседник», кн. 3-я, июнь 1913, стр. 232—233.

Газ. «Голос Приуралья», № 181, 22 августа 1913 г.

Ж. «Мир ислама» т. II, вып. VIII, 1913, стр. 572.

Сб. «Самочерпка». Творчество бумажников, 1927. Предисловие А. Серафимовича.

80

ЦГАЛИ, ф. 457, оп. 1, ед. хр. 245.

81

Челябинский партархив, ф. 288, д. 166, св. 18, оп. 12, л. 98.

82

Газ. «Челябинский рабочий», № 81, 6 апреля 1941 г.

83

Газ. «Вечерний Свердловск», № 16, 19 января 1963 г.

Газ. «Наш трактор» (Челябинск), № 45, 16 апреля 1941 г.

Там же, л. 183.

Ж. «Новый мир», № 12, за 1956, стр. 69.

Там же, стр. 78.

Газ. «Советское Зауралье», № 79, 4 апреля 1965 г.

Стенографический отчет. Партиздат, М., 1934, стр. 626.

Газ. «Миасский рабочий», 27 ноября 1960 г.

91

Газ. «Челябинский рабочий», 30 июля 1942 г.

92

Там же, 2 октября 1942 г.

93

Там же. Повесть «Зеленая Брама» публиковалась в газете от 9, 11, 15, 18 и 24 декабря 1942 г.

Газ. «Миасский рабочий», № 79—80, 8 июля 1944 г.

Вс. Иванов. Изб. произведения, т. 1, изд-во Гос. художественной литературы. М., 1954, стр. 376.

Газ. «День печатника» (Курган), 1 мая 1917 г.

Вс. Иванов. Собр. соч., т. 6, М., 1960, стр. 197.

Газ. «Советское Зауралье», № 45, 24 февраля 1965 г.

Газ. «Алтайский край», март 1912 г.

100

Сб. Революционная поэзия в Сибири. 1905—1917 гг. Новосибирское книжное издательство, 1960, стр. 110.

101

И. Белоусов. Литературная Москва. Воспоминания. Изд. II, Московское товарищество писателей, стр. 117—118.

102

Архив Ив. Малютина. Письмо Н. Телешова от 3 сентября 1944 г. Суждение Н. Телешова высказано по рукописи И. Малютина, который задумал свои воспоминания много раньше и отдельные главы их посылал для ознакомления.

103

Разовая лит. газета «Уральская новь» (Челябинск), февраль 1965 г., стр. 5.

104

В сокращенном варианте очерк под таким же названием был опубликован в газете «Советское Зауралье», № 252, 23 октября 1963 г.

105

Советская библиография, вып. 49, 1958, стр. 18—31.

106

Архив краеведа В. П. Бирюкова. Заметки, выписки, наброски Н. Здобнова о русских писателях.

107

Подробно об этом говорится в книге В. Машковой «Н. В. Здобнов». Изд-во Всесоюзной книжной палаты, М., 1959, стр. 75.

108

Газ. «Голос Приуралья», № 22, 26 января 1913 г.

109

В. Машкова. Н. В. Здобнов, М., Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1959, стр. 10.

110

Архив краеведа В. П. Бирюкова. Письмо Н. Здобнова от 21 июня 1923 г.

111

Там же. Письмо Н. Здобнова от 15 ноября 1923 г.

112

Там же. Письмо от 25 июля 1937 г.

113

Разовая лит. газета «Уральская новь» (Челябинск), 9 мая 1965 г., стр. 13.

114

Архив краеведа В. П. Бирюкова. Письмо Н. Здобнова шадринскому врачу — двоюродному брату Н. Г. Буткину от 22 октября 1931 г.

115

Там же. Неоконченное письмо Н. Здобнова библиографу А. Г. Фомину без даты.

116

Там же. Письмо В. Бонч-Бруевича Н. И. Здобновой от 8 октября 1948 г.

117

Там же. Письмо Н. Здобнова В. Бирюкову от 3 июля 1941 г.

118

Там же. Письмо сотрудников Гос. публичной исторической библиотеки от июня 1947 г.

119

Очерк был опубликован в книге «Наше литературное вчера». Челябинское книжное изд-во, 1962. Сейчас дается в расширенной редакции с добавлением новых материалов из жизни и деятельности В. Т. Юрезанского.

120

Челябинский облгосархив, ф. 627, оп. 1, д. 182, л. 104.

121

Газ. «Голос Приуралья», № 275, 31 декабря 1911 г.

122

Там же, № 261, 11 декабря 1911 г.

123

Там же, № 274, 30 декабря 1911 г.

124

Там же, № 242, 17 октября 1911 г.

125

Разовая лит. газета «Уральская новь» (Челябинск), ноябрь 1965, стр. 12.

Ж. «Наши дни», 1918, стр. 8.

127

Письмо М. Белавиной от 17 мая 1961 г.

128

В. Юрезанский. Ржи цветут. Винница. 1924, стр. 43—44.

129

Архив писателя. Письмо К. Федина от 22 января 1924 г.

130

Разовая лит. газета «Уральская новь» (Челябинск), февраль, 1965, стр. 5.

131

Там же, стр. 5.

А. Шмаков. М. Горький и Урал. Южно-Уральское книжное изд-во, 1968, стр. 40.

133

Архив писателя. Копия с газетной заметки.

134

Разовая лит. газета «Уральская новь» (Челябинск), апрель, 1967, стр. 15.

135

Очерк был опубликован в книге «Наше литературное вчера», Челябинское книжное издательство, 1962. Сейчас дается с добавлением новых материалов из жизни и деятельности А. И. Завалишина.

136

Челябинский облархив. ф. 77, д. 277, оп. 2, св. 17, л. 241.

137

Там же, ф. 434, д. 66, оп. 1, л. 14.

138

Газ. «Правда», № 270, 28 сентября 1926 г.

139

Архив писателя. Письмо С. Подъячеву от 23 ноября 1926 г.

Газ. «Известия», № 277, 4 октября 1925 г., стр. 5.

141

Газ. «Советская правда», № 24, 3 февраля 1922 г.

142

Архив Д. Н. Орлова. Письмо от 2 октября 1936 г.

143

Там же. Письмо от 18 сентября 1935 г.

144

Там же. Письмо от 5 октября 1936 г.

145

Там же. Письмо от 23 сентября 1936 г.

146

Там же. Письмо от 24 сентября 1935 г.

147

Там же.

148

Там же. Письмо от 23 сентября 1936 г.

149

Разовая лит. газета «Уральская новь» (Челябинск), ноябрь 1967 г., стр. 9.

150

Там же, стр. 9.

151

Газ. «Советская правда», № 559, 30 ноября 1921 г.

152

Там же, № 604, 6 декабря 1921 г.

153

Архив писателя. Письмо С. Подъячеву от 23 ноября 1926 г.

154

Там же. Письмо С. Подъячеву от 16 ноября 1925 г.

155

Там же. Письмо С. Подъячеву от 13 ноября 1925 г.

156

Там же. Письмо С. Подъячеву от 16 ноября 1925 г.

157

Архив писателя. Письмо родственнице от 1 апреля 1932 г.

158

Там же.

159

Газ. «Советская правда», № 493, 24 июля 1921 г.

160

А. Фадеев. Собр. соч. М., Гос. изд-во художественной литературы, 1961, т. V, стр. 358.

161

Там же.

162

Газ. «Челябинский рабочий» от 9, 13 и 16 сентября, а затем 4, 6, 10, 11, 13, 17, 20 и 21 октября 1951 г.

163

Собрание городского архива состоялось в июне 1951 г. Сохранилась неправленная стенограмма выступления А. Фадеева.

Первоначально статья «Радищев об Урале» была опубликована в альманахе «Южный Урал» в 1953 г. Здесь дается в переработанном виде с добавлением новых материалов.

165

А. Радищев. Избр. сочинения, 1949. стр. 709—711.

Там же, стр. 712.

167

Там же, стр. 535.

168

А. Радищев. Описание Тобольского наместничества, жур. «Советская этнография», VI—VII за 1947 г., стр. 230.

169

Там же, стр. 231.

А. Радищев. Избр. соч., 1949, стр. 534.

171

Там же, стр. 552.

Там же, стр. 557.

173

Там же, стр. 542.

А. Радищев. Полн. собр. сочинений, изд. АН СССР, 1941, т. II, стр. 149.

175

Там же, стр. 149.

Там же, стр. 152.

177

Там же, стр. 146—147.

Там же, стр. 151—152.

179

А. Радищев. Изб. соч., 1949, стр. 711.

Свердловский госархив. Фонд к-ры Екатеринбургского двора, № 56, оп. 1, д. 94.

181

Там же, ф. 24, оп. 1, д. 2509, лл. 6—7.

182

А. Татаринцев. Кунгурские встречи Радищева. — «Урал», 1969, № 7, стр. 160—168.